

Вестник Сыктывкарского университета (научный журнал)	Серия гуманитарных наук ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ КУЛЬТУРОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКА	Выпуск 1 2012
--	---	------------------------------------

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Вохрышева Е.В.</i> Коммуникативные стратегии диалогического взаимодействия в прагмалингвистической перспективе	3
<i>Минина О.Г.</i> Обращение в современном английском языке (коммуникативные функции).	17
<i>Лудыкова В.М.</i> Семантика адъективных предикатов	25
<i>Понарядов В.В.</i> Взаимодействие порядка слов, актуального членения предложения и интонации в коми языке	37
<i>Вуттке Н.А.</i> Явление репрезентации в русском языке	46
<i>Барт М.В.</i> Графические и фонетические девиации в современном русском словообразовании (на материале компьютерного жаргона)	58
<i>Мусанова С.С.</i> Полевые исследования летской фольклорной традиции	69

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Рыжова Е.А.</i> К вопросу о журнальной периодике Коми края 20-30-х гг. XX в.	76
<i>Беишкарёв А.А.</i> Освещение акций «За честные выборы» в региональной прессе: на материале печатных и сетевых СМИ Республики Коми.	82
<i>Пыстина О.В.</i> Стилистический потенциал словообразования в современной публицистике (на материале газет «Комсомольская правда» и «Аргументы и факты»)	90
<i>Кырнышева О. В.</i> К вопросу о газетных изданиях в Усть-Сысольске в XIX в.	100

ИСТОРИЯ

<i>Доброноженко Г.Ф.</i> Сельские эксплуататоры как объект налоговой и кредитной политики в 1921-1927 гг.: противоречие теории, политики и права	108
<i>Кознова И.Е.</i> Колхозная повседневность: «штрихи к портрету (по материалам частной переписки конца 30-х гг.)	118
<i>Макарова Л.М.</i> Гданьск в жизни и творчестве Мариана Колодзья	133
<i>Асташкин Д.Ю.</i> Образ немецко-фашистских оккупантов в послевоенной советской пропаганде (на примере Новгородской области)	141

ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

<i>Разина Т.В.</i> Метасистемный подход к исследованию мотивации научной деятельности	155
---	-----

<i>Бабенко Л.Г.</i> Госпитализированная заболеваемость острым панкреатитом и сахарным диабетом на европейском крайнем севере (1996-2006 гг.): этносоциальные особенности	170
--	-----

МАТЕРИАЛЫ

<i>Бунчук Т.Н.</i> Словарь русского говора с. Лойма как источник этнокультурных сведений.	179
<i>Каракулов А.Н.</i> Святочные гадания Сосновского района Нижегородской области (таблица-указатель)	195

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	210
----------------------------	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Мелихов Михаил Васильевич – д. филол. н., профессор кафедры русской и общей филологии СыктГУ.

Заместитель главного редактора:

Доброноженко Галина Федоровна – д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории, политологии и социологии СыктГУ.

Редакционная коллегия:

Максимова Любовь Анатольевна – к.ист.н., доцент, зав.кафедрой истории России и зарубежных стран СыктГУ.

Гончаров Игорь Анатольевич, д.филол.н., профессор, зав.кафедрой политологии и международных отношений СыктГУ.

Лудыкова Валентина Матвеевна, д.филол.н., профессор, зав. кафедрой коми и финно-угорской филологии СыктГУ.

Козырев Юрий Геннадьевич, к.филол.н., доцент, зав.кафедрой философии и культурологии СыктГУ.

Канева Татьяна Степановна, к.филол.н., доцент, заведующий Учебно-методическим центром по традиционной народной культуре СыктГУ.

Разина Татьяна Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой общей психологии СыктГУ.

Редактор С.Б. Свигзова

Корректор Л.В. Гудырева

Верстка и компьютерный макет А.А. Ергаковой

Подписано в печать 12.11. 2012. Печать ризография.

Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Формат 70x108/16.

Усл. печ.л. 24,9.

Заказ № 329. Тираж 100 экз.

Адрес редакции Вестника СыктГУ
167001. Сыктывкар, Октябрьский пр., 55.
тел./факс 8 (8212) 43-68-20

© ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет», 2012

СТАТЬИ

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 802.0

Е.В. Вохрышева

КОМУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В статье рассматриваются вопросы исследования диалогического взаимодействия с точки зрения прагмалингвистического подхода. Дается оригинальная интерпретация понимания коммуникативной стратегии и предлагается типология коммуникативных стратегий реагирования на материале новоанглийского языка на основе информационно-аксиологического критерия, который позволяет подразделять стратегии на ответные и отказные, прямые и косвенные, и функционального критерия, показывающего роль той или иной стратегии в системе диалога в целом.

Ключевые слова: диалогическое взаимодействие, коммуникативная стратегия, стратегия реагирования, ответная стратегия, отказная стратегия, новоанглийский язык.

The article deals with the problem of communicative strategies of response to the question within the pragmatic linguistic paradigm. The original interpretation of communicative strategies and typology of answering and refusal strategies and their tactics in accordance with the criterion of assessing-informative state and functional criterion within the context of the interaction are investigated.

The keywords: Dialogical interaction, communicative strategy, tactics, response strategy, answering strategy, refusal strategy, Modern English.

Лингвистика как наука располагает серьезной традицией в использовании методов применительно к изучению различных языковых явлений. Фундаментальные проблемы – а к их числу относится и методологическая проблематика – обнаруживают свою актуальность неизменно. Исследования на этом направлении продиктованы не только потребностями внутринаучной рефлексии, желанием достичь определенной стройности в соответствующем разделе теории и терминологической ясности. Они актуальны и в практическом плане – в контексте конкретно-научной познавательной деятельности, периодически создающей

необходимость переосмысления сложившихся представлений. Метод, понимаемый как совокупность предписаний, правил, принципов, приемов, регламентирующих познавательный процесс, предстает в определенном смысле как нормативное знание. Тем самым он задает определенные рамки (содержательные и организационно-структурные) исследованию. Такая ориентация четко согласуется с философским положением о том, что любой метод не может решить всех проблем того или иного исследования, будучи наиболее продуктивным в решении совершенно определенного типа задач. Можно говорить лишь о приоритетности применения того или иного подхода и его соотносительности с другими, используемыми в конкретном исследовании.

Методологически значимым является тезис о том, что сам предмет исследования выступает в качестве фактора развития методологической базы его освоения. В эволюции предмета, в нашем случае – диалогического взаимодействия (ДВ), можно увидеть исходные причины изменений проблематики науки. Логика же трансформации предмета осуществляется под влиянием целого ряда факторов: историческое изменение социально-культурной ситуации, изменение массовой психологии, трансформация характера накопленных знаний о предмете изучения и их применении в практической сфере. Отдельные стороны предмета могут получить исчерпывающее или почти исчерпывающее объяснение на основе представлений, индуцированных внутренней логикой развития предмета (с помощью частнонаучных лингвистических методов), другие находятся как бы в интеграционном исследовательском поле и требуют привлечения методологических средств из пограничных сфер. Новый метод побуждает исследователя по-иному конструировать объект изучения, открывая в нем черты, созидающие его качественную определенность.

Для обозначения пространства изучения языковых явлений важно представить совокупную картину методов, получивших в настоящее время наибольшее распространение в лингвистике.

Значительные традиции в исследовании дискретных явлений языка накоплены методологией *лингвистического анализа*, который обозначается еще как «структурная», или «системная», лингвистика. Лингвистический анализ понимается как изучение лингвистических единиц в совокупности их содержательных и формальных признаков. Он разрабатывается начиная с 20-х годов XX в., активно применяется исследователями до настоящего времени.

Достаточно распространенной является в современной лингвистике *генеративная грамматика*, основателем которой является Н. Хомский. Переход от структурализма к генеративизму означал приоритет объяснения над описанием.

В 70-е годы в связи с повышением интереса к высказыванию и синтаксису активно развивается семантика синтаксиса и вместе с ней – *функционально-семантический* метод исследования.

Обнаруживается тенденция смещения внимания исследователей в сторону изучения языковой способности говорящего, его компетенции и внутреннего состояния (реакций, восприятия, понимания и т.д.), моделирования процессов по-

рождения и восприятия речи. В теориях функционализма акцентируется роль человеческого фактора и выполнение языком определенных функций (информационных, коммуникативных и др.).

Этот метод активно начал разрабатываться в трудах, посвященных концепции семантического синтаксиса. Попытка системного анализа семантической структуры высказывания была предпринята американскими лингвистами Ч.Филлмором и У.Л.Чейфом. Эта теория получила дальнейшее развитие в работах таких зарубежных лингвистов, как Ф.Лифринк, Р.Дирвен, И.Г.Радден, Дж.Лайонз, И.С.Дейвис, П.Менцель. Функционально-семантический метод плодотворно разрабатывается и в трудах отечественных лингвистов. В них представлены как исследования, выполненные на материале отдельных языков, – Т.Б.Алисовой на материале итальянского языка, Г.А.Золотовой на материале русского языка, И.П.Сусовым на материале немецкого языка, Л.П.Чахоян на материале английского языка, так и исследования общелингвистического характера – В.В.Богданова.

Сущность метода заключается в комплексном описании диалогической реплики, учете реальных ситуаций употребления диалогических высказываний и их логической организации. Функционально-семантический метод рассматривает высказывание как семантико-синтаксическую единицу, обладающую функцией номинации определенной ситуации действительности и функцией коммуникации – обеспечения общения людей.

В настоящее время широкое распространение в отечественной и зарубежной лингвистике получил *коммуникативно-прагматический* метод.

Впервые термин «прагматика» был использован К.В.Моррисом для обозначения отрасли философии языка, которая включает в предмет своего изучения не только языковые выражения и их референты, но и участников коммуникации, и возможные условия использования ими языковых средств. Данный подход базируется на соотношении языка с субъектом, который его использует, и реальным функционированием языковых единиц в процессе человеческого общения.

Рассмотрение высказывания как орудия речевого действия и воздействия с определенной целью является основополагающим моментом теории речевых актов, разрабатываемой в русле прагматики. Теория речевых актов предполагает свою модель коммуникативной ситуации, в которой наряду с говорящим, слушающим, собственно высказыванием, обстоятельствами и условиями коммуникации включаются такие компоненты, как цель (иллокутивная цель, интенция) и результат речевого акта (перлокутивный эффект) (Дж.Л.Остин, Дж.Р.Серль). Таким образом, высказывание, представляющее собой целенаправленный речевой акт, выступает и как продукт, на получение которого направлена деятельность коммуниканта, и как средство достижения определенной цели, находящейся за пределами текста высказывания.

Прагматическое направление уделяет много внимания способам достижения наибольшего эффекта в реализации речевой интенции коммуниканта, или его коммуникативным стратегиям. Для этого разрабатываются различные правила и

постулаты, описываются средства их реализации в речевом взаимодействии (Г.П.Грайс, К.Аллен, П.Браун, С.Левинсон, Дж.Лайонз). При этом отмечается, что коммуникативные стратегии, существующие в различных родственных, профессиональных, религиозных, этнических объединениях, различны и определяются социокультурными и языковыми нормами, характерными для этих групп (Э.Гофман, И.Н.Гуди, Дж.Гамперц, Д.Шифрин и др.).

В плане исследования диалогического взаимодействия особый интерес представляет разрабатываемая в рамках прагматического подхода теория косвенного речевого акта, которая помогает в формировании концепции косвенного ответа на вопрос, а также в разграничении первичных и вторичных функций вопросительных высказываний.

Второй важный момент связан с формированием принципов и правил, определяющих некоторые речевые стратегии, что имеет серьезное практическое значение. Учет этих принципов и правил становится довольно эффективным в анализе реплик-реакций. Кроме того, в прагматике в значительной степени внимание концентрируется на субъектах речевой деятельности, а это важно при анализе ДВ в аспекте учета личных взаимоотношений между коммуникантами. Представители прагматического направления указывают на возможность различных типов взаимоотношений в зависимости от факторов личностного и социального характера.

Структурный уровень исследования ДВ дает представление о членении диалога, об основных его компонентах и способах их взаимосвязи.

Изучением целостных дискурсов (циклов диалога), то есть максимальных единиц диалогического взаимодействия в форме их типологии, занимались Б.Техтмайер, В.Франк, Н.Д.Арутюнова, Х.Гайснер, С.А.Сухих и др.

Предложены также разные подходы к разработке концепции дальнейшего членения дискурса на более мелкие единицы. Определенные успехи в этом направлении достигнуты исследователями, рассматривающими диалог как вид социальной интеракции, то есть обмена речевыми действиями между несколькими коммуникантами. Выделены такие единицы, как трансакция, взаимодействие, ход и акт (Дж.Синклер, Г.Култард, Д.Бертон, Л.Корпимис, А.Б.Стенстрем, А.Романов, П.В.Зернецкий), фазы, высказывания, секвенции (Б.Техтмайер, К.Линг, К.Краузе), геймы (П.Б.Лаунер, М.Ньюхофф, Дж.Ритчи, Т.Самад), фреймы (Д.Д.Кларк, М.Арджил, Э.Гофман, Дж.Гамперц, И.Г.Пхакадзе, В.И.Хайруллин), смежные пары (Ч.Гудвин, Дж.Ричардс, Р.В.Шмидт, И.Щеглофф, Г.Сакс, Дж.Джефферсон).

Наиболее активную разработку в последнее время получила такая единица, как речевой акт. По мнению Дж.Остина, одного из основоположников теории речевых актов, речевой акт моделируется как трехуровневое образование. В отношении к используемым в его ходе языковым средствам он выступает как локутивный акт; в его отношении к манифестируемой цели и ряду условий его осуществления – как иллокутивный акт; в отношении к его результатам – как перлокутивный акт [4, с. 92-93]. В соответствии с этим выявляется прагматическая си-

ла высказывания. Локутивная сила высказывания заключается в его когнитивном значении и проявляется в употреблении высказывания в прямом речевом акте. Вместе с тем любое высказывание в процессе актуализации в различных коммуникативных ситуациях может обладать рядом иллокутивных сил, то есть может выражать и угрозу, и предупреждение, и приказ. Кроме того, в круг намерений говорящего входит задача влиять на действия, мысли и чувства собеседника. Результат этого воздействия называется перлокутивным эффектом [4, с. 88]. Дж.Р.Серль вывел основные условия реализации речевого акта (существенное условие, условие искренности и т.д.), уточнил классификацию иллокутивных речевых актов, обосновал понятие косвенного речевого акта [6, 7].

В настоящее время предлагается выделить и четвертый уровень речевого акта – информативный акт, с помощью которого говорящий информирует всех участников разговора о том иллокутивном акте, который он одновременно осуществляет по отношению к адресату [2].

Развивается также понятие «транслокуционного акта», который отражает свойства речевого акта: многофункциональность, рефлексивность, последовательность и интерактивность [14].

Основные положения и достижения теории речевых актов проанализированы и развиты Л.П.Чахоян и А.Г.Поспеловой [10], которые отметили операциональность, произвольность, осознанность, контекстологизованность, динамичность, неразложимость на элементы, характерные для речевых актов.

В прагмалингвистической концепции интерес к неязыковому контексту был вызван стремлением создать некоторую интуитивную понятийную систему для объяснения контекстуальных смыслов речевых высказываний. Однако анализу с позиций теории речевых актов в основном подвергались действия рутинного, нетворческого характера, стандартные действия, при помощи которых осуществляется коммуникативное взаимодействие, составляющее некреативную основу общения. Прагматический поворот в исследованиях речевого общения и ДВ обусловил интерес к процессам речепорождения и взаимопонимания, к целенаправленности в общении и средствам достижения заданной цели, к отдельным фазам этого процесса.

Большое распространение в лингвистике находит на настоящем этапе и когнитивный подход. Особенность когнитивного направления заключается в изучении организации знаний в сознании человека, а также структур, обеспечивающих функционирование этих знаний в процессе общения. Когнитивное моделирование связано с исследованием ментальных схем, управляющих языковым поведением коммуникантов. Оно выводит анализ на уровень взаимодействия когнитивного и языкового сознания, на проблемы языковой памяти, то есть способности человека к восприятию и длительному хранению компрессированных, типизированных «следов» речевых единиц и фигур, многократному воспроизведению и вводу их в сферу сознания и поведения. Исследование проблем языкового сознания и языковой личности выводит когнитивный анализ на понимание того, что когнитивные структуры задействованы не только на уровне отдельных

языковых единиц, но и в смысловой организации самой речи, что они характеризуются эпистемическими и социально-групповыми модификациями. Очевидно, что когнитивные модели имеют дело с базовыми представлениями и глубинными механизмами, лежащими в основе мыслительной деятельности, обеспечивающими возможности взаимопонимания в диалогическом взаимодействии и описывающими лингвокогнитивное и социокультурное своеобразие той или иной нации в ее основополагающих языковых компонентах, системах знаний и смыслов и их коммуникативных формах. Выявление и обозначение лингвокогнитивных структур сознания позволяет сопоставить речевое поведение людей на этноспецифическом, социально-обобщенном и индивидуально-личностном уровнях, определяя инвариантные и вариативные черты и устанавливая приоритетные и престижные моменты их функционирования.

В настоящее время в лингвистических исследованиях обнаруживается тенденция к синтезу разных подходов. В частности, появился ряд работ, в которых приемы семантического, синтаксического, когнитивного анализа сочетаются с приемами, характерными для лингвистической прагматики [1, 3, 5, 8, 9]. Такой синтез позволяет углубить анализ, усилить аргументацию в пользу подтверждения известных закономерностей развития диалогической речи или выявить в них новые существенные особенности.

И это особенно важно, когда речь идет об анализе коммуникативных стратегий диалогического взаимодействия. В литературе коммуникативная стратегия предстает как способ достижения коммуникативной цели; система действий по выбору адекватной реакции; линия поведения личности в определенной коммуникативной ситуации; характеристика коммуникативного процесса; проявление личностных свойств собеседника. Все разнообразие подходов к изучению коммуникативных стратегий, по нашему мнению, можно объединить в два направления: когнитивное и интерактивное. Стратегия на когнитивном уровне представляет собой систему когнитивных ходов, операций, связанных с выявлением значения высказывания, прояснением его иллокутивной силы, прагматического эффекта. По сути, это стратегия понимания и интерпретации смысла.

Интерактивный подход к пониманию стратегии определяет ее как определенный набор коммуникативных действий, последовательности шагов, совершаемых коммуникантами для достижения какой-либо цели и определяемых социальными нормами общения.

На наш взгляд, представление о стратегии как о серии коммуникативных шагов распространяется только на развернутые дискурсы, но не на пласт высказывания и минимальной диалогической интеракции. Концепция когнитивных стратегий, применяемая к высказыванию, во-первых, учитывает только данный уровень, не распространяя анализ на интеракционный слой, и, во-вторых, она ориентирована только на экспликацию ментальных операций по выводу смысла из уже готового результата предыдущей речемыслительной деятельности.

Представление о коммуникативной стратегии как серии интеракционных шагов относится к развертыванию целого цикла диалогического взаимодействия

– дискурса, а понимание коммуникативной стратегии как последовательности когнитивных шагов связывается с высказыванием.

Следовательно, актуально прояснить сущность проявления стратегии на уровне осуществления минимальной интеракции, обмена репликами, на том уровне, с которого собственно и начинается диалогическое взаимодействие. Именно здесь соединяются характеристики стратегии как когнитивной и коммуникативной структуры, проявляется ее качественная определенность. В этом отношении, на наш взгляд, очень полезным является подход Т.Е.Янко, которая, хотя и рассматривает осуществление коммуникативной стратегии на стадии реализации речевого акта, но применяет интегративный анализ, объединяя информационный и прагматический подходы к коммуникативной стратегии, и определяет ее как выбор коммуникативных намерений и распределение квантов информации по коммуникативным составляющим [11, с. 12]. Такой подход позволяет исследователю определить основные процессуальные составляющие коммуникативной стратегии, такие, как выбор глобального речевого намерения; отбор компонентов семантики предложения, которые соответствуют модифицирующим коммуникативным значениям; определение объема информации; соотношение информации с состоянием сознания собеседника и с фактором эмпатии; определение порядка следования коммуникативных составляющих; настройка коммуникативной структуры предложения на определенный коммуникативный режим или жанр.

На минимальном уровне диалогического взаимодействия коммуникативная стратегия, на наш взгляд, объединяет характеристики интерактивного и когнитивного подходов рассмотрения стратегий. Здесь коммуникативная стратегия возникает в результате скрытого когнитивного поиска в пространстве умозаключений, которые могли бы закрыть пустые места в процессе интерпретации или порождения высказывания в диалоге.

Коммуникативную стратегию диалогического взаимодействия можно определить как множество вариантов речевых реализаций, возможных в конкретных коммуникативных обстоятельствах и отражающих весь спектр смысловых потенций, и процесс выбора конкретного варианта в определенной коммуникативной ситуации. Подобное понимание коммуникативной стратегии может быть распространено на все уровни диалогического взаимодействия. На уровне высказывания возникает система возможных смыслов и их интерпретаций, а также осуществляется отбор адекватного варианта. На уровне интерактивного рассмотрения предполагается наличие знаний о возможных структурных развертываниях коммуникативных схем и определение на каждом этапе необходимого интеракционного хода или шага, соответствующего намерениям и целям коммуниканта.

Типология коммуникативных стратегий строится на материале вопросно-ответного диалогического взаимодействия в новоанглийском языке на основе выделения критерия взаимодействия их друг с другом: структурного, функционально-семантического, коммуникативно-прагматического. По

признаку интеракционной самостоятельности стратегии подразделяются на иницирующие и реагирующие. Анализ по критерию прагматического воздействия на реализацию стратегии реагирования позволил выделить нейтральные и стимулирующие (позитивно- и негативно-стимулирующие) иницирующие высказывания. Стимулирующие высказывания включают в себя элементы семантического или прагматического характера, вызывающие позитивные или негативные эмоции. В процессе осуществления диалогического взаимодействия разные типы иницирующих высказываний оказывают доминирующее воздействие на реализацию коммуникативных стратегий реагирования.

Иницирующие стратегии порождают стратегии реагирования. Деятельность реагирующего коммуниканта ориентируется на компоненты и условия предшествующей деятельности адресанта иницирующей стратегии. Вследствие этого реплики-реакции зависят от предшествующей реплики в структурном, семантическом и коммуникативном планах. Однако адресат обладает определенной свободой в выборе вариантов речевого поведения, несмотря на программирующий характер иницирующей реплики. Вследствие этого реагирующая стратегия демонстрирует двойственную зависимость от иницирующей стратегии, включающую возможности либо функционально-семантического и коммуникативно-прагматического соответствия, либо рассогласования. Способность к сознательному целенаправленному планированию и организации своего речевого поведения зависит от комплекса качеств, которыми обладает коммуникант: наличие собственных установок и интенций; оценка особенностей межличностных отношений и обстоятельств общения; информированность по теме общения. Данный комплекс обуславливает определенную самостоятельность реагирующих высказываний в системе диалогических структур и гибкость реагирующей стратегии. Он обозначен в работе как информационно-аксиологический критерий.

Анализ исследуемого массива коммуникативных ситуаций показал, что на основе информационно-аксиологического критерия реагирующие стратегии подразделяются на два основных класса – *ответные и отказные стратегии*, которые в дальнейшем делятся на *прямые и косвенные*.

Стратегия ответного реагирования объединяет реагирующие реплики, полностью или частично заполняющие информационную лакуну иницирующей стратегии и полностью или частично удовлетворяющие ожидания адресанта. В зависимости от того, требует ли информация дополнительных логических рассуждений и выводов со стороны адресанта или нет, ответные стратегии делятся на прямые и косвенные. *Прямая ответная стратегия* включает в себя систему реагирующих высказываний, которые содержат информацию в строгом соответствии с иницирующей стратегией и полностью или частично удовлетворяют ожидания адресанта. Они дифференцируются в зависимости от конкретности и полноты представленной в высказывании информации на тактики прямого полного (собственно полные и полные ответные реакции расширенного объема) и неполного (I и II уровней неопределенности) ответного реагирования. Все такти-

ки прямого ответного реагирования представлены в табл. 1 с примерами их речевой реализации.

Таблица 1

**Стратегия прямого ответного реагирования в новоанглийском языке.
Виды тактик прямого ответного реагирования**

<i>Тактика полного ответного реагирования</i>	<i>Тактика неполного ответного реагирования</i>
<i>1</i>	<i>2</i>
Собственно полные ответные реакции Cerehas: Where's the Duke? Burriss: In the great Chamber, sir. B.,F.,p.110 (Vol.3).	1. Ответные реакции I-го уровня неопределенности а) наличие слов широкой семантики (affair, matter etc.) Careless: What's the matter, madam? Lady Plyant: O the unluckiest accident Congreve, p.181
Полные ответные реакции расширенного объема а) добавление фактологической информации Kiro: Didn't they try to stop you? Shogo: No. It was a question of food. Bond, p.150.	б) Наличие неидентифицирующих определительных конструкций Alinda: What means hast thou? Juletta: Enough to serve you. B.,F., p.217 (vol.5)
б) добавление эмотивной информации Lady Brute: What do you think you should dislike? Belinda: My husband, a hundred to one else. Pr. Wife, p.35.	в) отрицание пресуппозиции вопроса John: What went on between you two last night? Miss Cooper: She didn't win me over. Rattigan, p.61.
	г) отрицание одного из элементов вопроса Jarvis: But whose instruction may we thank for all this? Sir William: Not mine. Gld., p. 145.
	д) ответ на один вопрос из комплекса Constance: In prison? How? Where? Teague: Why, in the little Bashtile yonder. Farq., p.214.
	2. Ответные реакции II-го уровня неопределенности а) наличие модусов сомнения, возможности Euphrasia: How is my father? Melanthon: Perhaps he dies this moment. Murphy, p.18 (3).
	б) наличие эпистемических операторов (know) + отрицание Aminta: Where are ye hurt? Ismenia: I know not, but here me thinks. B.,F., p.5 (vol.7).

1	2
	в) наличие условия Freeman: Is she handsome? Fidelia: No, if you'll take my word for it, but I'm not a proper judge. Wycherley, p.315.
	г) наличие неопределенного элемента Himself: What do you expect? Herself: Something. Griffiths, p.56.
	д) наличие альтернативы Moth: A woman, master. Armado: Of what complexion? Moth: Of all the four, or the three, or the two, or one of the four. LLL., p.320.

Косвенная ответная стратегия объединяет высказывания, имплицитно содержащие прямую информацию, которая может быть выведена как следствие дедуктивных рассуждений и полностью или частично удовлетворяет ожидания собеседника. Она ранжируется в зависимости от доминирующих средств выражения на четыре тактики: грамматическую, стилистическую, логико-семантическую и прагматическую. Грамматические косвенные реакции базируются на сдвигах в категориальных характеристиках глагольного предиката (время, наклонение, залог, модальность). Стилистические косвенные ответные реакции включают высказывания, содержащие метафоры, сравнения, гиперболы, литоты, иронию, тавтологию, синонимию/антонимию. Логико-семантическая косвенная тактика основывается на актуализации какого-либо семантико-синтаксического элемента, а также на обобщении/конкретизации информации, синтаксической связности. К прагматической косвенной ответной тактике относятся реакции, опирающиеся на общий фонд знаний, на неоднородные речевые акты, на описание ситуации. Целостная система косвенного ответного реагирования представлена в табл. 2.

Таблица 2

Стратегия косвенного ответного реагирования

<i>Тактики стратегии косвенного ответного реагирования и их виды</i>			
<i>Грамматическая тактика</i>	<i>Стилистическая тактика</i>	<i>Логико-семантическая тактика</i>	<i>Прагматическая тактика</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
1). расхождение глагольных времен Goswin: How does she? Van-dunck: She will be better, she. B.,F., p.258(vol.2)	1). метафора Sir Politic: Is not his language rare? Peregrine: But al-cheme, I never heard the like. Jonson, p.32.	1). актуализация одного семантико-синтаксического элемента Vivie: Where did you get it? Frank: Gambling, Viv, gambling. Shaw, p. 155.	1). общий фонд Richard: Don't you want me to touch you? Margaret: It seems indecent. Bickerstaff (2), p. 77.

1	2	3	4
<p>2) сдвиг в модальности Gerrard: I will not leave ye. Goswin: How? Gerrard: I dare not leave ye, I must not leave ye and I will not leave ye. B.,F., p.243, (vol.2).</p>	<p>2) сравнение Marina: And how feel thee? Loredano: As rocks, as rocks. Foscarei, p.158.</p>	<p>2) обобщение Calinax: My Lord, she must not sit here. Melantius: Why? Calinax: The place is kept for women of more worth. B., F., p.7, (vol.1).</p>	<p>2) неоднородный речевой акт Berinthia: Who is it that plagues you? Amanda: Who do you think should plague a wife but her husband? Trip., p. 508.</p>
<p>3) расхождение в наклонениях Louisa: Was your mistress so cruel? Carlos: If she had always been so, I should have been happier. Duenna, p.316.</p>	<p>3) гипербола Countess: I pray you, sir, are you a courtier? Clown: O Lord, sir! There's a simple prett- ing off- more, more, a hundred of them. All's well, p. 175.</p>	<p>3) конкретизация Hamlet: Madam, how do you like the play? Queen: The lady protests too much. Sh., p.829.</p>	<p>3) описание ситуации Elvira: Take this dagger. Rolla: How to be used? Elvira: I will conduct thee to the tent where Pizarro sleeps. Pizarro., p.548.</p>
<p>4) разница в залогах Mrs. Swan: How did he suffer? Anish: He was put into prison. Stop- pard, p.14.</p>	<p>4) литота Barbara: Do you mean you've been telling me lies? Billy: Well, not lies exactly. But I suppose I've been, well, exaggerating some things. W.,H., p.261.</p>	<p>4) синтаксическая связность. Rosalind: Is it a man? Celia: And a chain that you once wore, about his neck. As you l., p.87.</p>	<p>4) косвенное отрицание пресуппозиции Margaret: How do your wounds? Duke: The wounds I counterfeited cunningly to enjoy you, sweet. B.F.,p.229(v.3).</p>
	<p>5) ирония Lady Lurewell: What disease did he die of? Sir Harry: A duel, madam. Farq., p.73.</p>		
	<p>6) тавтология McCann: I'm not going there again. Goldberg: Why not? McCann: 'cause I'm not going there again. B.P., p.73.</p>		
	<p>7) синонимия/антонимия Lady Bracknell: Are your parents living? Jack: I have lost both my parents. Wilde, p.32.</p>		

Стратегия отказного реагирования объединяет реагирующие высказывания, которые не заполняют информационную лакуну иницирующей реплики и характеризуются отсутствием положительного результата в реализации интенции адресанта. Отказы являются результатом негативного оценочного отношения к коммуникативной ситуации в целом или к каким-либо ее параметрам. Они классифицируются по двум направлениям: по коммуникативно-прагматическому критерию (роли в системе диалогического взаимодействия на минимальном уровне), а также по функциональному критерию (роли в развитии диалогического дискурса).

В первом случае выделяются коммуникативно-прагматические типы отказных тактик, которые различаются по способу представления отказной информации на прямые и косвенные.

Прямые отказные тактики представляют собой высказывания, в которых с помощью перформативных глаголов констатируются нежелание или невозможность для собеседника предоставить необходимую информацию. Они делятся на категоричные и смягченные. Категоричные отказные реакции указывают на то, что данный коммуникант ни при каких обстоятельствах не предоставит прямой ответной информации своему собеседнику. Прямые смягченные отказные высказывания включают в свою структуру указание на их мотивацию, извинение, ласкательное обращение и т.п., введение которых смягчает их категоричность, модифицирует в некоторой степени их иллокутивную функцию.

Косвенные отказные тактики представляют собой такие реагирующие высказывания, которые имплицитно в качестве логически выводимой информации содержат в себе констатацию нежелания или невозможности предоставления ответной реакции.

В ходе анализа было выделено шесть типов косвенных отказных тактик: ситуативно-ограничивающая, отклоняющая, корректирующая, парирующая, конфликтная, игнорирующая. Ситуативно-ограничивающая отказная тактика включает в себя отказные высказывания, в которых осуществляются либо ссылки на неблагоприятные условия общения (временной фактор, неудобство места общения, присутствие нежелательных свидетелей разговора), либо указания на неприятие адресатом своего собеседника, а также на свою собственную неспособность предоставить адекватную реакцию. Отклоняющая отказная тактика содержит отказные реакции, указывающие на неуместность или неважность иницирующей стратегии. Корректирующая отказная тактика формируется как следствие коммуникативных неудач со стороны адресанта информации, связанных со смысловой или формальной организацией высказывания, или как результат недопонимания со стороны адресата, который вынужден корректировать процесс общения. Парирующая отказная тактика представляет собой такую речевую реакцию, которая должна заставить собеседника отказаться от нежелательной темы разговора. Она чаще всего является результатом нападения на «социальное лицо» (Г.Лич [13], К. Аллен [12]) адресата. Конфликтная отказная тактика представляет собой агрессивные, грубые нападки на собеседника. Игнорирующая от-

казная тактика включает в себя высказывания, игнорирующие интенции адресанта, концентрирующие внимание собеседника на актуальной для адресата информации. Все типы тактик отказной стратегии обобщены в табл. 3.

Таблица 3

Стратегия отказного реагирования на вопрос

<i>Типы тактик стратегии отказного реагирования</i>	
<i>Прямая отказная тактика</i>	<i>Косвенная отказная тактика</i>
1) категоричная Montferrat: Where's she? Abdella: Were I sure this were my latest minute, I wouldn't tell thee. B.,F., p.144 (vol.7).	1) ситуативно-ограничивающая Rev.Samuel: But how are we to get rid of them afterwards? Frank: There's no time to think about it now. Shaw, p.142.
2) смягченная Mrs.Railton-Bell: You shouldn't talk to this man. Sibyl: Why, mummy? Mrs.Railton-Bell: I can't tell you, dear. It might upset you too much. Rattigan, p.88.	2) отклоняющая Biron: Did not I dance with you in Brabant once? Rosaline: A needless question. Fielding, p. 45.
	3) корректирующая Sebastian: How with her, Sir? Tone: How is not seemly here to say. B.,F., p. 140 (vol.4).
	4) парирующая Dorimant: Why will you be gone so soon? Belinda: Why did you stay out so late? Etheredge, p. 211.
	5) конфликтная Bonario: Have they made you to this? Corbaccio: I will not hear thee, monster of men, swine, goat, wolf, parasite! Speak not, thou viper. Jonson, p. 76.
	6) игнорирующая Demetrius: How came ye by this brave gown? Celia: This is a poor one, alas, I have twenty richer. B.,F., p. 357 (vol.2).

Выделенные коммуникативно-прагматические типы отказных тактик выполняют различные роли в контексте диалога в целом и подразделяются на три функциональных вида: *стабилизирующие, обостряющие, двойственные.*

Функции стабилизации диалога выполняют ситуативно-ограничивающие косвенные отказные тактики. Обостряющие коммуникативный процесс отказные реакции влекут за собой конфликтное течение диалога, что достигается применением парирующих и конфликтных тактик. Двойственный функциональный тип содержит в себе тенденции или к стабилизации диалога, или к его конфликтному продолжению и выражается через отклоняющие, корректирующие и игнорирующие косвенные и прямые отказные тактики.

Динамика развития выделенных типов стратегий показывает, что количество прямых и косвенных ответных реакций падает по подпериодам новоанглийского языка, а число отказов возрастает. Изменения в престижности тех или иных типов реагирования обусловлены усилением или падением их информационной или социальной значимости, трансформациями в общественном сознании и установлением иных ценностей, изменениями в социокультурной жизни общества в целом. Варианты реагирования, используемые различными участниками диалогического взаимодействия, выступают в данном контексте в качестве маркеров культуры речевого поведения, так как эксплицируют меру социализации коммуниканта в культуре, принятия и неприятия им общественных ценностей и норм.

1. Готта О. М. Прагматика функционирования ключевых концептов в риторике датских политических партий : дис ... канд. филол. наук. М., 2008. 220 с.
2. Карабан В.И. Сложные речевые акты как речевые единицы : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Киев, 1989. 39 с.
3. Киселева О. В. Прагматика бытования этических концептов в современном публицистическом дискурсе (на материале журнала «Нева») : дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2006. 147 с.
4. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 22-129.
5. Сай С.С. К типологии антипассивных конструкций: семантика, прагматика, синтаксис : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 620 с.
6. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 151-169.
7. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Там же. С. 195-222.
8. Ситосанова О.В. Семантика и прагматика слов-аргументаторов в бытовом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2008. 158 с.
9. Сковородина С.В. Прагматика реактивных речевых актов в немецком диалогическом дискурсе (Концепты «благодарность» и «извинение») : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 219 с.
10. Чахоян Л.П., Поспелова А.Г. Некоторые итоги и перспективы изучения единиц языкового общения // Диалог глазами лингвиста. Краснодар, 1994. С. 15-24.
11. Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии и коммуникативные структуры : автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1999. 58 с.
12. Allan K. Linguistic Meaning. L., N.Y., 1986. Vol. 1. 452 p.
13. Leech G.N. Principles of Pragmatics. L.: Longman, 1983. 250 p.
14. Pragmatics at Issue. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1991. Vol.1. 314 p.

ОБРАЩЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (коммуникативные функции)

В данной статье рассматриваются проблемы классификации и описания коммуникативных функций различных типов обращений в современном английском языке. На основе проведенного исследования различных морфологических и функциональных типов обращений делается вывод о том, что обращение в английском языке является функциональной единицей, не имеющей определенной морфологической формы. Основной функцией обращения является идентификация адресата речи при непосредственном вербальном контакте с ним. К дополнительным функциям обращения относятся: номинативная (называние адресата речи по имени собственному или другому закрепленному за ним признаку); социально-регулятивная и этикетная (индикация социальных и межличностных отношений коммуникантов и этикетное оформление речи); вокативная (привлечение внимания адресата и установление контакта с ним); оценочно-характеризующая (выражение отношения говорящего к адресату) и дейктическая.

Ключевые слова: обращение, английский язык, коммуникативные функции, адресат.

This article considers the problems of classification and description of different types of Address in the English language.

On the basis of investigation of different morphological and functional forms of Address the author comes to the conclusion that Address in the English language is a functional language unit, that doesn't have a definite morphological form.

The main function of the Address is the addressee identification during face to face verbal contact with him. To additional functions of the Address may be referred the following ones: a nominative function (naming the addressee by his/her proper name or other characteristics associated with him/her); a socially-regulative or etiquette function (indication of social and personal relations of the parties and making a speech due to etiquette norms); a vocative function (attracting the addressee's attention and setting contact with him/her), an evaluation function (expressing the speakers attitude towards the addressee) and a deixis function.

The keywords: address the English language, communication functions, addressee.

Для того чтобы понять сущность той или иной языковой единицы, часто возникает необходимость обратиться к вопросу о ее функционировании в речи. Это особенно актуально для обращения, само понятие которого имеет двойственное толкование: с одной стороны, как функция лингвистической единицы, заключающаяся в подчеркивании направленности текста адресату, а с другой –

сами слова или выражения, находящиеся в позиции обращения и выполняющие его функции [1].

Языковые единицы в позиции обращения выполняют различные дополнительные функции: называют адресата речи, привлекают его внимание, характеризуют, выражают отношение говорящего [2], [3], [4], как бы накладываясь на основную функцию обращения – обозначение адресата речи [5]. С целью дифференциации основной и дополнительных функций обращения целесообразно ввести для последних термин «коммуникативные функции».

Как правило, у обращения выделяется ряд коммуникативных функций, которым разными авторами дается различное название. Рассмотрим эти функции и попытаемся их систематизировать.

В большинстве исследований, посвященных обращению, так или иначе подчеркивается его соотнесенность с адресатом речи как номинатом, референтом номинации. На это указывает, например, Керм [6] и [7], понимая под обращением языковую единицу, называющую того, к кому обращаются с речью. По мнению В.Е.Гольдина, обращение является главным средством явного выделения адресата, поскольку оно специализировано в данной функции, в отличие от косвенных средств адресации [8]. А.В.Велтистова видит основную цель обращения в обозначении в качестве адресата того, к кому обращена речь [9]. То есть, выделяя адресата речи, называя его по имени или какому-либо другому закреплённому за ним признаку, обращение позволяет адресату идентифицировать себя как получателя речи [10]. Это дает возможность определить одну из коммуникативных функций обращений как *номинативную*.

В отличие от косвенных средств адресации, называющих получателя речи в третьем лице (to Mr. Brown), обращение выделяет адресата при непосредственном вербальном контакте с ним. Однако назвать адресата можно по-разному. Как справедливо заметила Н.Д.Арутюнова, адресат вступает в коммуникацию не как глобальная личность, а в определенном своем аспекте, амплуа или функции [11], иными словами, в определенной роли: начальника, подчиненного, отца, мужа, друга и т.д. Эта роль во многом определяет выбор обращения. В зависимости от того, какие единицы используются для называния адресата, М.А.Оликова выделяет следующие группы обращений английского языка [12]:

1. *Имена собственные: фамилии, полные личные имена, уменьшительные личные имена.*

2. *Имена нарицательные: традиционные формы вежливости, титулы, слова, обозначающие чин, звание, ученую степень, термины родства, слова со значением эмоциональности.*

Та или иная форма обращения избирается говорящим таким образом, чтобы адресат речи был выделен однозначно по отношению к данной ситуации. Слова doctor, colonel, mother и другие эквивалентны в этом смысле именам собственным, если среди возможных адресатов речи только один человек представляет заданную категорию. И наоборот, имена собственные не выполняют выделен-

тельной функции, если среди возможных адресатов одно имя носит несколько человек [13].

Выбор формы обращения зависит также от других факторов: социальных статусов коммуникантов, степени близости их отношений, возраста и т.д., то есть, определяется правилами этикета. Отражение в формах обращений социальных характеристик говорящих позволило многим авторам выделить среди коммуникативных функций обращений *социально-регулятивную, или этикетную, функцию*.

Обращение часто не только идентифицирует адресата речи, но и выступает в процессе общения как индикатор социальных и межличностных отношений между коммуникантами [13]. По мнению В.И.Карасика, такое использование обращения позволяет поддерживать контакты без «потери лица» как для вышестоящих, так и для нижестоящих членов общества [14]. При этом семантическая функция адресации, идентификации адресата речи как бы отходит на второй план, уступая место социально-регулятивной. Под последней понимается способность слова обозначать в позиции обращения типовое относительное положение адресата и адресанта. Так выражается равенство или неравенство общественного положения участников речи, соотношение их возраста, пола, степень знакомства, официальность или неофициальность отношений, особенности канала связи и т.д. [15]. Это дает возможность В.Е.Гольдину выделить две группы обращений: специализированные, используемые исключительно в функции обращения, и неспециализированные, способные употребляться также в номинативной или предикативной функции (там же, с. 95). В.И.Карасик определяет первую группу как подкласс статусных вокативов, выделяя среди них: а) общие – универсальные формы этикета, используемые в общении равных или неравных людей: Mr, Mrs, sir; б) специальные – указывающие на родственные отношения, профессии, чины, должности и т.д. (colonel, father, professor [16].

Поскольку в английском языке отмечены социально-регулятивные обращения только с восходящим статусным вектором, то есть используемые при общении с вышестоящим партнером (это отражено и в этимологии ряда обращений: sir <senior, Mr.<master), можно предположить, что семантическая функция социальной регуляции совпадает с этикетной. Нормы вежливости проявляются в признании статуса собеседника и его возвышении (там же, с. 199). Поэтому обращения, получившие у разных авторов разное название – этикетные и социально-регулятивные, фактически одна и та же группа обращений.

Этикетные (социально-регулятивные) обращения неравномерно распределены в речи и сконцентрированы, главным образом, в начале и в меньшей степени в конце предложения. При этом в реактивных репликах этикетная значимость обращений возрастает в связи с тем, что нет необходимости в выделении адресата. В ответных репликах, как считает В.Е.Гольдин, обращение используется не в целях адресации, но этикетного оформления речи, выражения социально-ролевых отношений между коммуникантами, или служит для того, чтобы сменить тему разговора [16]. Общение с «чужими» усиливает обязательность выбора

этикетных знаков в сравнении с ситуацией, когда общаются «свои» (там же, с. 76). То же можно сказать и об общении людей с разным социальным статусом, разного возраста и пола: в этом случае этикетные обращения употребляются чаще, чем при общении сверстников и равных по статусу.

Наличие у обращения *этикетной (социально-регулятивной)* коммуникативной функции дало основание некоторым исследователям считать, что традиционные формы вежливости (sir, madam, Mr. и т.д.) находятся в центре системы форм. Такой вывод требует доказательства, поскольку кроме социально-регулятивных существуют антропонимические (имена собственные), дейктические (you), эмотивные (оценочные) обращения. Поместить ту или иную группу в центр поля обращения можно, если убедительно доказать, что выполняемая данной группой функция является первичной и основной.

Еще одна функция, выделяемая у обращения, – это его способность служить средством привлечения внимания адресата и установления контакта с ним. Д.Вундерлих, рассматривая обращение как самостоятельный речевой акт, определял его основную цель как привлечение и поддержание внимания адресата. Этим объясняется, по его мнению, тот факт, что в основе своей обращения инициативны [17]. Как считает В.И.Карасик, назначение обращений в языке – это выполнение апеллятивной функции, установление и поддержание контакта между участниками общения. Л.П.Рыжова называет функцию привлечения внимания *вокативной*. Этот термин представляется наиболее удачным, поэтому под апеллятивами в данной работе понимаются все языковые средства установления контакта и привлечения внимания собеседника.

Основная сложность при выделении вокативной функции обращения заключается в отграничении его от других единиц, используемых для установления контакта и привлечения внимания. К последним относятся формы вежливости: excuse me, could you, may I и т.д. и междометия, привлекающие внимание адресата (Hey! Ahoу!) Вокативную функцию Л.М.Карацева рассматривает как основной принцип классификации обращений английского языка [18]. Тот факт, что автор исследовала интонационный компонент обращения, отразился на ее понимании свойства вокативности, где основной акцент сделан не на установлении контакта, а на звательности, способности привлечь внимание. Поэтому к собственно вокативным Л.М.Карацева относит обращения, употребляемые автономно с целью призыва адресата, например: George! Ann! По мнению автора, вокативность – основное идентифицирующее свойство обращения, характерное для всех его групп. Однако наряду с вокативностью обращение может иметь и другие оттенки значения. Например, модальность, цель которой в той или иной степени передать отношение говорящего к собеседнику (например, фамильярность, панибратство): Money makes money, lad! Обращения могут использоваться с целью выразить эмоцию радости, удивления или гнева, раздражения – эмоционально-экспрессивная функция: George (with reproach). Л.И.Карацева выделяет также группу нелично-восклицательных обращений, куда относит обращения: к Богу, черту, небу и т.д. Они практически утратили свое исходное звательное значение

и приобрели междометийный оттенок. Их функция – выражать эмоции, но безлично, не указывая конкретное лицо, в адрес которого эти эмоции направлены (там же).

Важным достоинством данной классификации является попытка автора проследить градацию степени выраженности у обращения свойства вокативности. В отличие от других классификаций [1; 16], представляющих собой лишь совокупность групп обращений, выполняющих различные функции, в которых отсутствует единое семантическое свойство, связывающее эти разнородные группы в общую систему, классификация обращений Л.М.Карацевой построена на основе единого принципа – свойства вокативности. В ней можно проследить некоторые принципы поля: наличие центра и периферии, концентрацию свойства вокативности в центре и его ослабление по мере удаления от ядра, приобретение периферией вторичных свойств (модальность, оценочность и т.д.). Однако сам автор термин «поле» не употребляет. Критерием оценки степени вокативности обращений является субъективное восприятие автора, и потому очередность расположения групп обращений представляется спорной. Кроме того, в классификации не нашли своего отражения половозрастные обращения (например, boy, girl, man, woman, child) термины родства (Mother, Dad) названия адресата по должности, чину и т.д., когда они занимают позицию в середине или конце предложения. В этом случае свойство вокативности у них выражено слабо, если вообще присутствует. Все это ставит под сомнение правильность выделения в качестве основного свойства обращения вокативности.

Ряд авторов указывают на способность обращения называть адресата не столько с целью привлечь его внимание к сообщению, сколько с целью охарактеризовать его и выразить отношение к нему говорящего (Рыжова; Гольдин). Как замечает Н.Д.Арутюнова, обращение в функциональном отношении двойственно: с одной стороны, оно позволяет адресату идентифицировать себя как получателя речи, а с другой – часто выражает отношение говорящего. *Характеризующую* коммуникативную функцию обращения выделяет и Л.М.Рязанова [19]. Она считает, что формы обращения являются лингвистическим средством выражения взаимных отношений между участниками общения. И потому обращение не только идентифицирует, но и квалифицирует адресата речи, приобретая при этом сигнификативное значение.

Интересное исследование характеризующих обращений проведено Ф.А. Литвиным и М.И.Черемисиной на материале русского языка, но выводы исследователей могут быть применены и к обращению английского языка [20]. Авторы обосновывают точку зрения, противоположную рассмотренной, и считают, что характеристики в позиции обращения не являются собственно обращениями, а скорее, особым типом предиката. Их доказательство включает следующие положения:

- Предикативные характеристики могут развертываться в предложение:
ОХ – Ты – Х, где ОХ – характеризующее обращение, Х – характеристика:
Ты лжешь, мерзавец: Ты – мерзавец, что невозможно у других обращений;

– предложения типа: Ты – Х несут новый смысл и выражают причинно-следственную связь (мотивировку). Поэтому к предикативным характеристикам можно поставить вопрос: мерзавец – почему? Потому, что лжешь.

• *Обращение должно однозначно выделять адресата речи, так как его функция – адресовать сообщение. А характеристики могут быть отнесены к любому человеку, обладающему данными качествами (там же).*

Выводы и наблюдения авторов вызывают большой интерес, однако с ними нельзя полностью согласиться. Прежде всего, нельзя принять утверждение о том, что характеризующие обращения не являются названиями адресата. Они также называют адресата, но в отличие от имен собственных, в основном утративших лексическое значение и ставших «знаком», «символом» адресата, или половозрастных и профессиональных обращений, называющих адресата по объективному свойству или качеству, характеризующие обращения называют получателя речи по субъективно выделенному оценочному признаку. Тем самым характеризующие обращения выполняют функцию идентификации адресата, что удовлетворяет определению обращения. По наблюдению Л.М.Карацевой, вокативная функция в них действительно ослаблена, однако характеризующие обращения, часто используемые по отношению к определенному адресату, могут употребляться и для привлечения его внимания, например: dear, love, darling: Rosemary: Darling! Paul: What darling? / Priestley J.B. Ever since Paradise, 1946, 24/

Особенностью некоторых характеризующих обращений, заставляющих отдельных авторов рассматривать их как форму предикатива, а не обращения, является тот факт, что большинство из них не закреплено за определенным адресатом речи, несут в себе новую информацию и потому не всегда могут быть ассоциированы адресатом с собой. Однако отождествлять характеризующие обращения и предикативы представляется нецелесообразным, так как предложения «Ты лжешь, мерзавец» и «Ты мерзавец» все-таки отличны друг от друга. Кроме того, трансформация характеризующих обращений в предикатив имеет, на наш взгляд, ряд существенных ограничений. Во-первых, она возможна с характеристиками, выраженными существительными, и выглядит неестественно со многими прилагательными: Will you come, my dear? You are my dear, + Will you come? Как справедливо заметили Ф.А.Литвин и М.И.Черемисина, такая трансформация имеет смысл, если существует причинно-следственная связь между характеризующим обращением и смыслом основного предложения: мерзавец – почему? Потому, что лжешь (там же). Если же такой связи нет, то трансформация нелогична: Be careful, sugar! – Be careful. Why? – Because you are sugar.

Из вышесказанного можно заключить, что, хотя характеризующее обращение и имеет отдельные свойства предикатива, в частности приписывает адресату определенный признак, это разные языковые единицы, выполняющие разные функции в речи. Характеризующее обращение сохраняет функцию идентификации адресата речи, в то время как предикатив ею не обладает. Характеризующие обращения можно, видимо, рассматривать как переходную форму, обладающую свойствами разных языковых единиц. Это отвечает представлению об обращении как о полевой структуре, не имеющей четких границ. Характеризующие об-

ращения могут быть размещены на периферии поля. Однако для того, чтобы однозначно определить их место в структуре обращения, необходимо отдельное исследование, которое будет проведено ниже.

Таким образом, большинством лингвистов, исследующих обращение английского языка, признается наличие у него четырех коммуникативных функций:

- 1) *номинативной* (называние адресата речи по имени собственному или другому закрепленному за ним признаку);
- 2) *социально-регулятивной и этикетной* (индикация социальных и межличностных отношений коммуникантов и этикетное оформление речи);
- 3) *вокативной* (привлечение внимания адресата и установление контакта с ним);
- 4) *оценочно-характеризующей* (выражение отношения говорящего к адресату).

Некоторые авторы дополнительно выделяют *дейктическую* функцию, или функцию уточнения, указания на адресата речи, которую выполняют местоимения *you, all, all of you, everybody, everyone, both* и другие, числительные в сочетании с *you: one of you, two of you* наречия *here, there* (Гольдин, Карасик), поскольку данная группа обращений, в отличие от рассмотренных выше, не называет адресата по имени собственному или другому закрепленному за ним признаку, а лишь указывает на него, тем самым идентифицируя последнего.

Другие функции, дополнительно выделяемые некоторыми авторами, например контактная, побудительная, функция воздействия на поведение коммуниканта, самовыражения, фатическая [21], уточнения адресата речи [22], либо совпадают с указанными выше и имеют лишь другое название, либо могут быть включены в них как часть в целое.

Таким образом, в результате анализа существующих точек зрения на природу обращения, его синтаксические и семантические функции можно сделать ряд обобщающих замечаний:

1. Обращение английского языка не имеет особой морфологической формы и выделяется на основании выполняемой им в тексте функции адресации сообщения.

2. Функцию обращения могут выполнять различные части речи: не только существительные и прилагательные, но и местоимения, числительные и наречия и их сочетания, если они выделяют адресата речи при непосредственном вербальном контакте с ним.

3. Обращение английского языка является грамматически и синтаксически самостоятельной единицей и может как входить в предложение, так и употребляться автономно. При этом оно обладает интонационной законченностью и самостоятельной коммуникативной целью.

4. Основной интегрирующей функцией обращения является идентификация адресата речи при непосредственном вербальном контакте с ним. Но наряду с ней обращение выполняет другие коммуникативные функции: номинативную, вокативную, социально-регулятивную, оценочно-характеризующую и дейктическую.

Наличие у обращения *самостоятельной коммуникативной цели* – адресовать сообщение, назвав адресата или указав на него, привлечь его внимание, охарак-

теризовать, этикетно оформить речь, позволяют рассматривать обращение с точки зрения прагматики и теории речевых актов. Нам представляется, что именно такой подход позволит глубже понять сущность обращения.

1. Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы. Саратов, 1987. С. 115.
2. Гольдин В.Е. К проблеме обращения как лексической категории // Язык и общество. Саратов, 1977. Вып. 4. С. 21-28.
3. Литвин Ф.А., Черемисина М.И. Предикативные характеристики в позиции обращения // Вопросы языка и литературы. Новосибирск, 1968. Вып. 11. Ч. 1. С. 54.
4. Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical Principles. P. 2: Syntax. Vol.1; P. 5. Vol. 4; P. 7. London, Copenhagen, 1954, 530
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н.Ярцева. М., 1990. С. 340.
6. Curme G.O. A Grammar of the English Language in 3 volumes. Vol. 2: Parts of Speech and Accidence. Boston, etc.; Vol. 3: Syntax. Boston, New York, 1935. С. 152.
7. Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical Principles. P. 2: Syntax. Vol.1; P. 5. Vol. 4; P. 7. London, Copenhagen, 1954. P. 532.
8. Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы. С. 63.
9. Велтистова А.В. Обращение в современном английском языке (в сопоставлении с русским) : автореф. дис. ...канд. филол. наук. Л., 1964. С. 4.
10. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. М., 1976. Т. XXXI. Вып. 1. С. 355.
11. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата (Теория речевых актов) // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. М., 1981. Т. 40. № 4. С. 356-367.
12. Оликова М.А. Структурно-семантический анализ некоторых компонентов группы обращения в современном английском языке // Структурно-семантические исследования на материале западных языков. Куйбышев, 1974. С. 194.
13. Литвин Ф.А., Черемисина М.И. Указ. соч. С. 55.
14. Карасик В.И. Семантика этикетного действия // Действие: лингвистические и логические модели (Тезисы докладов). М., 1991. С. 40-46.
15. Гольдин В.Е. К проблеме обращения как лексической категории. С. 24.
16. Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 1992. С. 206.
17. Wunderlich D. Studien zur Sprechakttheorie. Frankfurt a. Vain: Suhrkamp, 1976 С.77
18. Карацева Л.М. Семантико-интонационный анализ вокативных единиц в английской разговорной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1969. С. 5-15.
19. Рязанова Л.М. Формы наименования адресата речи в современном французском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983.
20. Литвин Ф.А., Черемисина М.И. Предикативные характеристики в позиции обращения. С. 57.
21. Суханова Т.И. Функции отмеченных номинаций в речевом общении : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984; Рязанова Л.М. Указ. соч. С. 10-15.
22. Руднев А.Г. Синтаксис современного русского языка. 2-е изд. М., 1968. С. 212.

СЕМАНТИКА АДЪЕКТИВНЫХ ПРЕДИКАТОВ

В статье рассматриваются адъективные предикаты. В зависимости от семантического различия прилагательных выделяются предикаты со значением свойства, качества состояния (стативные предикаты), оценочные и релятивные предикаты. Выявлено, что первые два значения выражают качественные и относительные прилагательные, последние два – качественные. Предикаты состояния выражаются безлично-предикативными словами. Дан анализ каждого из этих видов предикатов. Выявлены специфические, характерные для коми языка конструкции.

Ключевые слова: синтаксис, коми язык, адъективные предикаты, семантика, качественные, относительные, оценочные прилагательные.

The article considers adjective predicates. Due to semantic difference of adjectives, predicates may be classified into ones with the meaning of quality, state (stative predicates), evaluative and relative predicates. It was notified that the first 2 meanings are expressed by qualitative and relative adjectives, and the last 2 – only by qualitative adjectives. Stative predicates are expressed by impersonal predicate words.

The article provides analysis of each type of the predicates and reveals constructions specific for the komi language.

The keywords: syntax, the komi language, adjective predicates, semantics, qualitative, relative, evaluative adjectives.

В коми языке в позиции предиката могут употребляться качественные и многие относительные прилагательные, оценочные и дескриптивные, прилагательные в формах сравнительной и превосходной степени. Адъективные предикаты имеют разнообразные значения. В зависимости от семантического различия прилагательных можно выделить предикаты со значением свойства, качества, предикаты со значением состояния (стативные предикаты), оценочные предикаты и релятивные предикаты. Первые два значения выражают качественные и относительные прилагательные, последние два – качественные. **Предикаты свойства, качества** сообщают о сущностном признаке референта-подлежащего. Они представляют собой статические, неизменяемые во времени признаки, «связанные с представлением о покое вещей, систем» [1, с. 426]. Такие предикаты не занимают отрезки на оси времени, хотя и соотносятся с ними (т.е. свойства не описываются в языке как непрерывно длящиеся в течение этих отрезков). Это

обусловлено тем, что свойства составляют параметры объектов и, так же как и объекты, не характеризуются как существующие «пофазно» [2, с. 153]. Существенным является то, что поскольку свойство не возникает во времени, а просто перемещается во времени, или иными словами, время проходит через него, оно не требует приложения силы, которая была бы нужна для существования создаваемого во времени предикативного денотата [там же, с. 98]. Они могут обозначать врожденное или приобретенное качество, однако постоянно характеризующее данный предмет или лицо. При предикатах-свойствах могут быть одушевленные и неодушевленные субъекты, среди них лица и не-лица, природные сущности и артефакты: *А Петя Ваньыс олёма нин* (Белых 1997:100) «А Петя Вань уже пожилой»; (...) *гожёмьд мян войвылын дженьыд* (Раевский 1988:82) «(...) лето унас на севере короткое»; *А ми тані ёнёсь на, кыскалам пестё и даддьён* (Васютов 2002:98) «А мы здесь еще сильные, потаскаем дрова и на санках»; *Туйыс зэв паськыд* (Белых 1997:100) «Дорога очень широкая».

Оценочные предикаты, как уже было отмечено, сообщают об оценке говорящего (субъекта речи или субъекта высказывания) референта-подлежащего. В высказываниях с предикатами с таким значением говорящий обращается непосредственно к характеризуемому субъекту (объекту), сообщая мнение о нем [3, с. 64]. Значение предиката является субъективным. Оценка, как и качество, свойство, представляет собой статический признак. В нём нет изменения во времени: *Тэнад мамыд зэв бур* «Твоя мама очень хорошая»; *Карыс мича* «Город красивый»; *Туйыс лёк* «Дорога плохая». Оценка является универсальной категорией. Вряд ли существует язык, в котором отсутствует представление о «хорошо / плохо» [4:9]. Оценка говорящим может быть дана одушевленным и неодушевленным предметам. При оценочных предикатах в роли подлежащего также могут быть собственные и нарицательные существительные, называющие лицо, живое существо, природные объекты, артефакты: *Кёнкё, тэ, техник, чайтан, мый ме тані медлёк мортыс! Мукёдыс абу жё ёна бурёсь* (Игнатов 1969:33) «Ты, техник, наверно, думаешь, что я самый плохой человек! Другие тоже не очень хорошие»; *Пипу пё мича, да съёмёсыс сись* (КПП 1983:46) «Осина красивая, да сердцевина гнилая»; *Аддзан, кутшём мичаёсь менам сёкёльясис!* (Васютов 2002:40) Видите, какие красивые мои соколы».

Многие прилагательные, занимающие позицию предиката-свойства и оценки, могут обозначать (а) постоянный, не приуроченный к конкретному времени признак / оценку лица или предмета, или характерное для субъекта высказывания в течение длительного времени свойство и (б) признак, приуроченный к определенному отрезку времени, на это значение указывают темпоральные обстоятельства: (а) *Лымйыс еджыд* «Снег белый»; *Сійё зэв рам* «Она очень скромная»; *Сія зэв писка* (Жилина 1998:112) «Она разборчива в еде». Круг оценки нередко ограничивается локативными обстоятельствами: *А тэ эн пов. Том йёз тані бурёсь* (Изьуров 1984:12) «А ты не бойся. Молодежь здесь хорошая»; (б) *Мырпомыд ёні еджыд на, кисьмас вежон кык мысти* (Напалков 1994:41) «Морошка сейчас еще не спелая (букв. еще белая), созреет через недели две»; *Войяс*

öni nemýdöсь nin «Ночи сейчас уже темные»; *Талун мыйкө сійö торья мича* «Сегодня она что-то особенно красива».

Предикаты состояния указывают не на постоянное свойство референта, а на его временный признак, проявляющийся в течение определенного времени. Состояние имеет ограниченную временную протяженность. В конструкциях с такими предикатами подразумевается, что субъект в другой отрезок времени будет находиться в ином состоянии: *Сійö жö мудз, тиыг, дай висьö* (Безносиков 1964:76) «Он же усталый, голодный да и болеет»; *Тэ тиыг. На сёй* (Тимин 2000:102) «Ты голоден. На – ешь». Не случайно в предложениях с предикатами состояния нередко используются темпоральные обстоятельства, указывающие на то, что состояние не является постоянным признаком субъекта, а характерным для него лишь в определенный отрезок времени. Такими распространителями, например, являются *öni* «сейчас», *талун* «сегодня», *тöрым* «вчера» и т.п., выражающие неопределенную протяженность во времени: *Павел Дмитриевич Киселев талун асывсяныыс скöр* (Тимушев 1986:8) «Павел Дмитриевич Киселев сегодня с утра сердитый». Состояние может быть повторяющимся. Это значение предиката выявляется при определенных условиях. Такими являются, например, наличие темпоральных обстоятельств *татийöм здукас* «в такие моменты», *татийöм луньясьö* «в такие дни», *рытьяснас* «вечерами», *войяснас* «ночами», *тöвьяснас* «зимой (букв. зимами)» и т.п., наличие связочного глагола *овлыны* «бывать», который имеет значение повторяемости, неоднократности: *Тулысьясö, кор няныыс водз бырö, тиыгöсь овлöны* «Весной, когда хлеб заканчивается, бывают голодными»; *Лавкаыс луннас овлö пöдса, вощьылö сöмын рытьяснас* «Днем магазин бывает закрытым, открывается только вечерами».

Темпоральные обстоятельства типа *шоча* «редко», *пыр* «всегда», *гежöда* «редко», *корсюрö* «иногда», *тиöкыда* «часто», а также глагол *овлыны* «бывать», *овлывлыны* «бывать» в сочетании с предикативными прилагательными со значением состояния указывают на временное пребывание субъекта в определенном состоянии: *Лавкаыс пыр пöдса* «Магазин всегда закрыт»; *Сійö шоча овлö скöр* «Он редко бывает сердитым»; *Сійö тиöкыда тиыг овлö* «Он часто голодным бывает». Показательно, что в сочетаниях с предикатом состояния наречия типа *редко, часто, иногда, обычно, всегда* (а также семантически эквивалентный глагол *бывать*) обычно характеризуют временные периоды существования субъекта, в отличие от сочетаний с характеризующими предикатами, в которых те же наречия прочитываются как квантор, ограничивающий объем денотата субъектного терма (*быть пьяным* и *быть хорошим лингвистом*) (5:70). Итак, отнесенность с осью времени, фазовость, длительность, замкнутость определенным отрезком времени – таковы факторы формирования значения предиката как предиката состояния (6:341). Значение состояния, объективное по содержанию, определяется как универсальная языковая категория, обозначающая доминирующий в момент предикации временный и обусловленный признак предмета, события, явления (Там же: 341-342). Состояние не требует усилий, чтобы иметь место в действительности. При предикатах состояния субъект всегда конкретный, т.к. в

каком-либо состоянии в определенный отрезок времени может находиться конкретное лицо, а не все. При таких предикатах не может быть обобщающего субъекта, в реальной действительности не может быть ситуации, при которой в одном и том же состоянии находилось обобщенное множество лиц: *став йӱзыс тиыгӱсь* «все люди голодные», *ставыс кодӱсь* «все пьяные», *ставыс пӱтӱсь* «все сытые» и *быдӱн пӱтӱсь* «все сыты». В предложениях с предикатами состояния субъектом является конкретное лицо, выраженное личными местоимениями, имена существительные с конкретным значением (*зонка* «мальчик», *нывка* «девочка», *мужичӱй* «мужчина», *нывбаба* «женщина» и т.п.). С предикатами данной семантики может быть использовано только конкретное множество: *ми* «мы» (говорящий субъект и его ближайшее окружение), *ти* «вы» (собеседник и его ближайшее окружение). В предложениях при наличии субъекта конкретного или обобщенного множества нередко используются локативные распространители, сужающие круг множества субъектов: *Гортын ӱни ставыс радӱсь тайӱ бур юӱрыслы* «Дома сейчас все рады этой хорошей новости»; *Сиктын ӱни некод оз тиыгӱяв, ставыс пӱтӱсь* «В селе сейчас никто не голодает, все сыты». Для предикатов состояния характерна несочетаемость с обстоятельствами типа *ӱдӱй* «быстро», *ныӱжӱй* «медленно», *друз* «вдруг», *регыдӱя кадӱн* «в течение недолгого времени», *дыр кадӱн* «в течение длительного времени» и т.п. Эта особенность свойственна предикатам состояния, и она противопоставляет такие предикаты предикатам свойства [3, с. 13]. В предложениях с предикатом, имеющим значение физического, эмоционального состояния, в качестве субъекта употребляется лицо; субъект – не-лицо может быть лишь в конструкциях со значением физического состояния: *Найӱ тиыгӱсь, мудзӱсь, гортаныс тэрмасьӱны* (Дорнин 1968:63) «Они голодные, усталые, домой спешат»; *Чужӱмьясыс сьӱдӱсь, асьныс мудзӱсь, но долыдӱсь...* (Васютов 2002:84) «Лица черные, сами усталые, но довольные»; *Бара зэв шудаӱсь (ми)* (Шахов 1988:80) «Опять (мы) очень счастливы».

В двусоставных конструкциях с предикатами, выражающими состояние окружающей среды, природы, в роли субъекта выступают конкретные имена существительные с локальной семой (*керка* «дом», *керка пытикӱс* «внутренность дома» и т.п.), а также выражающие природные сущности типа *ывла* «улица» и т.п.: *Кад чеччыны. Со тай кодлӱнкӱ биайӱсь жӱ нин ӱшиньясыс* (Белых 1997:185) «Пора вставать. Вот у кого-то тоже уже свет горит в окнах (букв. окна освещены)»; *Ывлаыс лунын моз югыд* (Раевский 1988:38) «На улице светло (букв. улица светлая), как днем».

В реальной жизни для возникновения того или иного эмоционального состояния должны быть определенные причины, основания. Они часто вводятся в высказывание: *Лымсыс лэбувсӱ весалигӱн ӱльӱксан аддзис сямӱдӱн вевттышитӱм кос нес чукӱр да рад: оз ковмы лым питӱ собитӱмӱн нес дасьтыны* (Шахов 1985:84) «Когда чистил навес от снега, Александр нашел поленицу дров, покрытую берестой, и рад: не надо будет ходить по снегу и готовить дрова»; *Лэд-*

зисны скётной дворсьыд да и рад (Шахов 1985:99) «Отпустили со скотного двора, и (она) рада».

Особую группу адъективных предикатов образуют **релятивные** предикаты, выражающие значение отношения. Такие предикаты указывают на то, что признак в определенном референте, названном в подлежащем, проявляется в большей степени, чем в другом, названном в дополнении, они выражают изменяющийся признак. Отличие коми и других финно-угорских языков от индоевропейских заключается в том, что в них, кроме синтетического способа образования сравнительной степени, имеется синтаксический способ, при котором само прилагательное не принимает никаких маркеров, остается в позитиве. Оно управляет элативной формой объекта (*лымйысь еджыд* «белее снега (букв. из снега белый)»), образуются специфические релятивные конструкции, в которых кроме главных членов в качестве обязательного компонента выступает дополнение с объектным значением. В них прилагательное-предикат в позитиве и в форме номинатива сообщает о признаке, облигаторное дополнение называет объект, с признаком которого сравнивается признак референта-подлежащего. В таких конструкциях вербально называются все компоненты, необходимые для выражения отношения сравнения: сравниваемый предмет (подлежащее), предмет, с чем сравнивают (дополнение в элативе) и признак (предикат в номинативе). Объект всегда находится в препозиции по отношению к предикативному прилагательному: *Тэ тай мейсь ыджыд!* – *шензис Роза* (Шахов 1988:97) «Ты, оказывается, выше меня (букв. из меня большой)! – удивилась Роза»; *Натальыд эськё мейсь, дерт, мича* (Попов 2001:23) «Наталья, конечно, красивее меня (букв. из меня красивая)»; *Полковник Штольц ручысь мудер, кёйнысь на лёк* (Пыстин 1987:55) «Полковник Штольц хитрее лисы, злее волка (букв. из лисы хитрый, из волка злой)». В таких конструкциях предикативное прилагательное, информирующее о сравниваемом признаке, может быть оформлено маркером сравнительной степени, при этом позиция элативной формы объекта более свободна: она может находиться как в препозиции по отношению к адъективному предикату, так и в постпозиции по отношению к нему: *Сійё мянысь арлыдаджык* (Васютов 2002:18) «Он старше нас (букв. из нас)»; *Но сійё, вёлём, сюсьджык мейсь* (Там же :180) «Но он, оказывается, хитрее меня».

Объект сравнения может выражаться и послеложными конструкциями, состоящими из личных местоимений (имен собственных, нарицательных существительных) и послелогов *серти, дорысь* «по сравнению с»: *Сійё ме дорысь ыджыд* «Он выше меня»; *Котъ и дядь сійё, а йёз морт дорысь мустёмджык на* (Федоров 1979:29) «Хоть и дядя он, а неприятней чужого человека».

В релятивных конструкциях при предикате возможны распространители, указывающие на степень, меру превышения признака предмета или лица. Такими являются обстоятельственные слова типа *зэв* «очень», *ёна* «очень», *неуна* «немного», *тёкётъё* «немного, едва», *кык пёв* «два раза», *некымын пёв* «в несколько раз», *юрён* «на голову (букв. головой)», *воён* «на год (букв. годом)» и т.п.: *Марьяысь сійё ёна пёрысь* (Шахов 1999:32) «Он намного старше (букв.

очень старый) Марьи»; *Куим воён ыджыдджык мейсь Сандыр вокö* (Васютов 2002:49) «На три года старше меня, брат Александр»; *Сійö öти рубён донтöмдэжык* (Куратова 2002:47) «Это на один рубль дешевле».

В конструкциях, в которых названный в предикате признак проявляется в одном и том же предмете с разной степенью интенсивности, обычно присутствуют темпоральные обстоятельства, которые и способствуют выражению компаративного значения прилагательных: *Тöвнас дырдэжык кутам узьны, сэж войясыс кузьдэжыкöсь* (Торопов 1980:5) «Зимой дольше будем спать, тогда ночи длиннее»; *Вöралысьлөн медся матысса ёртыс, пон, бöрря кадö лои кöинысь лёкөн* (Васютов 2002:205) «Самый близкий друг охотника, собака, в последнее время стала злее волка»; *Тайö удэжын и аддзис аслыс гаж сійö. А талун вöли кутиöмкö торья нин кыыд лола, весиг мичадэжык лöма* (Федоров 1979:126) «В этой работе она и нашла свое счастье. А сегодня была в особенно приподнятом настроении, стала красивее».

Темпоральные обстоятельства типа *лунысь-лунö* «изо дня в день» подкрепляют значение становления, которое выражается связочным глаголом, информируют о том, что признак не может оставаться без изменения. Такие распространители возможны лишь в релятивных конструкциях с предикатом в форме компаратива и при связочном глаголе *лоны* «стать, становиться»: *Лунысь-лун вöр-ваыс гажадэжык кутис лоны* (Белых 1997:24) «Изо дня в день природа начала становиться краше»; *Лунысь-лун сійö (горда) лоис верстöдэжык да мичадэжык* (Там же:69) «Изо дня в день она (утка) становилась взрослее и красивее».

Особое положение занимают конструкции с синтаксемой *нöшта* «еще», *нöшта на* «еще», которая сигнализирует о наличии значения сравнения, хотя в высказывании нет ни одной компаративной формы, эксплицитно выраженной: *Пицальыс ичöт-ичöт, ачыс нöшта на ичöт* (Васютов 2002:47) «Ружье маленькое-маленькое, (он) сам еще меньше (букв. еще маленький)»; *Ми мудерöсь-мудерöсь, а немечыд нöшта на мудер* (Там же:18) «Мы хитрые-хитрые, а немцы еще хитрее (букв. немец еще хитрый)». При выражении значения сравнения с помощью элемента *нöшта* используется сложная конструкция, состоящая из двух предикативных частей, предшествующая часть является облигаторной, в ней называется референт, с чем сравнивается другой референт, обозначенный во второй части. Элемент *нöшта* может использоваться и в конструкциях с одним предикативным ядром, при этом предикативное прилагательное маркируется формантом компаративности; облигаторным является темпоральный распространитель: *Öни ваыс сэни (тыын) вöли нöшта сöстöмдэжык* (Белых 1997:21) «Сейчас вода там (в озере) была еще более чистой». В данном высказывании *нöшта* выражает дополнительную информацию о том, что в определенный отрезок времени вода уже была чистой, но в настоящее время она обладает данным признаком в более высокой степени.

Использование синтаксем с подобным значением свойственно и для других языков, к примеру, в эстонском языке такими являются наречия *veel (gi)* «еще», *isegi* «даже». Они также сигнализируют о наличии в компаративных предложе-

ниях дополнительной семантической предварительной информации. Помимо всего прочего из предложения с релятивным прилагательным: *Mees on veelgi pikem kui naine* «Мужчина еще выше, чем женщина» следует, что женщина высокого роста в классе людей, соответствующий вывод следует зафиксировать в виде предварительной информации в аблативной структуре семантической репрезентации предложения [7, с. 18-19].

При отсутствии темпорального обстоятельства место, которое открывает предикат в форме компаратива, может быть заполнено придаточным времени, которое при этом является облигаторным: *Питор мичаджык, кор велддчө* (Куратов 1979:139) «Сынок более красив, когда он учится».

Степень проявления признака может зависеть от определенных условий, нередко называемых придаточными: *Ичмонь кыкысь муса, вöччөм кө* (Куратов 1979:138) «Молодуха еще (букв. дважды) красивее, если (она) нарядная».

В высказывании может быть указана и причина изменения меры, степени признака: *Сьёлөм вөлі небыдджык нөшита на сыысь, мый Райрыб меным воис сьёлөм вылө, некодөс ме дырйи эз дойд чорыд итрапөн (...)* (Васютов 2001:221) «На сердце было легче (букв. сердце было мягче) еще и оттого, что Райрыб мне понравился, при мне никого не обидел крупным штрафом (...)».

Важным при сравнении качества, свойства (состояния) является и местонахождение предмета, лица. Степень проявления качества, свойства, члена (членов) класса однородных предметов, находящихся в каком-либо одном месте, может быть больше, чем у подобных предметов, находящихся в другом месте. Облигаторным условием для обозначения сравнения является локальный распространитель: (...) *вöравны со катöны Мозын йылө, сэннi пö вöрса кыйдöсыс озырджык* (Васютов 2002:184) «(...) на охоту вот идут на верховья Мезени, мол, там леса богаче (букв. лесная добыча богаче)»; *Тан пö тай нянясьджыкөсь йöзыс. А ми-ян өд жеба зэв олöны* (Федоров 1994 I:563) «Мол, здесь больше хлеба у людей (букв. люди более хлебные). А у нас очень бедно живут».

В высказываниях с предикативными прилагательными в форме компаратива выражается изменяющийся признак, часто дается оценка признака субъектом речи.

В позиции предиката возможны и прилагательные в форме превосходной степени, которые сообщают о наибольшей степени проявления признака, о наивысшей оценке предмета или лица: *Васса первойысь гөгөрвоис öти ыджыдтор: бур другьяс да пöдругаяс медся донайсь олөмад* (Изьуров 1984:156) «Васса впервые поняла очень важное: хорошие друзья и подруги в жизни являются самыми ценными»; *Став нывсяыс на тэ медмича* (Торопов 1988:133) «Из всех девушек ты самая красивая»; *Сьылсны нель-ө-витөн, и быдөн зилис петкөдлыны, мый сьлөн гөлөсыс медмича да медмыла* (Торопов 1982:58) «Пели человека четыре-пять, и каждый старался показать, что его голос самый красивый, самый мелодичный».

Следует отметить, что в релятивных конструкциях свободно используются и заимствованные из русского языка краткие прилагательные в форме компарати-

ва: *Тэ сэки правдэжык вёлёмыд* (Шахов 1988:218) «Ты тогда, оказывается, был более прав»; *Весиг стрёгдэжык лоис чужёмыс (...)* (Напалков 1981:67) «Даже более строгим стало лицо (...»); *Мельнича дорё лэччодысь туйыс крутдэжык лои* (Федоров 1979:15) «Дорога, ведущая к мельнице, стала более крутой».

Адъективные предложения, как и предложения других типов, могут быть отрицательными. Вслед за В.Н. Бондаренко, под **отрицанием** нами понимается языковое выражение (наличия) негативных связей между понятиями отрицательного суждения, в свою очередь отражающего отрицательные (негативные) связи действительности. Однако в предметно обусловленных утвердительных или отрицательных суждениях отражаются не положительные или отрицательные связи понятий (или их наличие), а наличие или отсутствие, бытие или небытие определенных связей самих вещей (или явлений) действительности (8:57). Поддерживая точку зрения А.И. Смирницкого и В.Ф. Кондусовой, В.Н. Бондаренко подчеркивает, что в утверждении или отрицании выражается соответственно наличие или отсутствие в самой действительности определенных связей между предметами (явлениями) или их признаками, что ближе всего к истине те авторы, которые под отрицанием понимают выражение именно отсутствия, несуществования чего-либо в объективной действительности (Там же:58-59). Таким образом, в отрицательных адъективных предложениях с помощью языковых средств отражается отсутствие связей между предметом и его признаком. Предикативное прилагательное в отрицательной форме указывают на то, что в реальной действительности лицу, живому существу, неодушевленному предмету признак, названный в этом прилагательном, не соответствует. В адъективных предложениях коми языка полное отрицание выражается частицей *абу* «не». Она не изменяется по числам, показатель множественности принимает само предикативное прилагательное.

В отрицательной форме могут быть использованы адъективные предикаты всех семантических групп: предикаты-свойства, оценочные предикаты, предикаты состояния. Частица *абу* «не» всегда находится в препозиции по отношению к прилагательному: *Ме жё, мам, тёда. Ме жё абу нин ичёттик* (Куратова 1983:80) «Я же, мама, знаю. Я же уже не маленькая»; *А делёясыс сылён абу бурёсь* (Изьюров 1984:12) «А дела его плохие (букв. не хорошие)»; *А синъясыс Шутовлён абу скёрёсь* (Ульянов 1992:16) «А глаза Шутова не злые».

В коми языке отрицательное значение прилагательных выражается и при помощи каритивного суффикса **-тём**. Семантика таких отсубстантивных прилагательных уже указывает на отрицание связи между денотатами. Такие дескриптивные прилагательные способны занимать позицию предиката, образуя отрицательное адъективное предложение: *Керка ёшиньяс битёмёсь* (Федоров 1994 I:762) «В окнах домов свет не горит (букв. окна несветовые)»; *Йёграйд понтём, коряс-коряс да, гашкё и, эновтчас* (Тимин 2000:78) «Манси без собаки, поишет-поищет и, может быть, отстанет»; *А ёна мичаёсь тані пожёмъясыс! Лёз энэжсё пыкёны вылын юрнаныс и пёшти кузялаыс увтёмёсь* (Торопов 1988:

205) «А очень красивые здесь сосны! Макушками (своими) подпирают синее небо и почти на всю высоту без сучьев (букв. несучковатые)».

Весьма специфическими и характерными для коми языка являются конструкции с относительными предикативными прилагательными с маркером **-тӧм** и отрицательной частицей **абу** «не». В таких конструкциях в результате двойного отрицания «происходит снятие отрицания с выражением утверждения» (Там же: 127), причем значение утверждения усиливается, подчеркивается говорящим субъектом: *Абу на кӧмтӧм сійӧ* «Есть еще у него обувь (букв. не безобувный еще он)»; *Абу на сакартӧмӧсь ми* «Есть еще у нас сахар (букв. мы не бессахарные)». В таких конструкциях «двойное отрицание не равно простому утверждению, а выражает нечто большее. Действительно, какой иначе смысл использовать способ более сложный, чем обычное утверждение? Очевидно, что в результате отрицания появляется утверждение более категоричное, чем простое утверждение. Это положение можно сформулировать следующим образом: двойное отрицание равно усиленному утверждению» [9, с. 245].

Конструкции с двойным отрицанием характерны и для других родственных языков, например, в удмуртском языке сочетание отрицания *ӧвӧл* с именами с суффиксом **-тэм** приобретают утвердительное значение: *Сьӧлыктэм ӧвӧл, брат, Лиза но* «Не без греха, брат, и Лиза»; *Пинальёслэн но мылкыдзы валантэм ӧвӧл* «Да и настроение ребят не непонятное» [10, с. 80].

В коми языке предикативные прилагательные в отрицательной форме могут употребляться в сочетании с интенсификаторами **дзик**, **скӧнь** «совсем, совершенно, абсолютно», **ньӧти** «совсем не, совершенно не», причем **ньӧти** сочетается лишь с отрицательными прилагательными, занимающими позицию предиката. Интенсификаторы вносят разные оттенки в смысл адъективного предиката в отрицательной форме. Предикат, состоящий из отрицательной частицы **абу** «не», интенсификаторов **дзик**, **скӧнь** «совсем, совершенно» и прилагательного, имеет значение смягченного утверждения, при этом частица находится в препозиции по отношению к наречиям: *Ми абу на скӧнь сакартӧмӧсь да тшайтӧмӧсь* «У нас есть еще сколько-то, небольшое количество сахара и чая (букв. мы еще не совсем бессахарные и бесчайные)», ср. *ми абу сакартӧмӧсь* «у нас есть сахар (букв. мы не бессахарные, имеется в виду, что количество сахара имеется в достаточном количестве, в этом случае значение утверждения усилено)», ср. также без отрицательной частицы **абу**: *Ми скӧнь сакартӧмӧсь* «У нас совершенно нет сахара (букв. мы совершенно бессахарные)», то же в следующих высказываниях: *Сійӧ абу дзик няньтӧм* «Он совсем без хлеба, немного, в небольшом количестве, но хлеб имеется»; *Ми абу дзик сёянтӧмӧсь* «Мы не совсем без еды, какая-то, в небольшом количестве, не очень хорошая, но еда есть». Интенсификаторы в отрицательной форме возможны и при качественных прилагательных: *паськӧмыс абу дзик выль* «одежда не совсем новая», *ваыс абу дзик кӧдзыд* «вода не совсем холодная». Особенность интенсификатора **ньӧти** «совсем не, совершенно не» состоит в том, что он может быть реализован лишь в отрицательных высказываниях, при этом усиливает значение отрицания (отрица-

тельная частица *абу* «не» занимает позицию перед прилагательным): *Луныс ньӧти абу кӧдзыд* «День совсем не холодный»; *Сёяныс ньӧти абу чӧскыд* «Еда совсем невкусная»; *Карыс ньӧти абу мича* «Город совсем некрасивый». В русском языке, к примеру, в высказываниях с такими предикатами ожидается противопоставление признаков: *День совсем не холодный, а теплый. Город совсем не красивый, а даже уродливый*. В коми языке эксплицитно выраженной второй части с противоположным значением не требуется, однако противоположный признак в высказывании присутствует имплицитно: *Луныс ньӧти абу кӧдзыд* «День совсем не холодный, значит, теплый». В синтаксических структурах с двойным отрицанием синтаксема *ньӧти* «совсем не» позволяет субъекту речи утверждать о наличии признака в смягченной, в некатегоричной форме: *Коді пӧ шуис, мый тэ мисьтӧм? – Абу ӧд, мися, ньӧти рӧмпӧитантӧм* (Юшков 1979:9) «Мол, кто сказал, что ты некрасивая? – Я говорю, у меня ведь есть (какое-то, хотя и не очень хорошее, может быть кусочек) зеркало (букв. я не совсем беззеркальная); ср. *абу рӧмпӧитантӧм*, в данном же высказывании сообщается о категориальном, усиленном утверждении: У меня есть зеркало (букв. я не беззеркальная)», ср. также *сийӧ ньӧти рӧмпӧитантӧм* – в этом случае усиливается отрицательное значение «У него нет никакого зеркала (букв. он совершенно беззеркальный)».

В адъективных предложениях близкородственных языков отрицание также выражается при помощи отрицательной частицы, имеющей общее происхождение, в коми-пермяцком – это частица *абу*, коми-язьвинском – *ов|I*, удмуртском – *ӧвӧл*. Отрицание *ӧвӧл* в удмуртском языке, в отличие от коми языков, располагается не перед предикативным прилагательным, а после него: *Дядя Петрован, лыкты ми дорӧ, семьямы милям бадрым ӧвӧл* «Дядя Петрован, приди жить к нам, семья у нас небольшая» (Там же:72). В современном коми-пермяцком языке наряду с отрицательной частицей *абу* для выражения значения отрицания широко используется и частица *не*, причем, как показывает языковой материал, отрицание *абу* постепенно вытесняется (как представляется, под влиянием русского языка) частицей *не*. В отрицательных адъективных предложениях в настоящее время преимущественно употребляется отрицание *не*: *А Тасим сэтӧн не виноват: тиӧктисӧ и керис* (Климов 1963:48) «А Тасим в этом не виноват: попросили и сделал»; *Тиминаын и сэтӧн отирыс не ӧткодьӧсь* (Федосеев 1991:87) «В Тимине и там люди не одинаковые»; *Ӗшиннэз картаын не учӧтжыкӧсь керку ӧшинься* (Лихачев 1964:41) «Окна в хлеву не меньше, чем окна домов». Отрицательные адъективные конструкции с частицей *абу* гораздо менее употребительны по сравнению с конструкциями с *не*: *Миян деревняным абу ӧддӧн важж* (Кривошекова-Гантман, Ратегова 1980:56) «Наша деревня не очень старая». Наблюдения показывают, что лексема *абу* преимущественно употребляется в качестве самостоятельного предиката в отрицательных бытийных предложениях и в сочетании с глаголами II прошедшего времени в глагольных конструкциях: *А сиваыс ӧтик абу* (Там же:23) «А сил совсем нету»; *Кайвас да бӧр веччас. Сёртниыс сӧ абу петаӧма* (Там же:28) «Сходит и обратно придет. Репа все не взошла». Ве-

роятно, в коми-пермяцком языке происходит дифференциация функционирования отрицательных частиц *абу* «не» и *не* «не».

Лексема *абу* «не» выполняет несколько функций и в коми языке. Она может автономно образовать предикативную основу предложения (*Менам сьӧмыс абу* «У меня нет денег (букв. деньга нет)»), а также может быть в составе глагольного предиката, сочетаясь с глаголами II прошедшего времени (*Чойыс абу локтӧма* «Сестра не приехала»).

Список сокращений и источников

- Безносиков 1964 – Безносиков В. Жар гожӧм. Сыктывкар, 1964. 143 л.б.
Белых 1997 – Белых И. Ӗзйы, бипурӧй менам. Сыктывкар, 1997. 191 л.б.
Васютов 2001 – Васютов Ю. Мусукасян керка // Войвыв кодзув. 2001. 9№. 4-19 л.б.
Васютов 2002 – Васютов Ю. Шондіа вой. Сыктывкар, 2002. 191 с.
Доронин 1968 – Доронин П. Парма сьӧлӧмын. Сыктывкар, 1968. 255 л.б.
Жилина 1998 – Жилина Т.И. Вымский диалект коми языка. Сыктывкар: Пролог, 1998. 438с.
Игнатов 1963 – Игнатов М. Шоръяс визувтӧны юӧ. Сыктывкар, 1963. 143 л.б.
Изъюров 1984 – Изъюров И. Миян грездса нывъяс. Сыктывкар, 1984. 352 л.б.
Климов 1964 – Климов В. Виль нянь-сов. Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд-во, 1964. 88 л.б.
Кривошекова-Гантман, Ратегова 1980 – Кривошекова-Гантман А.С., Ратегова Л.П. Коми-пермяцкие говоры. Пермь, 1980. 69 с.
Куратов 1979 – Куратов И. Менам муза. Сыктывкар, 1979. 606 л.б.
Куратова 2002 – Куратова Н. Йӧктігтырйи тувчӧмӧй. Сыктывкар, 1979. 606 л.б.
КПП – Коми пословицы и поговорки / сост. Ф.И. Плесовский. Сыктывкар, 1983. 207 с.
Напалков 1981 – Напалков В. Козьнав мортлы муслун. Сыктывкар. 1981. 72л.б.
Напалков 1994 – Напалков В. Ме тиянӧс радейта. Сыктывкар. 1994. 487л.б.
Попов 2001 – Попов А. Чудь мыльк. Сыктывкар, 2001. 287 л.б.
Пыстин 1987 – Пыстин И. Зурган. Вермам. Зук Ёгор // Ытва дырйи. Сыктывкар, 1987. 160 – 185 л.б.
Раевский 1988 – Раевский С. Шоныд войвыв. Сыктывкар, 1988. 151 л.б.
Тимин 2000 – Тимин 2000. Эжва перымса зонка. Сыктывкар, 2000. 2544 л.б.
Тимушев 1986 – Тимушев С. Зумыш пармаын. Сыктывкар, 1986. 144 л.б.
Торопов 1980 – Торопов И. Тиянлы водзӧ овны. Сыктывкар, 1980. 621 л.б.
Торопов 1982 – Торопов И. Тян. Сыктывкар, 1980. 225 л.б.
Торопов 1988 – Торопов И. Ме верма, батьӧ. Сыктывкар, 1988. 332 л.б.
Федоров 1979 – Федоров Г. Повестьяс. Сыктывкар, 1979. 445 л.б.
Федоров 1994 1 – Федоров Г. Бӧрйӧм гижӧдъяс. Медводдза книга. Сыктывкар, 1994. 627 л.б.
Шахов 1985 – Шахов П. Тшӧтшъяс. 1985. Сыктывкар, 1985. 256 л.б.
Шахов 1988 – Шахов П. Лӧз патефон. Сыктывкар, 1988. 256 л.б.
Шахов 1999 – Шахов Б. Овлісны-вывлісны. Сыктывкар, 1999. 541 л.б.
Юшков 1979 – Юшков Г. Ловъя лов. Сыктывкар, 1979. 527 л.б.

1. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб: Научный центр проблем диалога, 1996. 757с.
2. Семантические типы предикатов / отв. ред. О.Н. Селиверстова. М.: Наука, 1982. 361 с.
3. Огуречникова Н.Л. Сильные прилагательные в «Старшей Эдде»: морфологическая структура и категориальное значение // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология / Московский ун-т. 2001. №1. С.55-79.
4. Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного. М.: Наука, 1978. 200 с.
5. Булыгина Т.В., Шмелев А.П. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.:Языки русской культуры, 1997. 574 с.
6. Семантические типы предикатов / отв. ред. О.Н. Селиверстова. М.: Наука, 1982. 361 с.
7. Эрельт М. Предложения с компаративным прилагательным в эстонском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таллин, 1971. 29 с.
8. Бондаренко В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М.: Наука, 1983. 212с.
9. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / пер. с французского И.М. Богуславского, Л.И. Лухт, Б.П. Нарумова, С.Л. Сахно; Общ. ред. В.Г. Гака. М.: Прогресс, 1988.
10. Ильина М.К. Об отрицании в удмуртском языке // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка. Устинов, 1986. С. 70-83.
11. Там же.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОРЯДКА СЛОВ, АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ИНТОНАЦИИ В КОМИ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена описанию правил, регулирующих коми словопорядок. Рассматривается его зависимость от актуального членения предложения и наличие связи между изменениями словопорядка и изменениями интонации. Демонстрируется, что с типологической точки зрения коми язык в отношении порядка слов занимает промежуточное положение между русским языком и тюркскими языками.

Ключевые слова: коми язык, порядок слов, актуальное членение предложения, интонация.

The article describes rules that regulate Komi word order. Its dependence on pragmatic structure of a sentence is examined, as well as existence of a link between word order changes and intonation changes. It is demonstrated that from a typological point of view the Komi language, in regard to its word order, occupies an intermediate position between the Russian language and the Turkic languages.

Key words: the Komi language, word order, pragmatic structure of a sentence, intonation.

Исследование порядка слов в коми языке имеет уже более чем полуторавековую историю. Впервые ему уделил внимание в своей грамматике П.И. Савваитов, который также отметил и зависимость коми порядка слов от актуального членения предложения. Он пишет: «В *изъявительных* предложениях сперва ставится подлежащее, потом связь, если она отдельная и, наконец, сказуемое; напр. *Жен эм бур*, Бог (есть) благ. *Ме кӧс'ја сјорнитны*, я хочу говорить». Однако данный порядок может быть инвертирован. «Бывает и наоборот, то есть когда обращается особенное внимание на сказуемое, то оно ставится прежде подлежащего» [Савваитов 1850: 120].

Позднее связь этих двух объектов грамматического исследования рассматривалась в основополагающем для изучения порядка слов труде А.С. Сидорова [Сидоров 1953] и в написанном Н.Н. Сельковым соответствующем разделе предназначенного для высшей школы учебника коми синтаксиса [Сельков 1967]. При всей ценности содержащихся в этих работах наблюдений следует отметить, однако, что основным предметом рассмотрения в них был порядок слов как таковой; наблюдения же над взаимодействием его с актуальным членением предложения носили попутный и случайный характер.

Систематически такое взаимодействие рассмотрено в специальной монографии, посвященной сравнительному исследованию коми и удмуртского словоупотребления в типологическом и историческом аспектах [Понарядов 2010]. В настоящей статье излагаются результаты дальнейшей разработки данной проблемы при включении в рамки исследования еще одного важного влияющего на словоупотребление вариативность фактора – интонации высказывания, рассматриваемой в параметрах внутрифразовых пауз и темпа речи.

Для дальнейшего изложения основополагающее значение имеет положение о переходном характере типологии коми языка в отношении порядка слов, что выражается в сосуществовании в нем двух систем словоупотреблений: так называемых «тюркских», более древних, и «русских», более новых, а точнее, характерных соответственно для языков типов SOV и SVO [Серебренников 1967; Понарядов 2000]. В связи с этим в коми языке выделяются два доминирующих словоупотребления.

Однако что такое доминирующий порядок? Как ни странно, в специальной литературе не удается найти ответа на этот вопрос. В отношении языков, где порядок слов используется в грамматических целях (для кодирования членов предложения и т. п.), проблема решается просто: доминирование одного из вариантов (в пределах выражающегося в его единственности) проявляется здесь настолько отчетливо, что возможность выбора практически отсутствует. Однако в языках со свободным словоупотреблением – а коми язык именно таков – дело обстоит гораздо сложнее. Хотя интуиция исследователя в большинстве случаев позволяет без труда выделить из всех вариантов словоупотребления доминирующий, основания такого выбора оказываются неясными.

Исходя из эмпирического материала (в русском языке доминирующим считается порядок SVO, в турецком – SOV, в арабском – VSO и т. д.), кажется возможным предложить следующее определение доминирующего (вернее, выявляющего языковой тип) словоупотребления: это порядок, употребляющийся в неэмфатических повествовательных предложениях с переходным глаголом, логическое ударение в которых падает на прямое дополнение. В соответствии с этим в коми языке доминирующих словоупотреблений действительно два. Порядок SVO: *Ручыс вӧчис аслыс йи чом, кӧч вӧчис ну чом* [Коми мойдьяс... 1963: 31] 'Лиса сделала себе ледяную избушку, заяц сделал деревянную избушку'; *Мужик босьтис вужсӧ, а ош – дӱнсӧ да йывсӧ* [Коми мойдьяс... 1963: 72] 'Мужик взял корешки, а медведь – серединку и вершки'. Порядок SOV: *Мунисны, мунисны, да васати агас аддзис* [Коми мойдьяс... 1963: 100] 'Шли, шли, чертенок борону увидел'; *Мӧдӱсны мунны гозъя гортӧ, а царь бара Иванӧс корис* [Коми мойдьяс 1976: 38] 'Собрались супруги домой, а царь опять Ивана позвал'; *Ачыс Сивко-Буркоӧс корис* [Коми мойдьяс 1976: 51] 'Сам [Иван] Сивко-Бурко позвал'.

Рассмотрим подобные предложения с точки зрения актуального членения. Согласно определению доминирующего порядка, прямое дополнение здесь рematicно. Для простоты будем считать, что все остальные члены предложения составляют тему. В таком случае «русский» доминирующий порядок SVO

представляет собой тривиальное сочетание препозитивной темы и постпозитивной ремы. В противоположность этому актуальное членение предложения с «тюркским» доминирующим порядком SOV оказывается несколько замысловатым: оказывается, что рема здесь вклинивается в середину темы, разрывая ее на две части.

Рема как «известное» в сообщении всегда характеризуется более быстрым, «аллегрным» темпом речи. Соответственно предложения с доминирующим порядком SVO имеют более быстрое начало и более медленное завершение. Между различающимися темпом речи темой и ремой обычно появляется короткая пауза.

Та же тенденция, проявляющаяся в предложениях с доминирующим порядком SOV, реализуется несколько по-другому. Аллегрно здесь произносятся обе части разорванной ремой темы. При этом ее предрематическая часть произносится точно так же, как вся тема в случае порядка SVO; от последующей ремы она отделяется паузой. Часто эта пауза несет грамматическую нагрузку, препятствуя пониманию субъекта как определения. На письме, где эта пауза никак не отражается, имеет место амбигуэнтность, ср. возможность двоякого понимания предложения *Пон бѳж нурѳ* '1. Собака кусает хвост; 2. [Некто – субъект эллиптирован] кусает собачий хвост'. (Заметим, что во многих тюркских языках паузу в таком случае во избежание двусмысленности обозначают запятой, ср. турецкий перевод: 1. *Köpek, kuyruđı isiriyor*; 2. *Köpek kuyruđı isiriyor*). В противоположность предрематической части темы ее пострематическая часть, представленная сказуемым, произносится слитно с ремой и, будучи безударной, являет собой энклитику.

Данное противопоставление доминирующих порядков SVO и SOV проистекает из различия в положении сказуемого. В посвященных проблеме актуального членения предложения исследованиях (особенно отечественных) не принято выделять сказуемое как особый конституент актуального членения, поскольку оно всегда входит или в тему, или в рему. Однако при изучении взаимодействия актуального членения с порядком слов такое выделение совершенно необходимо, потому что сказуемое в некоторых вариантах словоупорядка занимает строго фиксированное место в предложении, которое не может быть изменено, несмотря ни на какие сдвиги в логической акцентуации.

Обозначим тему символом T (= *thema*), рему символом R (= *rhema*), а сказуемое символом P (= *praedicatum*). В таком случае «русский» доминирующий порядок, записываемый в терминах членов предложения как SVO, в терминах субъектов актуального членения будет записан как TPR. Соответственно «тюркский» доминирующий порядок SOV будет записан как TRP.

Доминирующий порядок представляет собой частный случай нейтрального (т. е. неэмфатического) словоупорядка. Если не считать случая особой рематической нагруженности сказуемого, который будет специально рассмотрен несколько позже, нейтральный словоупорядок с точки зрения актуального членения предложения и интонации ничем не отличается от доминирующего, т. е. схемы TPR и TRP с соответствующими интонациями сохраняются. Однако порядок членов

предложения (за исключением сказуемого, имеющего свое строго определенное место) при этом может быть самым различным.

«Тюркский» нейтральный порядок в соответствии со схемой TRP предполагает фиксированную позицию сказуемого в конце предложения. Позиция непосредственно перед сказуемым с интонационной точки зрения является ударной. Поэтому именно здесь помещается рема: *Сэн пѳч олѳ* [Коми мойдьяс... 1963: 68] ‘Там старушка живет’; *Тэ сэтѳн мѳд кѳтѳ гозсѳ кѳмав* [Коми мойдьяс... 1963: 69] ‘Ты там вторую пару котов обуи’; *Олісны-олісны, дай попѳс беда суис: поплѳн пачсыыс сѳяныс мѳдіс воиласьны, пачын сѳмын тыртѳм кашникьяс кольбны* [Коми мойдьяс... 1963: 93] ‘Жили-жили, и у попа беда приключилась: из поповой печи еда стала исчезать, в печи только пустые горшки остаются’. Причем если рема состоит из нескольких слов, то они располагаются в порядке возрастания рематической нагруженности, и непосредственно перед сказуемым оказывается «пик ремы» – «наиболее выделяемое «ударяемое» слово в составе ремы» [Кузнецов 1989: 35]: *Мѳд сундуктѳ ош бара кильчѳ помас пѳрысь гозьялы шыбитас* [Коми мойдьяс... 1963: 65] ‘Второй сундук медведь опять на крыльцо старикам бросил’. Слова в составе находящейся перед ремой части темы располагаются в порядке убывания тематичности. Таким образом, от начала предложения вплоть до замыкающего его сказуемого (исключая последнее) идет непрерывное нарастание логической нагруженности составляющих предложение элементов.

В случае рематичности сказуемого схема «тюркского» нейтрального порядка TRP не претерпевает никаких изменений, кроме «свертывания» в TR_R (здесь индекс R при символе сказуемого указывает на его рематический характер): *Но, менам ѳні кежлѳ казакалан срок помасис. Поплы казачитѳ, а попаддялы казачитны ог кѳсыы* [Коми мойдьяс... 1963: 102] ‘Ну, у меня теперь срок батрацкой работы закончился. На попа батрачил, а на попадью батрачить не хочу’. Изменяется только интонация. Если рема совпадает со сказуемым, то замедлением темпа речи и предшествующей паузой выделяется занимаемый им абсолютный конец предложения, а все остальные члены, предшествующие ему и составляющие тему, произносятся в аллегровом темпе. Если же в состав ремы входят еще какие-либо члены, то логическое ударение не падает на сказуемое, а предшествует ему, и в интонационном отношении такие предложения не отличаются от предложений с тематическим сказуемым: *Царь-господин, тэныд Фома гѳснеч мѳдѳдіс* [Коми мойдьяс... 1963: 52] ‘Царь-господин, тебе Фома гостинец послал’. Как всегда, реме предшествует пауза.

Так как для разных членов предложения тематичность или рематичность свойственна в разной степени, наиболее обычной максимально развернутой схемой «тюркского» нейтрального словоупорядка в простом предложении будет следующая: «обстоятельство времени – обстоятельство места – подлежащее – косвенные дополнения – прямое дополнение – обстоятельство образа действия – сказуемое» (где, естественно, каждый именной член предложения может иметь при этом одно или несколько определений) с поправкой на перемещение рематических членов в позицию непосредственно перед сказуемым: *Сэсыя Мѳмѳт шап-*

касö лэптылис да водзö мөддöдчис [Коми мойдъяс... 1963: 102] ‘Потом Мэмэт шапку надел и дальше пошел’; *Висьтавны регьд, а аскинас курöгыд бара зöлтöй кольк ваяс* [Коми мойдъяс 1976: 111] ‘Сказать быстро, а на завтра курица опять золотое яйцо принесла’.

Подобное строение предложения глубоко логично и рационально. Его предикативную основу составляют две последовательно располагающиеся части – группа подлежащего и группа сказуемого. При этом организующие их члены – подлежащее и сказуемое – помещаются в конце соответствующих групп, а все зависимые от них члены предшествуют им. Эти члены могут рассматриваться как понимаемые в широком смысле определения подлежащего и сказуемого, что в соответствии с общезначимым для урало-алтайских языков правилом предшествования определений и предопределяет их препозицию.

Подобные определения при подлежащем, выраженном именем существительным, – собственно определения в узком смысле. При глагольном сказуемом это дополнения и обстоятельства образа действия. Последние, будучи особенно тесно связаны с глаголом, имеют тенденцию занимать контактную к нему позицию. Поэтому иногда рема не отрывает тематическое обстоятельство образа действия от глагола, а ставится перед ним, и оно вместе с глаголом оказывается в энклизе. Вследствие своей тесной связи с глаголом точно так же может вести себя и прямое неоформленное дополнение: *Ош мунö, зэв сьöкыда сундук нуö* [Коми мойдъяс... 1963: 65] ‘Медведь идет, с большим трудом сундук несет’ (выделена рема).

Что касается обстоятельств времени и места, то они определяют не столько сказуемое, сколько саму предикацию, локализуя ее во времени и пространстве. Поэтому, будучи нерематичными, такие обстоятельства в соответствии с правилом препозиции определений имеют тенденцию располагаться перед предикативной основой предложения, в самом его начале. В то же время поскольку эти члены синтаксически связаны со сказуемым, но не с подлежащим, имеется также противоположная тенденция не отрывать их от группы сказуемого и размещать в ее начале, т. е. после подлежащего: *Мам аскинас чеччас да рок нуас* [Коми мойдъяс... 1963: 52] ‘Мать утром встала и кашу сварила’. Естественно, обе указанные позиции характерны только для тематических обстоятельств времени и места, а в случае рематичности они перемещаются к сказуемому.

Помещение ремы непосредственно перед сказуемым, выступающим в энклизе, оправдывается тем, что она, как известно, представляет собой логический предикат высказывания. Таким образом, это – проявление тенденции объединить логический предикат с грамматическим (имеющим фиксированную позицию) в рамках интонационного единства.

«Русский» нейтральный порядок в отличие от тюркского всегда имеет интонационную модель с ударной позицией в конце высказывания. Поэтому именно эта позиция характерна для «пика ремы»: *Педöр петис керкасьыс да пырис пемыдас* [Коми мойдъяс 1976: 4] ‘Федор вышел из избушки и ушел в темноту’; *Тройка матыстчис салдат дорö* [Коми мойдъяс 1976: 118] ‘Тройка приблизи-

лась к солдату'. На протяжении всего предложения от начала к концу идет непрерывное возрастание логической нагруженности его членов – сначала в составе произносимой в ускоренном темпе темы, затем замедленной ремы, которые разделяются паузой. При этом рематическая нагруженность приводит к сдвигу в конечную позицию не только любого из актов и сирконстантов, но и сказуемого. Подобным способом достигается единство интонационной модели предложения независимо от его актуального членения.

Однако нельзя не заметить, что помещение рематического сказуемого в конце высказывания (а также вообще не в начале ремы, включающей несколько членов) приводит к разрушению основной модели актуального членения TPR: возникает или модель T(R)P_R, совпадающая с «тюркским» вариантом, или модель TR₁P_RR₂, где сказуемое помещается не на стыке темы и ремы, а в середине последней. Таким образом, использование единой интонационной модели приводит к разрушению единой схемы актуального членения. В результате и строение предложения оказывается не столь логичным, как при «тюркском» нейтральном словопорядке.

Тем не менее можно указать на некоторые тенденции размещения членов предложения. Так, обстоятельства времени и места, как и в «тюркском» варианте, обычно открывают высказывание, за ними следует подлежащее, затем – сказуемое с предшествующим обстоятельством образа действия, прочие члены предложения замыкают фразу, причем самый конец, как уже сказано, зарезервирован за ремой: *Мөдлун асывнас көч бара нуксис аслас пур вылө да пондис кывтны руч оланінті* [Коми мойдьяс... 1963: 45] 'На следующий день утром заяц опять сел на свой плот и поплыл по лисьей территории'; *Өтчыд ош да мужик өтүв көдзисны сёркни* [Коми мойдьяс 1963: 48] 'Однажды медведь и мужик вместе посеяли репу'; *Өтчыд кык ыджыд чой зэв мичаа пасьтасисны и мунісны вичкөб, а ичөт ныв кольччис гортө* [Коми мойдьяс... 1963: 68] 'Однажды две старшие сестры очень красиво оделись и ушли в церковь, а младшая дочь осталась дома'.

Эмфатическая интонация характеризуется наибольшим ударением в начале высказывания. Поэтому при эмфазе происходит инверсия словопорядка, заключающаяся в перемещении ремы (которая, как правило, в этом случае состоит лишь из одного выделяемого члена предложения) в инициальную позицию. В зависимости от того, какая разновидность нейтрального словопорядка – «тюркская» или «русская» – является при этом исходной, имеют место некоторые различия в порядке слов, актуальном членении предложения и интонации.

Механизм эмфатической трансформации «тюркского» словопорядка раскрыт И.Ф. Вардулем. На материале японского языка он отмечает, что «в спонтанной речи вполне обычны случаи, когда говорящий добавляет к только что сказанному то, что он эллиптировал, так как опасается, что без этого добавления его высказывание может быть не понято (или понято неправильно)». Следовательно, «имеет место двукратное построение одного и того же предложения, но это предложение строится в двух разных эллиптических вариантах, причем таких,

что, будучи сложенными, они восполняют эллиптичность друг друга»: *Симбун о катта ка, Кэнкити ва?* букв. ‘Газету купил ли Кэнкити?’ < [*Кэнкити ва*] *симбун о катта ка* + *Кэнкити ва* [*симбун о катта ка*]?’ [Вардуль 1989: 27].

Нетрудно заметить, что несопадающее с ремой сказуемое всегда оказывается в этом случае непосредственно после ремы, а остальные тематические члены следуют за ним. В результате на месте словопорядка TRP закономерно возникает порядок RPT: *Зэв ыджыд сундук вочас ош* [Коми мойдьяс... 1963: 65] ‘Очень большой сундук сделал медведь’; ... *но пö, Педör, пет пö да тэ керав талун* [Коми мойдьяс 1976: 4] ‘... ну, дескать, Федор, иди-де ты руби сегодня’. Поскольку подвергаться эллипсису и затем добавляться к концу предложения может не только вся тема целиком, но и ее часть, иногда может иметь место порядок с «разорванной» темой T_1RPT_2 : *Аскомысьнас коймöд ныв öтнас нин петис град лэптыны* [Коми мойдьяс... 1963: 64] ‘Послезавтра третья девушка одна уже вышла на огороде работать’; *Висьтавны регыд, а сийö бура дыр нин мунис туй кузя* [Коми мойдьяс... 1963: 86] ‘Сказать быстро, а он довольно долго уже шел по дороге’. Часто, особенно в побудительных предложениях, рему составляет только сказуемое, которое соответственно начинает предложение, и появляется «сокращенный» вариант R_T .

Сходная трансформация «русского» нейтрального словопорядка в случае рематичности сказуемого приводит к появлению точно такого же порядка R_T . Однако если рематично не сказуемое, образовавшийся вариант оказывается отличным от «тюркского». Дело в том, что если при трансформации «тюркского» нейтрального словопорядка в эмфатический рема обязательно «тащит» за собой к началу предложения сказуемое, то при образовании «русского» эмфатического порядка в инициальную позицию смещается только рема, а сказуемое остается где-то внутри темы, чаще всего между подлежащим (которое может быть как тематичным, так и рематичным) и остальными членами. В результате образуется порядок $RT_1P(T)T_2$, причем R_T может рассматриваться как его сокращенный вариант.

Отдаленный предок коми языка – финно-угорский праязык – знал только «тюркские» варианты словопорядка. Собственно, его сравнительно-исторические реконструкции [Основы... 1974: 384-387; Хайду 1985: 253-254; Серебренников 1987; Игушев 1996: 55-56] говорят лишь о наличии нейтрального варианта такого порядка, который характеризуется конечным положением сказуемого. Но поскольку сочетание нейтрального варианта TRP и эмфатического (T)RPT является для языков типа SOV универсальной закономерностью, мы можем уверенно проецировать в финно-угорский праязык и последний.

По мнению некоторых исследователей [Серебренников 1967; Baker 1985: 36-39], только «тюркские» варианты имелись и в древнем коми языке, а причиной появления «русских» вариантов было влияние русского языка. Действительно, заимствование в этом случае весьма вероятно. Однако нельзя исключать и возможность самостоятельного развития «русских» вариантов, так как они изредка

встречаются и в некоторых SOV-языках (в частности, тюркских), не подвергавшихся влиянию SVO-типологии [Понарядов 1999].

Однако можно говорить о несомненном заимствовании в коми язык из русского модели PTR, т.е. с инициальным сказуемым и конечной ремой: *Мӧдӧдчис крестьянин базарӧ* [Коми мойдьяс... 1963: 67] 'Отправился крестьянин на базар'; *Пуксис Иван кер вылӧ и мӧдӧс кытны. Кывтӧс сӧйӧ лун, мӧдӧс дай коймӧдӧс* [Коми мойдьяс 1976: 10] 'Сел Иван на бревно и поплыл. Плыл он день, другой и третий'. Основанием для такого утверждения служит ограниченность ее распространения в SVO-языках русским и близкими к нему, причем в языках типа SOV, не обнаруживающих тенденции эволюции к SVO, она совершенно отсутствует.

В коми языке, как и в русском [Янко 1997: 49], вариант PTR употребляется тогда, когда надо описать ситуацию в целом, причем теме уделяется минимальное внимание и она не служит точкой отсчета при изложении события. Это – так называемая ваккернагелевская тема (название дано по аналогии с правилом размещения энклитик в древних индоевропейских языках, известным как «закон Ваккернагеля»), т.е. атоническая (безударная) тема, располагающаяся в энклитической позиции после занимающего инициальную позицию ударного глагола-сказуемого. Произносится она на ровном тоне в аллегровом темпе и без пауз.

Поскольку основное ударение в предложении при этом падает на рему, находящуюся в его конце, между двумя фразовыми ударениями – начальным и конечным – образуется безударная «коммуникативная ниша для того, что говорящий полагает не самым важным» и «что, быть может, уже известно из самого ближайшего предтекста», или того, «что, по мнению говорящего, сопутствует основному содержанию высказывания», которую и занимает ваккернагелевская тема [Янко 1997: 42]. Наиболее часто структура PTR употребляется в фольклоре, особенно в сказках. Объясняется это тем, что при этом «достигается известный эффект эвиденциальности – впечатление развертывания картины перед глазами наблюдателя» [Янко 1997: 50].

Иногда встречается модификация порядка PTR, расширенная за счет постановки некоторых тематических членов предложения, в основном обстоятельств времени и места, в самом начале предложения, причем от сказуемого, которое оказывается после них, они часто отделяются паузой. Образуется структура T_1PT_2R : *Коркӧ-некоркӧ воис бабалӧн мужикыс нажӧтка вылысь* [Коми мойдьяс... 1963: 103] 'Как-то пришел муж женщины с заработков'.

Таким образом, с точки зрения актуального членения предложения в коми языке могут быть выделены пять вариантов словопорядка, каждый из которых характеризуется особой, только ему свойственной интонацией: 1) «тюркский» нейтральный TRP , 2) «русский» нейтральный TPR , 3) «тюркский» эмфатический $(T_1)RPT_{(2)}$, 4) «русский» эмфатический $RT_1P_{(T)}T_2$ и 5) также относящийся к «русским» вариант $(T_1)PT_{(2)}R$ с ваккернагелевской темой (заметим, что в предшествующих работах [Понарядов 2000а; Понарядов 2000б: 232-233] нам не удавалось в достаточной мере разграничить три последних словопорядка). При этом

совпадение ремы со сказуемым приводит к устранению противопоставления между «тюркскими» и «русскими» вариантами, кроме непарного последнего.

Конечно, мы описали не все возможные в коми языке варианты сочетания различных типов порядка слов, актуального членения предложения и интонации. Так, не изменяя словопорядка, можно с помощью соответствующей эмфатической интонации сделать «пиком ремы» любое слово в предложении. Необходимость связи предложений в рамках сложного синтаксического целого может приводить к появлению особых, не описанных нами вариантов словопорядка. Тем не менее в основном взаимодействие порядка слов, актуального членения предложения и интонации в коми языке определяется вышеописанными механизмами.

1. Вардуль И. Ф. О языковых типах в параметре порядка слов // Очерки типологии порядка слов. М., 1989.
2. Игушев Е. А. Финн-угор кывъяс туялӧмӧ пырӧдчӧм. Сыктывкар, 1996.
3. Коми мойдъяс. Сыктывкар, 1976.
4. Коми мойдъяс да сыланкывъяс. Сыктывкар, 1963.
5. Кузнецов П.И. Порядок слов в простом предложении турецкого языка // Очерки типологии порядка слов. М., 1989.
6. Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974.
7. Понарядов В.В. Заимствовал ли коми язык русские модели порядка слов? // Финно-угорские народы: Проблемы этнической и языковой идентификации. Сыктывкар, 1999.
8. Понарядов В.В. О «тюркском» порядке слов в пермских языках // Коми слово в грамматике и словаре. Сыктывкар, 2000 а.
9. Понарядов В.В. К сопоставлению порядка слов в русском, коми и удмуртском языках // Тезисы четырнадцатой коми республиканской молодежной научной конференции. Т. I. Сыктывкар, 2000 б.
10. Понарядов В.В. Порядок слов в пермских языках в сравнительно-типологическом освещении. Сыктывкар, 2010.
11. Савваитов П.И. Грамматика зырянского языка. СПб., 1850.
12. Сельков Н.Н. (ред.) Современный коми язык. Ч. 2. Синтаксис. Сыктывкар, 1967.
13. Серебренников Б.А. О некоторых характерных особенностях древнего синтаксиса коми языка // СФУ. 1967. № 2.
14. Серебренников Б.А. Синтаксис прауральского языка – синтаксис тюркского типа // СФУ. 1987. № 2.
15. Сидоров А.С. Порядок слов в предложении коми языка. Сыктывкар, 1953.
16. Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.
17. Янко Т.Е. О понятиях коммуникативной структуры и коммуникативной стратегии (на материале русского языка) // ВЯ. 1999. № 4.
18. Baker R. The Development of the Komi Case System. A Dialectological Investigation. Helsinki, 1985 (MSFOu 189).

ЯВЛЕНИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена явлению репрезентации как одному из частных средств реализации принципа экономии в языке. На примере атрибутивных репрезентантов анализируются экстралингвистические факторы, лежащие в основе репрезентации. Предпринимается попытка отграничения репрезентации от таких смежных явлений, как субституция, субстантивация, транспозиция. Делается вывод о развитии на основе репрезентативных свойств слова нового – глагольно-адъективного типа словосочетаний в русском языке.

Ключевые слова: атрибутивные репрезентанты, субституция, субстантивация, транспозиция, словосочетание, фразеологизм, компрессия, прагматика.

The article is devoted to the phenomenon of representation as one of the main means of realization of principle of economy in a language. Extralinguistics factors are analyzed according to the example of attributive representative words, lying in the basis of representation. The attempt of representational differentiation from such similar phenomena as substitution, substantivation and transposition is taken. The conclusion is made on the development on the basis of representational properties of a word of a new type of verbal-adjunctive phrases in the Russian language.

Key words: representation, substitution, transposition, phrases, compression, pragmatics.

Под репрезентацией в научной литературе обычно понимается соотношение слова как знака с предметами, явлениями и ситуациями реальной действительности. При этом в зависимости от наличия или отсутствия экстралингвистического коррелята различают два основных семиологических класса слов: слова – названия или знаменательные слова и слова – неназвания или служебные слова [1, с. 19, 35]. В нашей трактовке явление репрезентации рассматривается несколько шире, а именно как способность слова представлять не только экстралингвистические корреляты, но и вербальные знаки, отсутствующие по той или иной причине в формальной структуре высказывания.

Следует оговориться, что понятие репрезентации в такой трактовке не является новым в лингвистике – под тем или иным названием (ср., например, понятие синтагматического нуля в работе [2]), прямо или косвенно оно нередко упоминается в научной и учебной литературе. Так, по мнению А.М. Пешковского, весьма подробно проанализировавшего особенности опущения существительных при прилагательных, «в прилагательных признак ведь изображен не сам по себе, а

как заложенный в *предмете*, и поэтому в нем заложено и *смутное указание на самый предмет*, в котором заложен данный признак. Можно сказать, что в прилагательном есть *намек на предмет*» [3, с. 134]. Характеризуя виды речевой реализации полноты/неполноты предложения, В.А. Белошапкина к числу необходимых членов предложения относит, во-первых, главные члены, а во-вторых, те второстепенные члены, «необходимость которых *сигнализируется* [выделено нами. – Н.В.] наличными членами, а именно косвенный падеж при управляющем слове [...] и существительное при наличествующем согласованном с ним прилагательном» [4, с. 92]. Н.С. Валгина, комментируя предложения типа «Не надо муки, не надо соли,- проговорил он, – на дворе сыро, слякоть. – Я **резиновые** надела, – сказала молодая женщина», отмечает, что «в таких предложениях общая речевая ситуация компенсирует пропуск, а форма имеющихся членов предложения *указывает* [выделено нами. – Н.В.] на грамматическую связь с ними» [5, с.197]. Авторы «Граматики-80», анализируя явление неполноты словосочетаний, в частности, отмечают, что в предложении представителем зависимого члена словосочетания может быть его служебный элемент – предлог. Например, «все рассчитано от и до» [6, с. 142].

Так или иначе, обеспечивающая неполноту изложения репрезентация может быть квалифицирована как одно из частных средств реализации принципа экономии в языке. Объектом исследования в настоящей работе являются атрибутивные репрезентанты- прилагательные, причастия, притяжательные местоимения, порядковые числительные, которые, на наш взгляд, целесообразно подразделять на три группы:

1. Репрезентанты, детерминированные лингвистическим контекстом или ситуацией. Ср.: «Валить с большой головы на здоровую», «Между первой и второй промежутком небольшой». [Из разговора в автобусе]: Вы на **следующей** выходите? [Из разговора в суде]: – В общем, дела такие, что особенно не разбежишься, – сказал Краско. – Два или более погибших в результате грубого нарушения. От четырех до десяти лет. В зависимости от смягчающих (А. Волос). [Из разговора в больнице]: Пришел врач. Вот из шкафа достали и бланки «историй болезни». Три бланка. Всех положат. Вошел санитар. – Пока во вторую (В. Шаламов).

В принципе, в условиях контекстуально-ситуативной детерминации любое определение может актуализировать свою репрезентативную функцию; репрезентанты этого типа, следовательно, являются неисчисляемыми.

2. Репрезентанты, детерминированные контекстом культуры. Под последним в работе вслед за В.И. Кодуховым понимаются условия интерпретации бытующего словесного контекста, охватывающие как словесную культуру народа, так и понятийную культуру, т.е. различные знания, известные говорящим [7, с. 18]. Так, использование репрезентанта «кольцевая» в высказывании «Я тебя до кольцевой довезу» (Э.Самарина) предполагает осведомленность реципиента о наличии кольцевой автодороги в Москве. На распознавании контекста культуры основывается один из вопросов, сформулированных на телевикторине «Домаш-

нее задание»: Станиславский и Немирович-Данченко были первыми. А кто были последними? (Имеются в виду народные артисты СССР). Репрезентант «пятьдесят восьмая», часто употребляемый в рассказах В.Шаламова (Ср.: Сотня людей из пятьдесят восьмой бережно и торопливо восстанавливала свою тюрьму), не является порядковым номером зоны, как это может показаться на первый взгляд: пятьдесят восьмой, как известно, в системе ГУЛАГа называли зону, в которой отбывали наказание лица, осужденные по 58-й статье. Здесь следует оговориться, что словосочетания с именем собственным, а также идиоматизированные в плане содержания словосочетания не являются определительными. Однако они построены по принципу определительных, а представленные в их структуре атрибуты сохраняют репрезентативную функцию. Ср.: *Перейдешь улицу на красный свет, распрощаешься с белым (Реклама), купить бутылку сухого, буханку черного, получить подъемные.* В словосочетании «танцевать камаринского» редуцирован субстантивный компонент «мужик». См. у Ф.М.Достоевского: «Фалалей отлично плясал [...], но особенно любил он камаринского мужика.» Полная форма словосочетания обусловлена тем фактом, что героем «Камаринской» является пьяный камаринский мужик, а также тем, что данная песня исполнялась преимущественно мужчинами. Особо следует отметить функционирование наименований улиц, учреждений культуры, производственных объектов и т.п. с редуцированным субстантивным компонентом. Так, знание топографии Москвы и Санкт-Петербурга позволяет адекватно воспринимать перемещения героев в пространстве обеих столиц как месте действия в романе А. Волоса «Недвижимость» и в повести Н. Катерли «Долг». Ср., например: [Маклер]: Я счел, что на Ленинском уже не толкнуться [...]. Я пересек сизую влажную Москву [...] и вырвался на Симферопольское. [Тамара]: Кто же тащится с Васильевского через весь город с таким грузом? [...] Завернула со Среднего за угол [...], подошла к дому. Ср. также активное использование редуцированных наименований произведений искусства, например, оперных и балетных спектаклей в следующих высказываниях: «Вчера был на «Спящей», «Кто поет в «Царской»?», «Кто танцует в «Лебедином»?» и т.д.

На наш взгляд, контекст культуры может включать в себя также такие условия интерпретации словесного контекста, как языковая компетентность участников речевого акта, предполагающая, в частности, владение последними сочетательными потенциями лексических единиц или семантической формулой. Не секрет, что сочетание прилагательного с существительным может носить относительно устойчивый характер, что, например, позволяет О.С.Ахмановой говорить о лексико-фразеологическом характере поведения прилагательных в словосочетаниях атрибутивного типа, если, конечно, рассматривать фразеологизм в широком смысле этого слова [8, с. 176-177]. С.Г. Тер – Минасова, выделяя среди категорий, свойственных словосочетаниям, категорию клишированности, в частности, отмечает, что в основе этой категории лежит лексико-фразеологическая обусловленность сочетаемости слов в речи. По ее мнению, категория клишированности зиждется на противопоставлении регулярно воспроизводимых единиц,

вносимых в речь как бы в готовом виде, в виде «блоков», имеющих в языковом опыте говорящего, и тех словосочетаний, которые явно создаются говорящим в процессе речи. Большое значение при этом имеет такой параметр, как частотность употребления того или иного словосочетания [9, с. 89]. Весьма показателен в этом отношении следующий пример из В. Катаева: На днях пойдет *всеобщая*. Может, еще месяц тому назад Петя не понял бы, о чем говорит Гаврик. Но теперь было вполне ясно: раз «*всеобщая*» – значит «*забастовка*».

Именно благодаря контексту культуры, как нам кажется, русский язык изобилует большим количеством неполных атрибутивных словосочетаний с редуцированным субстантивным членом. Например: «выехать на встречную», «уволиться по собственному», «приехать на майские/ноябрьские», «получить пожизненное», «выйти в декретный», «играть в подкидного» и т.д.

3. Репрезентанты – структурные компоненты устойчивых фразеологических единиц. Речь идет о ФЕ типа «выпить (запить) горькую», «всыпать горячих», «добраться на своих двоих», «сделать что-либо одной левой», «стоять на полусогнутых», «оторваться по полной», «выглядеть на все сто» и т.д., которые, на наш взгляд, не получили должного освещения в научной литературе и могут являть собой объект лингвистического анализа в его лексикографическом, лексическом, грамматическом и этимологическом аспектах. Так, обращение к данным словарей позволяет констатировать следующие варианты формальной презентации выделенных ФЕ:

1. Оговаривается равноправное употребление краткого и полного варианта фразеологизма. Например: «смотреть (глядеть) в оба – то же, что в оба глаза смотреть». Заглавным словом является атрибут «оба». «Попятный или попятный двор». Заглавным словом является атрибут «попятный».

2. Представлен краткий вариант фразеологизма с указанием в скобках редуцированного субстантива. Например: «явиться с повинной (головой)». Заглавным словом является атрибут «повинный». «На все сто (процентов)». Заглавным словом является атрибут «сто».

3. Дается только полный вариант. Наличие краткого варианта не оговаривается. Например: «на всякий пожарный случай». Заглавное слово – «случай». «Катиться по наклонной плоскости». Заглавное слово – «плоскость».

4. Представлен только краткий вариант. При этом, если у одних фразеологизмов однозначное восполнение редуцированного субстантива не вызывает затруднений (Ср.: «сказать пару ласковых (слов)», «ходить на полусогнутых (ногах)», «пойти на мировую (делку)», «на равных (правах)»), то у других такая реконструкция возможна только за счет привлечения данных специальной литературы. Так, редуцированный фразеологизм «Выселить за/на сто первый (километр)» предполагает знание советской административно-юридической практики: выселение лиц асоциального поведения за пределы таких крупных городов, как Москва и Ленинград. Реконструкция компрессированных фразеологических сочетаний в следующих примерах предполагает определенную лингвистическую компетентность реципиента, в частности, знание таких данных фразеологическо-

го фонда русского языка, как «левая работа» в значении «неофициальный приработок» и «промочить горло (глотку)» в значении «употребить спиртное»: Двух рейсов за ночь – по двадцать пять километров да один раз назад – он [тракторист] никак бы не сделал. А к утру ему надо было быть с трактором в гараже, оттуда он увел его тайком для **л е в о й** (А. Солженицын). Математика, видимо, плоховато ему [Лёне] давалась [...]. А иногда, можно предположить, просто на **сухую не шла**. Лёня тогда спускался в свой подвал, мыл [...] стаканы [...] и разливал по ним из трехлитровой бутылки нечто пахнущее (В. Ковылов). Проведенный анализ показал, что, например, фразеологизм «во всю ивановскую» в значении «что есть мочи, изо всех сил» по одной из версий образован от выражений «звонить во всю Ивановскую» – во все колокола колокольни Ивана Великого в московском Кремле, или «кричать во всю Ивановскую» – от названия Ивановской площади в Кремле, где в старину оглашались царские указы [10, с.627]. Согласно другой точке зрения, привязка оборота «во всю ивановскую» к истории Кремля вторична, она – плод народной этимологии, легенда, порожденная языком. Исходным следует считать оборот «во всю ивановскую мочь (силу), в котором прилагательное «ивановский» относится к герою русского фольклора – крестьянскому сыну Ивану, Иванушке-дурачку, в конце сказки становящемуся Иваном-царевичем. В сказках Иван-царевич и скачет на коне, и молодецки кричит, и богатырски храпит «во всю Ивановскую мощь» [11, с. 225]. Фразеологизм «пуститья во все тяжкие, во вся тяжкие, во вся тяжкая» в значении «начать вести себя крайне предосудительно, предаться пьянству, мотовству, разврату и т.п.» образован на основе выражения «ударить во все тяжкая колокола» в значении «звонить с исключительной силой». Тяжкими на Руси называли большие церковные колокола, издающие сильные, густые звуки [11, с. 579]. Фразеологизм «пойти на попятный» (или «на попятный двор», «на попятную») имеет значение «отказываться от данного уже согласия, от прежнего решения, мнения». Попытным, или задним, двором раньше именовали место на постоялом дворе. Путники, не распрягая, ставили лошадей в ряд головой к кормушкам, установленным вдоль задней стены двора. Чтобы выехать обратно на улицу со двора, надо было попятить повозку задом на попятный двор и там уже развернуться к воротам. Бывало, что посетители, договорившись с хозяином постоялого двора о кормежке лошадей и обеде, вдруг выводили лошадей на попятный двор [11, с. 558-559]. Полная форма выражения «куда кривая вывезет» в значении «пусть будет так, как получится, будь что будет»- «куда кривая лошадь вывезет», где «кривая» значит «хромая». Поехать на такой лошади – дело рискованное: она может довести, а может и не довести до места назначения [11, с. 315]. В основе образования фразеологизма «знать как облупленного» в значении «знать кого-либо очень хорошо» лежит эллипсис исходного выражения «как облупленное яйцо» [11, с. 413]. Шутливое приветствие «наше вам с кисточкой!» образовано из более пространных оборотов «наше вам почтение!», «наше вам уважение!» путем шутливого добавления словоформы «с кисточкой» [11, с. 261]. Фразеологизм «до последнего» в значении «не отступать, бороться, пока есть хоть малейшая возмож-

ность» заимствован из речи военных и означал «до последнего солдата, до последнего патрона» [11, с. 465].

Различная степень эксплицированности субстантивного компонента делает проблематичным определение лингвистического статуса атрибутивных компонентов ФЕ. Здесь первостепенной задачей остается выработка четких критериев отграничения репрезентации от таких смежных явлений, как субституция и субстантивация: проведенный анализ показывает, что данные явления, как правило, смешиваются в научной литературе. Так, А.М. Пешковский, как отмечалось выше, весьма удачно подметивший суть репрезентации, при анализе примеров типа «Да ты, смотри, хорошенького отвесь, крупного. Свеженького не угодно ли?» квалифицирует последние как случаи замены существительных прилагательными, т.е. субституции [3, с. 134]. Ср. также анализ «заместительного употребления имен прилагательных мужского, также как и женского рода, входящих в состав какого-нибудь обозначения, например, тракторный завод – тракторный» у В.В.Виноградова [12, с. 82]. В.П. Малащенко объясняет возможность употребления эллиптических конструкций типа «Война! Вот начало её. Вот конец. А м е ж д у было всё: и атаки, и сон, как награда» наличием относительной самостоятельности лексического значения предлога. Без взаимодействия лексических значений имени и предлогов, заключает автор, последние не смогли бы выполнять роль з а м е с т и т е л я предложно-падежной формы [См. об этом: 13, с. 35-36]. Такой подход, на наш взгляд, порождает больше вопросов, чем ответов, например, каким образом предлог как обладатель собственного лексического значения может вбирать в себя значение зависимой словоформы, представленной в контексте? На отождествлении субституции и репрезентации основана трактовка процесса распада двухчленных атрибутивных словосочетаний Г.Н.Акимовой. По ее мнению, при распаде двухчленного словосочетания значение его «умещается» в оставшемся компоненте, т.е. происходит как бы смысловая и грамматическая конденсация, например, «Невский» вместо «Невский проспект» [14, с. 18]. Схожим образом трактуются неполные словосочетания в «Грамматике-80». В частности, отмечается, что компонент, постоянно употребляемый вне связи со стержневым словом, сосредоточивая в себе значение всего словосочетания, развивает самостоятельное лексическое значение. Например: начало девятого часа – начало девятого; перерыв от двух часов до трех часов – перерыв от двух до трех; студенческий билет – студенческий потерял; дети до шестнадцати лет – до шестнадцати не допускаются, до шестнадцати вход воспрещен; сороковой размер – носит сороковой [6, с. 142].

При всей очевидной разнородности структурных типов словосочетаний в приведенных примерах их интерпретация характеризуется, с одной стороны, игнорированием контекста: ср. «перерыв от двух до трех»; «студенческий потерял»; «до шестнадцати не допускаются» (в изолированной позиции словоформы «от двух до трех», «студенческий», «до шестнадцати», «начало девятого» могут быть истолкованы как угодно; например, как начало девятого тома в эпопее Р. Роллана, месяца беременности и т.д.), с другой – приписыванием оставшемуся

компоненту семантики компонента, не представленного в формальной структуре словосочетания. К тому же, если следовать логике авторов «Грамматики», то, например, получается, что словоформа «в девятнадцать» в словосочетании «поступить в вуз в девятнадцать» «развивает» собственное значение возраста, а в словосочетании «прийти в девятнадцать» – значение времени, что в принципе неверно. Весьма показательным в этом отношении следующее высказывание, юмористический характер которого задается неопределенностью семантики субстантивного компонента атрибутивного словосочетания: «Ты помнишь, как у меня болели ноги в сорок первом? – Да, я помню, как у тебя болели ноги в сорок первом. – Тогда я взял сорок третий, и они у меня не болят» (ТВ). Явление субституции основано на принципе полноты замены, репрезентация же, как отмечалось выше, связана с функционированием неполных словосочетаний, в которых слова различных лексико-грамматических разрядов не заменяют элиминированный компонент, а являются его представителем или репрезентантом. В зависимости от семантики антецедента различают, как известно, субституты конкретные и ситуативные. В любом случае, однако, непременным условием субституции является относительный характер семантики слов-субститутов. Слова-репрезентанты характеризуются конкретностью семантического наполнения, они, следовательно, не могут вбирать в себя семантику недостающего компонента словосочетания. Таким образом, характер соотношения антецедента и субститута не может быть приравнен к характеру соотношения репрезентанта и элиминированного субстантива. Кроме того, сфера употребления слов-репрезентантов ограничивается, как правило, разговорно-обиходным стилем, тогда как слова-субституты не являются стилистически маркированными.

Вместе с тем редукция существительного при адъективе, лежащая в основе как репрезентации, так и субстантивации, не означает автоматического возведения согласованного определения в ранг субстантивата. Комментируя неполные предложения «Идет. – Кто? – Моя. [Кто же еще в такую рань выскочит]», В.А. Белашапкина, в частности, отмечает, что в третьем из них отсутствует подлежащее. Такое толкование этого предложения предполагает, по ее мнению, что словоформа «моя» здесь употреблена как форма прилагательного. Если видеть здесь субстантивацию (моя = «моя жена»), то словоформу «моя» следует считать подлежащим [4, с.92-93]. Схожим образом трактуется грамматический статус местоимений «мой», «моя» в лексикографической литературе – и как слова-адъективы, и как существительные в значении «муж, возлюбленный», «жена, возлюбленная». Например, «Мой голову сложил на Балатоне, так я вдова» [15, с. 288].

Не отрицая возможной двойственной грамматической природы тех или иных лексических единиц, отметим, прежде всего, функционально-стилистическую закрепленность и ситуативно-контекстуальную детерминированность субстантивного употребления местоимений «мой», «моя» в приведенных выше примерах (в других контекстах они могут «означать» любое существительное мужского или женского рода, например, дочь, машину, квартиру и т.д.), что, в свою очередь, свидетельствует в пользу трактовки последних как репрезентантов. Ср.,

например, «Моя» – название газеты омской молодежи, «Моя» – название гостиницы в г. Самаре.

Высказывания А.М.Пешковского типа «Многие слова сейчас стоят еще на пути от прилагательных к существительным, причем одни сделали уже большую часть пути, другие еще только вышли в путь, а некоторые стоят как раз на полдороге» и, наконец, «Каждое прилагательное может заменить существительное» [3, с. 134-135] свидетельствуют об излишней абсолютизации процесса субстантивации автором. Может сложиться впечатление о неизбежном исчезновении из словарного фонда русского языка прилагательного как части речи, а также ряда существительных, «замененных» прилагательными. С нашей точки зрения, трактовка редукции субстантивного компонента лишь как очередного этапа на пути перехода прилагательного в существительное в излишней степени понижает значимость адъектива как в семантическом, так и других функциональных аспектах. Способность прилагательного и других «синтаксических» адъективов – причастий, порядковых числительных, местоименных прилагательных – репрезентировать элиминированный компонент есть одна из функций, свойственных данному классу слов помимо функции основной – характеризующей. В отличие от субстантивированных прилагательных, слова-репрезентанты не меняют своего категориального значения и исключают возможность отнесения к ним других определений. Существенное значение имеет тот факт, что при репрезентации всегда остается возможность параллельного употребления редуцированного и полного варианта словосочетания. Сравнение двух словоформ – «на желтый» и «на красное» в примерах «Светофор перемигнул на желтый» (А. Володс) и «Я знал, что он [незнакомец] торопится [...] поставить в рулетку «на красное» свои последние три рубля» (И. Меттер) дает основание предположить, что мы имеем дело с двумя видами транспозиции: функциональной – при репрезентации (см. первый пример) и семантической (см. второй пример). Так, по мнению Л.Н. Мурзина, в случае так называемого перехода прилагательного в существительное прилагательное, как правило, не изменяет своей грамматической формы, но принимает на себя функцию существительного; например, «Сложное предложение состоит из ряда простых» [16, с. 82]. Как случай функциональной транспозиции трактует словоформу «на втором» в высказывании «Я живу на втором (этаже)» В.Г. Гак [17, с. 519]. Однако возникает естественный вопрос: как трактовать результаты такой транспозиции в аспекте членов предложения? Если признать, что прилагательные в приведенных примерах принимают на себя функцию существительного, то, по логике вещей, получается, что транспозиты «простых» и «втором» следует квалифицировать как дополнение и, соответственно, как обстоятельство, что в принципе неверно. На основании изложенного можно сделать вывод, что репрезентация и транспозиция по своей сути смежные, но разные явления. Редукция субстантивного компонента не меняет функциональных характеристик репрезентантов. Таким образом, с точки зрения синтаксической неполные предложные словоформы «из простых» и «на втором» можно охарактеризовать как объединение определения, представленного адъек-

тивом, и части другого члена предложения, представленной предлогом (в приведенных выше примерах – это часть дополнения и часть обстоятельства).

Известно, что в процессе субстантивации происходит изменение категориальной семантики исходного адъектива. Так, если прямой функцией собственно прилагательного является обозначение признака, то субстантивированное прилагательное называет прежде всего предмет, что сказывается, в частности, на сочетательных потенциях последнего – возможности модификации субстантивата другими адъективами. В свою очередь, слова-репрезентанты исключают возможность отнесения к ним других определений. Ср. в этой связи искусственный характер таких образований, как «красивая моя», «умный мой». Репрезентация – текстовое явление, наблюдаемое на уровне синхронии, субстантивация же затрагивает систему языка и предполагает рассмотрение эволюционного развития трансформы. «Продукты» субстантивации могут быть систематизированы по семантическому (родовому) признаку, в то время как слова-репрезентанты в аспекте их семантики не поддаются системному описанию. Существенное значение имеет тот факт, что в отличие от субстантивации при репрезентации не происходит образования новой лексемы и сохраняется возможность параллельного употребления редуцированного и полного варианта словосочетания. Субстантиваты в аспекте их семантики относительно самодостаточны и не нуждаются в контекстуальном распространении. Косвенным подтверждением этого можно считать способность субстантиватов к терминологизации, поскольку семантическая самодостаточность и однозначность термина являются его характерными чертами. Ср., например: КАСАТЕЛЬНАЯ. Мат. Прямая, имеющая общую точку с кривой, но не пересекающая ее [15, с.37].

В свете изложенного представляется правомерным считать большинство адъективов – компонентов неполных ФЕ не субстантиватами, а репрезентантами. Впрочем, возможен и дифференцированный подход. Так, фразеологизм «на перекладных» в значении «как придется, разными видами транспорта, на попутном транспорте (ехать, добираться)», можно квалифицировать как субстантивированное прилагательное, если исходить из того факта, что трансформ «перекладные» соотносится с существительным «лошади», которое, в свою очередь, можно считать потенциальным родовым признаком или основанием для выделения таких субстантиватов, как «перекладные», «курьерские», «почтовые».

ФЕ как устойчивые в структурно-семантическом плане образования уже по определению тяготеют к неполноте изложения. Они самодостаточны в структурно-семантическом плане. Невостребованность редуцированного существительного при адъективе в составе ФЕ не меняет статус этого адъектива как согласованного определения, зачастую выступающего как застывшая репрезентативная форма, не мотивированная с точки зрения современного русского языка. Привлечение этимологических данных позволяет объяснить не только выбор грамматической формы репрезентанта, но и особенности лексического наполнения отдельных ФЕ: ср., например, корректность употребления предлога «в» в каждой из приведенных выше трактовок фразеологизма «во всю ивановскую».

Как известно, компрессия текста есть результат воздействия ряда факторов – как лингвистических, так и экстралингвистических. В этой связи естественным образом возникает вопрос о факторах, лежащих в основе редукции адъективно-субстантивных словосочетаний. Так, весьма распространенной можно считать точку зрения, согласно которой редукция субстантивного компонента квалифицируется как признак неполноты сложного предложения, обусловленной законом построения последнего. Например: «В одной руке он держал удочку, а в другой – кукан с рыбешкой» [5, с. 196]. На наш взгляд, в подобных случаях следует разграничивать два понятия – неполноту предложения и неполноту члена предложения: неполнота члена предложения не означает автоматического возведения этого предложения в ранг неполного. Редукция субстантивного компонента «руке» в приведенном примере обусловлена не грамматическими факторами (реконструкция словосочетания не делает предложение грамматически некорректным), а факторами стилистическими – стремлением избежать повтора в рамках одного предложения. Думается, что вторичная номинация в неполном сложном предложении в большей степени есть прерогатива автора, о чем свидетельствуют следующие примеры: А если отойти от окна, то окажешься в комнате, где у одной стены диван, который теперь называют антикварным, а у другой стены диван, который даже теперь антикварным не называется, хотя уже появилась такая надежда (М. Анчаров). Две недели он [старик] царил в квартире: сорил, курил, пел песни, а на третью неделю запил и пропал (И. Грекова).

Следует отметить, однако, что компрессия словосочетаний анализируемого типа в значительной степени может предопределяться рамками дистантного (практически контактного) расположения эксплицита и редуцированной предложной словоформы. Их удаленность друг от друга в тексте зачастую влечет за собой повтор субстантивного компонента, в противном случае возникают определенные трудности в декодировании компрессированных структур. Ср. след. пример: Сереже дали от завода квартиру, две комнаты, площадь большая, уберика, а она [Лиза] не привыкла кой-как. Комнаты большие, светлые, с огромными окнами, в новом доме, газ, мусоропровод, и завод совсем близко, прямо из окон видно. Квартира, правда, не совсем отдельная: в третьей комнате жил старичок сосед, но тихий, вежливый, – его и незаметно (И. Грекова).

В свое время, анализируя атрибутивные словосочетания, А.И. Смирницкий отметил их одну, на наш взгляд существенную, особенность: «Внутри атрибутивного комплекса одно слово является ведущим, а другое – зависимым от него. При этом, говоря о ведущем и зависимом слове, не следует смешивать «ведущий» и «зависимый» в грамматическом и лексическом плане. Нередко оказывается, что грамматически зависимое слово является ведущим лексически, а грамматически ведущее слово – второстепенным с точки зрения лексических отношений между словами» [18, с. 177]. Высказывание А.И. Смирницкого во многом расширяет понятие репрезентации в его функциональном плане: за счет редукции субстантива не только достигается сжатость изложения, но и происходит перераспределение смысловой нагрузки на атрибут как наиболее значимый в

лексическом отношении компонент высказывания. Нередко такое перераспределение сопровождается графическим (читай – интонационным) выделением репрезентанта в тексте. Например: Собор, как и положено было ему по возрасту, давно отошел от службы, перевелся на пенсион и вышел в вольную от Синода. И понятно, что свадьбы, как ждали бы её, скажем в действующем, здесь никто одухотворенно не ждал (В. Ковылов). В свете изложенного вполне оправданной представляется прагматическая обусловленность актуализации признака, а не предмета в текстах рекламы, в названиях художественных произведений, журнальных и газетных статей. Например: «Плати только за последнюю!», «Все еще платите за входящие?», «Поспешись на красный свет – распрощаешься с белым», «От двух до пяти» (название книги К.И. Чуковского), «ОТ БУМАЖНОЙ К ВИРТУАЛЬНОЙ (Возможности и потери в архитектуре)» – название очерка В. Юзбашева.

Вместе с тем, как справедливо отмечает Г.Н. Акимова, «опрошение не значит упрощение» [14, с. 19]. Трактовка компрессии как двоякого явления, сказывающегося не только в плане выражения, но и в плане содержания, позволяет констатировать различную степень трудности смысловой расшифровки неполных словосочетаний и, соответственно, прагматическую обусловленность употребления таких словосочетаний. Ср. след. пример: Белый недовязанный шарф отливал розовым; впрочем, может, это только казалось слеповатой маме, пристально и подолгу наблюдавшей собственное сокровище [дочь – Н.В.], понуро высчитывающее лицевые и изнаночные (А.Матвеева). В примере «Приказ [об освобождении] сам Кондаков подписывал. По собственному. Никто ему не подкладывал на подпись» (В. Шаламов) восстановление субстантивного компонента осложняется, с одной стороны, окказиональным употреблением словосочетания «подписать по собственному почину» в редуцированном виде, с другой – влиянием отчасти схожего с точки зрения лексического наполнения словосочетания «уволиться по собственному желанию». Сложность реконструкции неполного словосочетания «ездить на пятьдесят первых» в примере «[Капитан]: Я еще пацаном был [...], еще на пятьдесят первых ездили» (А. Волос) предполагает не только наличие определенных фоновых знаний у получателя речи, но и перевода атрибута из зависимой позиции в независимую. Ср.: «Ездили на автомобилях ГАЗ-51». Ср. также: «Жить в Крылатском» в значении «жить в микрорайоне «Крылатское»». Вместе с тем правильное декодирование словосочетания «Жить на Бауманской» предполагает не только перераспределение синтаксических связей внутри словосочетания, но и частичную модификацию его лексического состава, ср. «Жить возле (у, в районе) станции метро «Бауманская»». Как прагматически ненадежное следует квалифицировать использование репрезентантов, допускающих двусмысленное толкование редуцированного субстантива. Например: Эдита Пьеха сделала пластическую операцию и выглядит теперь на все сто (ТВ). Ср. аналогичное: Из журнала вы узнаете, как певице Лолите в ее возрасте удастся выглядеть на все сто (ТВ). Наиболее сложными с точки зрения их смыслового декодирования представляются словосочетания, неполнота которых ком-

пенсруется за счет контекста культуры. Существенное значение имеет при этом хронологический аспект. Так, определенные трудности при реконструкции редуцированного субстантива могут вызывать репрезентанты, имеющие явный архаичный характер. Например: «дать честное пионерское или честное ленинское (слово)», «находиться на принудительном (лечении)», «сделать шестимесячную/химическую (завивку)», «купить безразмерные (чулки)», «третий трудовой (семестр)», «комсомольская ударная (стройка)».

В заключение отметим, что понятие репрезентации существенным образом расширяет спектр функциональных потенций слова как лексической единицы, а наличие или отсутствие репрезентативной функции может рассматриваться в качестве одного из критериев частеречной принадлежности слова. Активное использование атрибутивных репрезентантов в современном русском языке способствует развитию нового для русского языка типа словосочетания – глагольно-адактивного – и позволяет квалифицировать репрезентативность как одну из характерных примет русской языковой культуры. В этой связи определенный интерес представляет исследование репрезентативных возможностей других частей речи.

1. Уфимцева А.А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 5-80.
2. Тураева З.Я., Биренбаум Я.Г. К вопросу о нулевой морфеме // Филологические науки. 1983. № 4. С. 52-58.
3. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
4. Белашапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
5. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., 2000.
6. Русская грамматика: в 2 т. Т.2. М., 1982.
7. Кодухов В.И. Контекст как лингвистическое понятие // Языковые единицы и контекст: сб. статей. Л., 1973. С.7-32.
8. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
9. Тер-Минасова С.Г. Синтагматика речи: онтология и эвристика. М., 1980
10. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1985.
11. Бирих А. К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник. СПб, 1999.
12. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1986.
13. Малащенко В.П. Свободное присоединение предложно-падежных форм. Ростов-н/Д, 1972.
14. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990.
15. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Русский язык, 1986.
16. Мурзин Л.Н. Синтаксическая деривация. Пермь, 1974.
17. Гак В.Г. Транспозиция // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М., 2000.
18. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М., 1957.

**ГРАФИЧЕСКИЕ И ФОНЕТИЧЕСКИЕ ДЕВИАЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ КОМПЬЮТЕРНОГО ЖАРГОНА)**

В работе анализируется профессиональный компьютерный жаргон – слой лексики, который используется в общении на профессиональную тему специалистами и пользователями компьютеров, – это живой и подвижный пласт языка, имеющий свою структуру, законы формирования и развития. В частности, рассматриваются графические и фонетические девиации в данном пласте языка.

Ключевые слова: каламбур, деривация, компьютерный жаргон, профессиональный жаргон, словообразовательные модели.

In this work professional computer jargon is analysed, i.e. the lexical layer, which is used to communicate on any professional subject by specialists and computer users – it is a lively and flexible layer of the language, having its own structure, the laws of formation and development. In particular graphic and phonetic deviations are considered in this language layer.

The keywords: pun, derivation, computer jargon, professional jargon, wordbuilding models

Данная статья затрагивает не изученную к настоящему моменту проблему каламбурного словообразования в сфере русского компьютерного жаргона.

Компьютерный жаргон в современном его состоянии представляет собой разветвленную лексическую систему, достаточно трудно поддающуюся системному описанию. Выделение каких-либо моделей, способов и типов словообразования в этой сфере предельно затруднено, во-первых, потому, что компьютерный жаргон лежит вне кодификации, во-вторых, потому, что он не имеет ограниченного списка и сколько-нибудь убедительной фиксации, в-третьих, потому, что он открывает широкое поле для творчества рядового носителя языка. Подвергать подобный объект описанию, а тем более классификации, достаточно трудно, однако в настоящей статье делается попытка представить его систему. Разработанная типология если и не претендует на всеохватность, то, во всяком случае, отражает существенные стороны объекта научного поиска.

Каламбурный способ словообразования рассматривается в науке с разных точек зрения, к нему применяются всякого рода подходы (см. работы [1], [2], [3], [4] и др.). В зависимости от того, какой принцип ложился в основу изысканий,

выделялись различные виды каламбуров, создавались многочисленные классификации.

В данной работе каламбурные способы сводятся к графическим и фонетическим девиациям.

Графическое словообразование, как ни один другой способ словообразования, является предметом пристального обсуждения в специальной литературе. И хотя его история насчитывает чуть меньше двух десятилетий, уже можно говорить о существовании двух направлений в репрезентации этого способа – орловском (хронологически он был первым и был представлен в серии работ В.П. Изотова [5]) и екатеринбургском (работы Т.В. Поповой [6] и ее учеников). Принципиальных расхождений в трактовке способа нет – различия наблюдаются в объеме подводимых под определение явлений и в терминологии. Материал, проанализированный в данной статье, позволяет расширить горизонты графического словообразования, что очень отрадно: параграфемика практически не рассматривалась как средство графодеривации.

Отличительной чертой русского компьютерного жаргона от любого другого некодифицированного варианта языка является его письменная форма существования. Эта особенность позволяет активизироваться такому способу образования слов, как графикация, «при котором в качестве словообразовательного оператора выступают графические и орфографические средства (графические выделения, знаки препинания и т.п.)» [7].

Графикация лексем выражается в русском компьютерном жаргоне различными способами. В.Г. Костомаров подчеркивает, что «все шире распространяется принятая в английском мире манера выделять названия, отдельные слова не кавычками или подчеркиванием, а написаниями с прописных букв или шрифтами» [8]. Модные начертательные новшества отражают не только иноязычное влияние, но и, несомненно, воздействие компьютерной графики.

Широкое распространение получают единицы с использованием прописных букв:

СОПТИРовка (форматирование винчестера), *отСОПТИРовать* (отформатировать), *наСИльник* (программист, работающий на языке Си+), *Ызрек* (клавиша в подтверждение).

При написании части слова прописными буквами главным является графо-орфографическая форма, а не фонетическая, что отличает эти лексемы от остальных компьютерных единиц. Выделенный сегмент совпадает с уже существующими словами из общенародного языка или другого социолекта, что образует имплицитные лексемы, которые вызывают юмористический эффект.

Пассаж о юмористическом эффекте не расценивается как единственное и непереносимое свойство графодеривации. Другие приемы графикации (например, использование разного шрифта, цвета, разрядки, семиотических знаков и др.) помимо эффекта юмора отражают иноязычное влияние, воздействие компьютерной графики; свидетельствуют об активизации личностного начала в речи компьютерщиков; служит сигналом для ‘игрового’ восприятия лексем; являются

проявлением творческих способностей жаргононосителей; играют важную роль в создании новых реалий, в назывании известных предметов или явлений компьютерной действительности и в придании им своего видения и оценки; помогают привлечь внимание к выделенному сегменту слова.

Характерным свойством русского компьютерного жаргона в отличие от европейских компьютерных жаргонов является его письменное приспособление к элементам другого языка, в результате чего реализуется языковая игра на базе совмещения латинской и кириллической графических систем.

В письменной адаптации элементов чужого языкового кода активно участвует латинизация.

Происходит передача русских слов (или только частей слов) путем замены букв кириллической письменности буквами латыни. Этот транслитерационный отрезок привлекает внимание к сообщению и обладает потенциалом эмоционально-экспрессивного воздействия на коммуниканта:

Crashная клавиша (функциональная клавиша F8), *crashный* человек (модератор, который удаляет игры и лишает премии), *бесcrashная* дискета (дискета с защитой от записи).

Английские лексемы вставляются в русские, однако они не обладают общностью в семантике. Каламбур строится на контрасте прочтения и значения:

Powerнуть (переустановить), *zaloopиться* (зациклиться), *RISCовый* boy (программист, работающий на процессорах фирмы RISC).

Интеграционные процессы в современном обществе и широкое внедрение компьютерных технологий приводят к образованию макаронизмов, которые встречаются в смешанной транслитерации: латинской и кириллической:

Trublema (неприятность, ошибка), *internetмен* (человек (мужчина), который проводит время в сети Интернет).

Частотны образования субстантивированных имен прилагательных таким образом:

заZIPованный (архиватор ZIP), *заZOOпленный* (архиватор ZOO), *отLHAченый* (архиватор LHA), *ARJеванный* (архиватор ARJ), *прilCEованный* (архиватор ICE), *заRARенный* (архиватор RAR) и многие другие.

Довольно активно создаются графодериваты посредством обратного процесса от латинизации – кириллизации – способа словотворчества, случайно возникшего при неправильной раскладке клавиатуры (английские слова печатаются русскими буквами):

ЗДЫ (пожалуйста), *ину!* (пока!), *фдд* (все), *ЗЫ* (PS), *КУ* (снова, еще раз), *циц* (www), *янчуд* (модем фирмы ZyXEL).

Возможен обратный вариант (печать русских слов английскими буквами):

лытдыбр (дневник).

С точки зрения языка кириллизация не мотивирована.

Обращение к другим графическим системам объясняется проявлением языкового вкуса нашего времени, а также приобщением к англоязычной компьютер-

ной терминологии и жаргону ангоязычных хакеров и, вообще, к англоязычной культуре и стилю жизни.

Во всех компьютерных подъязыках наблюдается стремление к экономии времени в коммуникации, что ведет к упрощению правописания, к его символизации, к использованию конвенциональных знаков письма типа: цифр, знаков математических операций, нот, карточных мастей, денежных знаков, формул, стрелок, технических знаков, смайлов и т.д. К примеру, № @ # * % ? ! & ;-) ☺ ☹ ;) :) :-P ♂ ♀ ♣ ♠ ♪ \$ и т.п. Впоследствии такого рода знаки становятся параграфемами. Параграфемика интенсивно исследуется как особый раздел лингвистики о письменном языке [9].

Такое сочетание вербальных и невербальных средств передачи информации образует креолизованные тексты, которые понимаются как «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [10]. В языкознании вопросами, связанными со структурированием креолизованных текстов, специально занимается ряд лингвистов [11], [12], [13].

В компьютерном жаргоне на месте созвучных сегментов слов используются цифры. Фонемный состав английских цифр обыгрывается в различных вариациях:

1 [wɒn] < won [wɒn] или one [wʌn] (выиграл или единица)

2 [tu:] < to [tu:] или too [tu:] (частица при инфинитиве, предлоги к, в, на и т.п., тоже)

4 [fo:] < for [fo:] (предлог для, ради, за и т.п.)

8 [eit] < ate [eit] (поел(-а))

и т.д.

Аналогичный прием сигнифики применяется в отношении букв английского алфавита:

B [bi:] < be [bi:] (быть)

C [si:] < see [si:] (видеть, смотреть)

O [əu] < Oh [əu] (O!)

R [ɑ:] < are [ɑ:] (быть во множественном числе)

U [ju:] < you [ju:] (ты, вы)

Y [waɪ] < why [waɪ] (почему, зачем)

и т.д.

Цифрой или буквой заменяется только часть слова или словосочетания на основе фонетического сходства:

ANY1 any [wɒn] < any one (кто бы то ни было)

2U [tu:] [ju:] < to you (тебе)

2L8 [tu:] l[eɪt] < too late (слишком поздно)

ME2 me [tu:] < me too (я тоже)

4U [fo:] [ju:] < for you (для тебя)

B4N [baɪ] [fo:] [naʊ] < bye for now (до встречи, пока)

BBL&R [bɪ] [bæk] ʼ[eɪt]er < be back later (вернусь позднее)

Gr8 gr[eɪt] < great (здорово)

W8 w[eɪt] < wait (подожди(-те))

L8R ʼ[eɪt]er < later (позже)

2mrow [tu:]morrow < tomorrow (завтра)

Thr4 there[fo:] < therefore (поэтому)

Ice ʼ[wʌn]ce < once (однажды)

4get [fo:]'get < forget (забудь)

Be4 be'[fo:] < before (прежде, до, перед, раньше и т.п.)

W8N w[eɪt]ing < waiting (ожидание)

10x [θæŋks] < thanks (спасибо)

10q [θæŋkju:] < thank you (спасибо вам, тебе)

и т.д.

Данный список единиц является далеко не исчерпывающим, а представляет лишь часто употребляемые случаи данного механизма.

В лингвистике в отдельный вид деривации выделяются акронимы. Однако этот вид не нашел общей точки зрения относительно номинации. В настоящее время акронимы встречаются как звуковые аббревиатуры [14], псевдоаббревиатуры [15].

KK < okay cool (Окей, здорово)

CU < see you (Увидимся)

CUL < see you later (Увидимся позже)

IKWUM < I know what you mean (Я знаю, что ты имеешь в виду)

IOU < I owe you (Я должен тебе)

OIC < Oh, I see (О, я понимаю)

и т.д.

Акронимы обладают анонимностью, вследствие чего им легко удастся эвфемизировать употребляемые нецензурные слова и выражения. Однако это не расценивается в работе как включение потайного смысла в акронимы. (На секретный смысл акронимов указывают некоторые исследователи [16]). Коммуникация в этих выражениях в основном посвящена материально-телесному низу (по терминологии М.М. Бахтина [17]). Однако исходя из эстетических соображений их перевод был смягчен. Что, к сожалению, не позволило передать той сильной эмоциональной окраски, которая содержится в этих выражениях.

OMFG < oh, my fucking* God (О, мой гребаный боже!)

KMA < kiss my ass* (Поцелуй мою задницу!)

RTFM < read the fucking* Manual (Читай чертово руководство!)

STFU < shut the fuck* up (Заткнись, чтоб тебя!)

STFW < search the fucking* Web (Ищи в чертовой сети!)

LMAO < laughing my ass* off (Ржу, не могу!)

и т.д.

Графемы расширяются за счет обыгрывания фонемного состава русских букв и цифр. Цифра 6 заменяет букву Ш, 4 – Ч, 8 – В, 64 – Щ, 0 – О, 3,14 – буквосочетание ПИ (для эвфемизации матерных выражений) и др.

Креолизация применяется преднамеренно для лаконизма изложения мысли, а также спонтанно для продуцирования интереса ко всему сообщению и демонстрации собственного идиостиля. Взаимодействие вербальных и иконических элементов обеспечивает коммуникативный эффект лексической единицы.

Итак, отклонения от каноничных норм орфографии не ведут к деструкции смысла, а расцениваются как проявление креативности и экономии языковых средств.

В области фонетики также происходят существенные сдвиги.

Широко используется субституция, которая понимается как замещение [18]. В компьютерных жаргонных лексемах происходят спорадические замены звуков, которые приводят к трансформации смысла и вызывают эффект юмора.

Мена парных глухого и звонкого согласных:

[б]/[п]: *трупопаскаль* < трубопаскаль (язык программирования Turbo Pascal), *трупоборщик* < труборборщик (программист на языке Turbo Assembler);

[в]/[ф]: *Дос Нафигатор* < Дос Навигатор (программа Dos Navigator);

[к]/[г]: *автогад* < автогад (программа инженерного проектирования и черчения AutoCAD);

Замены unprecedentedных согласных:

[к]/[п]: *клопомеры* < клокомеры (часы);

[в]/[ж]: *копирожание* < копирование;

[j]/[н]: *струнный* принтер < струйный принтер;

[н]/[б]: *забабить* < забанить (< англ. ban ‘запрещение’) (запрещать);

[ц]/[ф]: *профессор* < процессор.

Позиционные замещения гласных фонем:

[а]/[‘ь]: *блястер* < бластер (< англ. Blaster ‘взрыватель’) (энергическое оружие в компьютерных игр).

Замещения unprecedentedных гласных:

[о]/[у]: *мудем* < модем;

[ë]/[э]: *ëксель* < эксель (электронная таблица Microsoft Excel);

[е]/[ю]: *дисплой* < дисплей, *реплой* < реплей (< англ. replay) (ответ на сообщение);

[у]/[а]: *бьяк* < бук (ноутбук);

[и]/[ю]: *юзверг* < изверг (< жарг. юзер) (пользователь);

[‘ь]/[е]: *фляшка* < флешка (накопитель информации).

Замещения unprecedentedных слоговых звуков:

[ю]/[ух]: *компухтер* < компьютер;

[в]/[др]: *дриста* < виста (операционная система Vista);

[нав]/[поф]: *пофигатор* < Навигатор (программа Navigator).

Мена звуков разных графических систем. Латинские буквы, совпадающие по начертанию с кириллицей, читаются как буквы кириллицы:

х [z]/х [x]: *херокс* < Херох (ксерокс);

х [ks]/х [x]: *exit* < exit (выход), *линух* < Linux (операционная система Linux).

Лексемы с нерегулярными заменами наполнены пейоративной оценкой. Высмеивается устаревшая компьютерная техника, происходящие в ней неполадки, выражается неудовлетворенность работой компьютера и т.д. (дриста, бяк и др.).

Комический эффект этих лексем достигается за счет связи англоязычных терминов с обценными словами из русского языка (*херокс* и др.). Вследствие чего большое количество единиц данного механизма не вошли в ряд примеров.

Фонетическая неканоничность проявляется при комбинаторных изменениях звуков.

Частотны случаи использования эпентезы – возникновение в слове дополнительного, неэтимологического звука [19].

Вставляются сепаратные согласные звуки:

блинковать < блик (создавать блики, мигать), *панаслоник* < англ. Panasonic (фирма Panasonic), *пердаль* < педаль, *русинфицировать* < русифицировать, *стервер* < сервер, *солярис* < солярис (< англ. Solaris) (операционная система Solaris), *нотпадла* < нотпад (< англ. Notepad) (программа Notepad), *вордпадла* < вордпад (< англ. WordPad) (редактор WordPad), *юзверь* < жарг. юзер (опытный пользователь), *хацкер* < адс[ц]кий хакер (хакер с завышенной самооценкой), *жопен офис* < опен офис (< англ. Open Office) (программа Open Office), *дур-дос* < др.-дос (< англ. DR-DOS) (операционная система DR-DOS).

Вставки создают дополнительный смысловой оттенок, преимущественно с негативной коннотацией (*хацкер* и др.). Смежность с негативно-оценочными словами наделяет лексемы юмором (*стервер*, *падла* и др.).

Довольно часто прибегают к такому неузальному фонетическому приему, как метатеза, которая обозначает взаимную перестановку звуков или слогов в пределах слова [20].

Метатеза различается по смежности. Переставляются соседние звуки:

конченый юзер < конечный пользователь, *нитернет* < Интернет, *бантик* < батник.

Встречается метатеза на расстоянии. Переставляются два согласных:

даза банных < база данных, *момед* < модем, *начепатать* < напечатать, *очепятка* < опечатка, *чепатор* < жарг. печатор (принтер), *интертрепатор* < интерпретатор.

Возможна количественная метатеза. Передвигается ударение:

лабе'ль < 'лабель (< англ. 'label [leɪbl]) (метка файла), *ба'тон* < (англ. button ['bʌtn]) (кнопка), *ко[л]бе'ль* < ка'бель.

Коммуникатор играет со словами без определенной интенции, исключительно для создания шуточного настроения.

В жаргонной лексике может происходить искусственное переименование, не имеющее семантической мотивировки, основанное на фонетической близости исходного и нового слова, явление, характерное для жаргонных систем и преследующее обычно чисто юмористические, словесно-игровые цели [21].

Данное явление по-разному определяется в научной литературе: фонетическая мимикрия, или омофонизация жаргонной лексики [22], народная этимология [23], внешняя (или звуковая) метафора [24] «Свидетельством агрессии является эсхрофемизм – фигура речи, в которой любое слово паронимически или парасемически преобразуется в сквернословие» [25].

Обыгрывание фонетической мимикрией происходит в русском компьютерном жаргоне на базе компьютерных терминов английского происхождения:

пентух < англ. Pentium (микропроцессор корпорации Intel), *джемпер* < англ. jumper (переключатель), *борман* < англ. Borland (компания по производству программного обеспечения Borland Software Corporation), *шаровары* < англ. shareware (бесплатная, испытательная версия программы), *король дров* < англ. Corel Draw (пакет программного обеспечения Corel Draw), *мурзилка* < англ. Mozilla (Интернет-браузер Mozilla), *солярка* < англ. Solaris (операционная система Solaris), *осетр* < англ. Acer (тайваньская компания по производству компьютерной техники и электроники), *фокусник* < англ. Fox (программист, пишущий на языке FoxPro), *паскудник* < англ. Pascal (программист, пишущий программы на языке Pascal (содержит мотивированный намек на ругательство ‘паскуда’)), *аппендицит* < англ. appendix (приложение), *астма* < англ. Assembler (язык программирования Assembler), *астматик* < англ. Assembler (программист на языке Assembler), *девица* < англ. device (устройство), *девушка* < англ. device (устройство), *дрова горелые* < англ. Corel Draw (графический пакет Corel DRAW), *дрова корявые* < англ. Corel Draw (графический пакет Corel Draw).

Омофонизированные лексемы вскрывают дополнительные потенциальные смыслы: уже существующие и общеизвестные слова наполняются новой семантикой, неизвестное связывается со знакомым и понятным, образуя тем самым новые полисемичные единицы.

Эффект юмора вызывает обратный процесс от акронимии – омоакронимия. Данное явление сходно с фонетической мимикрией ввиду того, что бэкронимы совпадают по своей фонетической структуре с общеизвестными словами:

ФАК < англ. FAQ (ответы на часто задаваемые вопросы), *ЧМО* < англ. CMOS (технология изготовления микросхем), *КПСС* < англ. HPFS (файловая система). В ряде лексических единиц узнаются грубые ругательства. Лексема ‘fuck’ [fʌk] означает ‘God damn you!’ [26], в русском варианте – ‘будь проклят!’ [27]. ‘Чмо’ имеет значение ‘человек, лишенный внутреннего стержня, морали, заслуживающий презрения’ [28].

Проникшее в общий жаргон из уголовного слово ‘чмо’ (человек, лишенный внутреннего стержня) по своему происхождению – заимствование из идиша (ср. идиш ‘schmuck’), имеющее то же значение. Однако носителями армейского жаргона оно интерпретируется как аббревиатура ‘человек Московской области’.

Разительный контраст между компьютеризмами и инвективой создает каламбурный эффект.

В работе неоднократно указывалось на активное употребление обценной лексики в компьютерном дискурсе. Ученые-психологи утверждают, что «упо-

требление фамильярных сленговых единиц подсознательно нужно человеку, чтобы чувствовать свою власть над компьютерами, чьи возможности, на первый взгляд, гораздо выше человеческих. Называя реалии, относящиеся к миру информационных технологий, шутливыми сленгоидами, пользователь ставит компьютер ниже себя, заставляет его 'повиноваться'» [29].

Свою актуальность в русском компьютерном жаргоне получает фонетический прием ономотопеи (звукоподражания), которая трактуется как условная имитация звучаний окружающей действительности фонетическими средствами языка [30]. Примеры:

вжикалка < вжик – резкий и короткий свистящий звук [31] (матричный принтер), *жужжать* < жу-жу – дребезжащий звук, свистящий шум [32] (связываться с модемом), *пицалка* < пищ, писк – тонкий звук [33] (встроенный динамик), *шуришун* < шу-шу, шур-шур – звук шороха [34] (вентилятор в блоке питания), *хрюк, хрюкалка, хрюканье* < хрю-хрю – звуки, издаваемые свиньей [35] (программа-взломщик), *визжалка* < визг – высокий и резкий крик, звук [36] (матричный принтер).

Через проводимую фонетическую параллель комментируются уже существующие объекты компьютерной действительности: в ономотопах заключено лишь отношение к известным вещам.

В целом при фонетических аномалиях происходит смысловое обогащение, ассоциативное насыщение лексем и наполнение их юмором.

Графические и фонетические дериваты в современном русском компьютерном жаргоне представляют отдельную группу лексики. Графические каламбурные лексемы создаются с применением карнавальных средств или с семиотическими осложнениями. Квинтэссенция фонетических каламбуров состоит в генерировании дополнительных окказиональных коннотаций, выражающих языковую экзальтированность и порождающих комический эффект. Такого рода лексемы требует визуального (графодериваты) или аудиального (фонодериваты) восприятия выделенного или измененного сегмента. Таким образом, каламбур позиционирует себя как многоаспектное явление и демонстрирует разнообразные возможности в образовании лексических единиц.

1. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996.

2. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской литературы, 1999.

3. Трифонова Н.С. Опыт построения классификации каламбуров // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Ростов-н/Д.: Изд-во: Южный Федеральный Университет, 2003. Серия: Общественные науки. С. 66-70.

4. Щербина А.А. Сущность и искусство словесной остроты (каламбура). Киев: Изд-во Академии наук УССР, 1958.

5. Изотов В.П. Параметры описания системы способов русского словообразования: монография. Орел: Орлов. гос. ун-т, 1998.

6. Попова Т.В. Графодериват: слово или текст? // Русский язык: Человек. Культура. Коммуникация: материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. Екатеринбург: Изд-во ГОУ-ВПО УГТУ-УПИ, 2008. Ч.1. С. 282-292.
7. Изотов В.П. Параметры описания системы способов русского словообразования: монография. Орел: Орлов. гос. ун-т, 1998. С. 76.
8. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над языком современных масс-медиа. М.: Педагогика-пресс, 1994. С. 214.
9. Баранов А.Г., Паршин Л.Б. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемы // Проблемы эффективности речевой коммуникации / под ред. Ф.М. Березина. М.: ИНИОН, 1989. С. 41-115.
10. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия: монография / под ред. Р.Г. Котова. М.: Наука, 1990. С. 180-181.
11. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. М.: АКАДЕМИА, 2003.
12. Волкова Т.Ф. Реклама как гипертекст: методическое пособие. Томск: Изд-во ФГУ «Томский ЦНТИ», 2006.
13. Mause D. Let's talk about it: Chatten im Fremdsprachenunterricht. In: Medien praktisch 3, 1997. S. 30-33.
14. Кононенко А.П. Заимствованные сокращения как выражение экономии языковых средств (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2006.
15. Лашкевич О.М. Тенденции словообразования в современном английском языке // Вестник Удмуртского университета: филологические науки. 2007. № 5(1). С. 45-52.
16. Попова С.А. Феномен SMS-языка // English: Focus on Language. 2009. № 7. С. 43.
17. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1990.
18. Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е изд., доп. / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 138.
19. Там же. С.593.
20. Там же. С. 296.
21. Журавлев А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке / под ред. Д.Н. Шмелева. М.: Наука, 1982. С. 67.
22. Лихолитов П.В. Компьютерный жаргон // Русская речь / под ред. В.Г. Костомарова. 1997. № 3. С. 45.
23. Трофимова Г.Н. От писюка слышу // Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ: русский язык для всех. 2001. 19 января. Раздел: Журналы: Журнал ГРАМОТА.РУ [Электронный ресурс]. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_48 (дата обращения: 15.02.2008).
24. Москвин В.П. Стилистика русского языка: теоретический курс. Ростов н/Д.: Феникс, 2006. С. 130.
25. Гусейнов Г. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей // НЛЮ: Новое литературное обозрение: независимый филологический журнал. 2000. № 43. Секция: Другие языки. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html> (дата обращения: 24.12.2009).

26. Macmillan English Dictionary: for advanced learners: International student edition. Oxford: Macmillan, 2006. P. 571.
27. Большой англо-русский словарь / под ред. В.К. Мюллера. М.: Цитадель-трейд: РИПОЛ КЛАССИК, 2005. С. 310.
28. Ахметова Т.В. Русский мат: толковый словарь. М.: Колокол-Пресс, 2000. С. 504.
29. Кутузов А.Б. Лексико-семантические поля в компьютерном сленге: на примере сленговых глаголов английского языка // Language and Literature: электронный научный журнал. 2004. Вып. 20. Раздел: Лингвистика. [Электронный ресурс]. URL: <http://frgf.utmn.ru/journal/No20/text05.htm> (дата обращения: 11.09.2009).
30. Лингвистический энциклопедический словарь. С. 165.
31. Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. С. 78.
32. Там же. С. 196.
33. Там же. С. 519.
34. Там же. С. 902.
35. Там же. С. 870.
36. Там же. С. 82.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕТСКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ

Статья посвящена истории полевых исследований одной из микролокальных традиций Республики Коми – летского куста деревень, входящего в состав Прилузского района. Рассматриваются этапы собирания фольклорного материала начиная с середины XIX в. до современных полевых экспедиций.

Ключевые слова: *собиратель, информант, фольклорная традиция.*

Article is devoted history of field researches of one of microlocal tradition of the Komi Republic – villages on the river Letka which is the part of the Priluzsky district. Stages of collecting of a folklore material since the middle of XIX century before modern field expeditions are considered.

The keywords: *collector, informant, folklore tradition*

Фольклорная традиция населенных пунктов Прилузского района, расположенных на реке Летке и входящих в Слудскую, Прокопьевскую, Гурьевскую, Мутницкую, Черемуховскую и Летскую сельские администрации, привлекает внимание собирателей на протяжении более двух столетий. Данный факт обусловлен хорошей степенью сохранности и разнообразием фольклорно-этнографического материала. Вместе с тем собирательская деятельность известных коми фольклористов А.К. Микушева и П.И. Чисталева не была связана с этой частью района. Вероятно, это связано с тем, что исследователями коми фольклора ставились задачи, связанные, в первую очередь, с поиском национальной специфики, а традиция Летки в этом плане считалась непоказательной. В частности, в трехтомном издании «Коми народные песни», единственном на сегодняшний день своде коми песенной традиции, летская традиция не представлена. Первый том, описывающий вычегодско-сысольскую традицию, к которой относится и Прилузский район, включает в себя образцы других микролокальных традиций Прилузья – сел Объячево, Ношуль, Читаево [1]. Изучению летской традиции посвящен ряд современных исследований, среди которых следует отметить работы А.Н. Власова [2], Г.С. Савельевой [3], Т.С. Каневой [4].

Самые ранние из известных нам данных по фольклору летских коми содержатся в рукописи преподавателя Вятской мужской гимназии Михаила Сидоровича Косарева «Пермяки Вятской губернии, преимущественно Орловского уез-

да», поступившей в Вятский губернский статистический комитет в 1863 г. * Рукопись хранится в Государственном архиве Кировской области [6]. В 50-х гг. XIX в. М.С. Косарев фиксировал фольклорный материал летских и ношульских коми. В рукописи представлены свадебный и похоронный обряды, кратко отмечен крестильный обряд, представлены свадебные приговоры, сведения по календарной обрядности (Ильин день, Спасов день), проведение помочей, лирическая необрядовая песня «В чистом поле, при долине», плясовая песня «Не с тамыским веселиться», детская песня «Кӧчӧ, йӧкты, йӧкты» (Зайчик, пляши, пляши), описание пермяцкой пляски. Заметим, что М.С. Косаревым у летских коми зафиксирован текст свадебной песни «По горам, горам молодой сокол летал», который впоследствии не записывался собирателями [6, л. 28-28 об.].

К числу ранних записей относятся также 4 текста русских песен (3 лирических и одна плясовая) из рукописи Николая Александровича Добротворского, который некоторое время находился в ссылке в с. Слудка Орловского уезда Вятской губернии. По архивному штампу его рукопись датирована 12 ноября 1882 г. Одна плясовая песня из этой рукописи опубликована В. А. Поздеевым [7, с. 53].

В 1928-1929 гг. сбором материала в летской части района (с.с. Летка, Мутница, Слудка, Бебера, Черемуховка) занимался исследователь Коми края Сергей Алексеевич Попов ** [9]. Выявленные им тексты свадебных причитаний отличаются полнотой и представляют собой редкие записи, которые не фиксировались другими собирателями. Материал записывался сначала на карандаш, а затем переписывался чернилами с добавлением небольших комментариев. Некоторые тексты, таким образом, оказались продублированными. Всего в деле представлено 39 текстов причитаний на коми языке и один текст на русском языке. Такое количество причитаний не было выявлено ни одним фольклористом. В частности, Ф.В. Плесовский записал 13 причетных текстов в с. Читаево в 1960 г.; А.К. Микушев в 1963 г. в с.с. Занулье и Читаево зафиксировал 13 причитаний; Т.И. Жилина выявила в с. Летка в 1974 г. 8 текстов. Для сравнения можно привести также результаты экспедиции Ю.Г. Рочева в с. Летка в 1976 г.: «Мы не ставили своей целью подробное описание свадьбы, но вот причеты невесты, несмотря на наши усилия, записаны лишь фрагментарно» [10, л. 13].

К каждому тексту в материалах С.А. Попова имеются сведения о месте фиксации и данные об исполнителе (прозвище, данное человеку односельчанами). Так, среди информантов этого собирателя оказались следующие исполнительницы: Синтӧм Анна (букв. слепая Анна), Ӧлдӧк, Лад Иван пилӧн бабаыс (жена сына Лады Ивана), Ларивон пилӧн бабаыс (жена сына Ларивона), Ӧльӧшика гӧтыр (жена Алексея). В некоторых случаях С.А. Попов не указывает исполнительницу, отмечая лишь «записал от женщины на поле», жена моего К.М. (? – С.М.), от одной старухи. Сергей Алексеевич иногда приводит интересные сведения об исполнительницах: «Она известна, как хорошая плакальщица, но сама незамужняя,

* Биография М. С. Косарева и собранные им материалы подробно описаны в работе: [5]

** О биографии и исследовательской деятельности С. А. Попова см.: [8, с. 380].

очень религиозная. Боялась, что если она скажет все, я помешу в газету – поэтому она передала лишь очень небольшую часть» [9, л. 113].

Комментарии на русском и коми языках практически к каждому причитанию позволяют представить вписанность текстов в обряд. Так, в рукописи встречаем такие заметки: «Пасибö бöрдö невеста рöдыс ордас, ветлö веньчайтэдзыс корны пир вылас» («Спасибо») причитает невеста у своей родни, когда ходит до венца приглашать на свадьбу) [9, л. 123] и др.

Среди зафиксированных С.А. Поповым свадебных причитаний заслуживают внимания тексты, в которых невеста говорит «спасибо» и приглашает на свадебный пир дядю и тетю. Подобные причитания с мотивом благодарности родственникам были выявлены Т.И. Жилиной в с. Летка в 1975 г. [11, л. 248-250]. Отметим, что в лузской части района такие тексты не зафиксированы. Также С.А. Поповым записаны причитания, исполнявшиеся во время обряда невестинной бани: перед выходом в баню, у бани, благодарение топильщикам бани (сестре, крестной, отцу, подруге) после ее посещения. Кроме того, С.А. Попов выявил причитания с мотивами испрашивания невестой благословения перед отправлением к венцу, благословения родителей. Интерес представляют также тексты при расплетении косы, на каризне. Указание на контекст исполнения причитаний дает возможность представить свадебный обряд поэтапно.

Записанные С.А. Поповым свадебные причитания были использованы в монографии Ф.В. Плесовского «Свадьба народа коми» [12]. В своей работе он достаточно подробно рассмотрел поэтику летских причитаний. Так, исследователь отметил характерный зачин всех летских причитаний «Югыд луаной» (Светлый мой день), цепь риторических вопросов, адресованных невесте, существительные в притяжательной форме 1-го лица с окончанием «аной» [12, с. 222-223]. Кроме того, Ф.В. Плесовский высоко оценил художественные особенности летских причитаний – использование оригинальных сравнений и метафор, обобщающих формул. Как отмечает он в своей монографии, «благодаря обилию сравнений, метафор, причитания Летки обладают большой художественной яркостью» [12, с. 224].

В 1962 г. Ф.В. Плесовский выполнил детальное описание свадебного обряда в бассейнах рек Лузы и Летки. Материал, записанный фольклористом в с.с. Летка, Слудка и д. Березовка Гурьевского с/с, хранится в Национальном архиве Республики Коми [13, л. 84-94]. Здесь же содержатся тексты свадебных причитаний, опубликованные позже собирателем в его монографии [14, л. 6, 10-11, 16, 29, 31].

В 1966 г. этнографическую экспедицию в Прилузье совершили сотрудники Коми филиала АН СССР. В результате этой поездки были записаны сведения по старинной и современной свадьбе с.с. Мутница и Слудка [15, л. 53-58].

В 1971, 1972, 1974 гг. лингвистами ИЯЛИ Коми филиала АН СССР были проведены диалектологические экспедиции в Прилузский район. Полученный материал в основном представлен биографическими рассказами. В 1971 г. была проведена экспедиция Р. И. Косныревой в с. Прокопьевка [16]; в 1972 г. ею же собраны материалы в с.с. Гурьевка и Летка [17]. В результате этих поездок был зафиксирован этнографический материал по свадьбе. В 1974 г. в село Летка была совершена поездка Т.И. Жилиной, исследовательницы лузско-летского диалекта

коми языка [11]. Нужно отметить, что здесь ею зафиксированы тексты свадебных причитаний, которые очень редки или совсем отсутствуют в других полевых материалах (4 текста, имеется аудиозапись).

В 1976 г. экспедицию в с. Летка совершил Юрий Герасимович Рочев, сотрудник Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, она была проведена совместно со студенческой фольклорной практикой СыктГУ. Его записи в какой-то степени поколебали существовавшее мнение о бедности летской части района в плане фольклорного материала. Как отмечает Ю. Г. Рочев в научном отчете этой экспедиции, «до сих пор народное творчество Прилузского, в частности бывшего Летского района, оставалось как бы вне поля зрения коми фольклористики, а потому о нем имелись лишь отрывочные, довольно смутные представления. В этой связи похвальна инициатива СГУ, а именно кафедры коми языка и литературы, направившей студентов-практикантов именно в этот не сулящий казалось бы богатых трофеев район. В результате данной короткой, но весьма плодотворной экспедиции, можно теперь с уверенностью сказать, что на фольклористической карте республики заштриховано еще одно белое пятно, а именно в селе Летка и прилегающих к нему деревнях» [10, л. 4].

Зафиксированный Ю. Г. Рочевым материал предваряет достаточно подробный отчет о поездке, в котором фольклорист говорит о собранных текстах. За 9 дней пребывания в селе участниками этой экспедиции записано 347 фольклорных текстов различных жанров, в том числе 5 сказок, 32 лирические песни, одно похоронное и 3 свадебных причитания, 68 частушек, 51 быличка и бывальщина, 4 предания, 17 текстов детского фольклора, 44 единицы пословиц, поговорок и афоризмов. Кроме того, в деле представлены местный свадебный и похоронный обряды, старинные молодежные игры и увеселения, тексты гаданий, топонимика, народная терминология песенного исполнительства. Список информантов составляет 30 человек. Стоит отметить, что только небольшая часть собранного материала записана на магнитофонную ленту (около 5 часов звучания), в том числе песни, частушки, сказки, свадебный обряд, некоторые былички и побывальщины, наигрыши на балалайке.

В 1978 г. была проведена студенческая фольклорная экспедиция СыктГУ под руководством А. К. Микушева в с. Мутница и д. Талица Гурьевского с/с, материалы которой хранятся в Фольклорном архиве СыктГУ и представляют собой три аудиокатушки с краткой описью материалов, сделанных рукой А. К. Микушева (49 единиц записи) [18]. Коллекция состоит из образцов русской лирики (21 единица), трех свадебных причитаний на коми языке, одного похоронного причитания на коми языке, четырех русских хороводно-игровых песен, приуроченных к рождественским играм, частушек на коми и русском языках, комязычных приговоров. Песенные образцы включают записи ансамблевого и сольного исполнения.

Значимый вклад в изучение данной традиции внес любитель-краевед Петр Григорьевич Сухогозов*. В 1978-80 гг. он собирал сведения о прежней жизни в с.

* Характеристика собранных П.Г. Сухогозовым материалов представлена в исследовании: [4].

Прокопьевка, записывал воспоминания односельчан, рассказы о праздниках, свадьбе, похоронах, других обрядах и обычаях, песни. Собранный материал П.Г. Сухогузов передал в СыктГУ, в только что открывшуюся Проблемную научно-исследовательскую лабораторию фольклорно-археографических исследований (ПНИЛ ФАИ) доценту А.Н. Власову [19]. «Так в Фольклорном архиве СыктГУ коллекцией материалов <...> П.Г. Сухогузова было открыто Прилузское собрание и обозначился интерес к специальному изучению фольклорной культуры Прокопьевки» [4, с. 261].

Коллекцию П.Г. Сухогузова составляют рукописные материалы и аудиозаписи. Рукописные материалы представлены двумя частями. Первая часть (озаглавлена краеведом «Записи о Прокопьевке») – это сведения об истории села и близлежащих деревень, укладе жизни и семейных историях жителей Прокопьевки. Основной круг событий относится к переломной эпохе XX в. – гражданской войне, революции, коллективизации. Имеется много рассказов о тяготах жизни в Прокопьевке во время Великой Отечественной войны. Всего П.Г. Сухогузов приводит в «Записях о Прокопьевке» воспоминания почти 30-ти информантов 1902-1932 г.р. Во второй части («Село Прокопьевка. Обычаи, верования, суеверия, игры, праздники, лечения») П.Г. Сухогузовым приводятся преимущественно сведения фольклорно-этнографического характера. Здесь представлены воспоминания о местных праздниках, свадебном обряде, знахарстве, развлечениях молодежи, рассказы о мифологических существах и т.п. [4, с. 263].

Большую ценность представляют аудиоматериалы П.Г. Сухогузова. Это записи местного песенного репертуара, зафиксированного собирателем преимущественно от трех женских певческих коллективов разных деревень прокопьевского «куста». В целом в коллекции П.Г. Сухогузова представлено 70 единиц записи песенного фольклора (59 сюжетов: 34 лирических песни, 24 хороводных игровых, одна так называемая «географическая» песня – прозвища деревень). В этом смысле материалы П.Г. Сухогузова уникальны, поскольку ни одна из экспедиций не фиксировала данную песенную традицию в таком объеме [4, с. 263-264]. По замечанию А.Н. Власова, «получить материалы, снабженные научным паспортом и магнитофонными полевыми записями, случай достаточно редкий в фольклористической практике краеведов-любителей. И следует отдать должное пытливому характеру П.Г. Сухогузова» [2, л. 11].

В 1990 г. «по следам П.Г. Сухогузова» в с. Прокопьевка была осуществлена поездка сотрудника ПНИЛ ФАИ СыктГУ, студента-филолога А.В. Панюкова [20]. Цель поездки – продублировать сведения П. Г. Сухогузова, дополнить их, а главное, выявить возможные изменения, связанные с угасанием традиции. Но записать ансамблевое исполнение и восстановить песенный репертуар не удалось. В результате экспедиции собраны сведения об обрядовой традиции этого села, сделано несколько записей рождественских песен.

Фольклористическая экспедиционная работа СыктГУ в Прилузском районе была продолжена в 1990-х гг., тогда были сделаны записи в Прокопьевском и Мутницком с/с.

В 2006 г. (зимой и летом)* и 2007 г. (летом) были проведены фольклорно-диалектологические студенческие практики СыктГУ под руководством доцентов Е.А. Шевченко и Т.Н. Бунчук. В целом в ходе этих экспедиций был записан обширный материал по самым разным разделам традиционной народной культуры и фольклора. В отличие от других экспедиций, был охвачен весь кустан деревень: села Летка, Гурьевка, Слудка, Прокопьевка, Мутница, Черемуховка, д. Архиповка. Собранный материал достаточно многообразен: этнографические сведения, тексты игровых и лирических песен, детский фольклор, свадебный, похоронный обряд, частушки, демонологические рассказы, календарная обрядность, игры, гадания, свадебные причитания. Летняя диалектологическая экспедиция 2006 г. работала по программе Лингвистического атласа русских народных говоров с целью пополнить его лексикой, которая касалась таких разделов, как демонология, магия, колдовство, календарь, родильная, похоронная, свадебная, рекрутская обрядности, игры, танцы, народный этикет, христианство, названия животных, птиц и т.д. [22].

Совместная экспедиция фольклористов ИЯЛИ Коми НЦ и СыктГУ состоялась в с. Прокопьевка в 2006 г., цель которой – сделать качественные записи песенного репертуара села. Был записан ансамбль с. Прокопьевки, кроме того, собраны другие сведения по традиции деревень Прокопьевского с/с [23].

Таким образом, летская фольклорная традиция является одной из уникальных в плане сохранности и бытования материала. Среди наиболее репрезентативных жанров летской фольклорной традиции следует отметить русскоязычный песенный репертуар и свадебные причитания. Кроме того, богатые сведения имеются по свадебному и похоронному обрядам летских коми, которые легли в основу диссертационного исследования по этнографии [24, с. 101-146]. Запись фольклорного материала на Летке велась как фольклористами-профессионалами (ИЯЛИ Коми НЦ, СыктГУ), студентами СыктГУ, так и любителями-краеведами. В результате экспедиционной деятельности собирателей в период с середины XIX в. до наших дней накоплен обширный материал по фольклору, требующий систематизации и введения в широкий научный оборот.

1. Коми народные песни: в 3 т. / сост. А.К. Микушев, П.И. Чисталев. Сыктывкар, 1993. Т. 1. Вычегда и Сысола.

2. Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета (далее – ФА СыктГУ). Власов А.Н. О традиционной культуре с. Прокопьевка. Машинопись.

3. Савельева Г.С.: 1. Коми песенно-игровой фольклор праздничных молодежных собраний: дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2004; 2. Песенный фольклор с. Прокопьевка Прилузского района: механизмы консервации иноэтнической традиции // Рябининские чтения-2007: Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 382-385.

* Подробнее о проведении фольклорных экспедиций СыктГУ в Летскую и Слудскую с/а в 2006 г. см: [21, с. 505-506].

4. Канева Т.С. Краеведческие материалы П.Г. Сухогузова в контексте изучения фольклорной традиции села Прокопьевка Республики Коми // Славянская традиционная культура и современный мир. Личность в фольклоре: исполнитель, мастер, собиратель, исследователь: сборник научных статей. М., 2008. Вып. 11. С. 260-266.
5. Крашенинникова Ю. А. Обзор материалов вятского архива по традиционной культуре южных коми // Вятский родник: сборник материалов научно-практической конференции. Киров, 2007. Вып. 8. С. 55-59.
6. Государственный архив Кировской области. Ф. 170. Оп. 1. Д. 130.
7. Вятские песни из архива РГО, записанные Н. А. Добротворским / Предисловие, публикация и примечания В. А. Поздеева // Живая старина. 2010. № 1. С. 52-54.
8. Рассыхаев А.Н. Забытые собиратели фольклора коми (по материалам рукописей отдела фондов Национального музея РК) // Рябининские чтения-2007: Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 379-381.
9. Национальный музей Республики Коми, рукописный фонд (далее – НМРК). КП 12485. Попов С.А. Фольклор коми Летского района 1928-1929 гг. Сказки и народные песни.
10. Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН (далее – НА Коми НЦ). Ф. 5. Оп. 2. Д. 209а. Материалы фольклорной экспедиции в Летку Прилузского р-на. Сыктывкар, 1976.
11. НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 147. Жилина Т.И. Материалы диалектологической экспедиции 1974 года с.Летка, Прилузский р-н. Сыктывкар, 1974. Т. 2.
12. Плесовский Ф. В. Свадьба народа коми. Сыктывкар, 1968.
13. Национальный архив РК (далее – НА РК). Ф.Р-2309. Оп. 1. Д. 258. Материалы фольклорных экспедиций в Усть-Куломский, Корткеросский и Прилузский районы (Записи свадебного обряда. Черновики. На коми и русском языках).
14. НА РК. Ф. Р-2309. Оп. 1. Д. 154. Плесовский Ф.В. Свадебные причитания. Машинописный вариант главы для книги «История коми литературы». Сыктывкар, 1979. Т. 1. См.: [12, с. 170, 179, 181, 194, 250].
15. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 140. Научный отчет об этнографической экспедиции 1966 г. в Прилузский район Коми АССР, Кировскую область и Коми-Пермяцкий национальный округ Пермской области. Исполнители: Л.Н. Жеребцов, Ю.В. Гагарин, Л.С. Грибова, П.А. Куратов, Н.И. Дукарт. Сыктывкар, 1967.
16. НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 148. Коснырева Р.И. Материалы диалектологической экспедиции 1971 г. в с.Прокопьевка Прилузского р-на Коми АССР. Сыктывкар, 1971.
17. НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 149. Коснырева Р.И. Материалы диалектологической экспедиции 1972 г. в с.с. Гурьевка и Летка Прилузского р-на. Сыктывкар, 1972.
18. ФА СыктГУ АФ 1304-1306.
19. ФА СыктГУ АФ 13001-13005.
20. ФА СыктГУ АФ 1307-1314.
21. Канева Т.С., Филиппова В.В., Шевченко Е.А. Фольклорные экспедиции Сыктывкарского государственного университета (2000-е гг.) // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2008. Т. XXX. С. 502-509.
22. ФА СыктГУ АФ 13200-13226; 13227-257; 13265-13301.
23. ФА СыктГУ АФ 13258-13264.
24. Бойко Ю.И. Традиционная культура прилузских коми (конец XIX – первая половина XX вв.): дис. ... канд. истор. наук. Сыктывкар, 2011.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070

Е. А. Рыжова

К ВОПРОСУ О ЖУРНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКЕ КОМИ КРАЯ 20–30-х гг. XX в.

Статья представляет собой обзор журнальной периодики Коми края 20-30-х гг. XX в. В работе акцентируется внимание на жанрово-тематических и идеологических особенностях формирования изданий, тираже журналов, а также на кадровом составе редколлегии, куда входили виднейшие представители коми науки и культуры. Ставится вопрос о степени изученности темы и дальнейших перспективах научного исследования начального этапа формирования региональной периодики.

Ключевые слова: *периодические издания, характерные особенности периодических изданий, Республика Коми в 20-30-е годы XX века.*

This article is devoted to the problems of a shaping of the periodical magazines of the Komi region in 20-30 years of XX century. In this article speaks about the specific features of the periodical magazines in this period: the ideological tendency, the genres and the themes of the publications, the drawing, the personnel of editions from Komi writers and sciences.

The keywords: *periodical magazines, specific features of periodical magazines, Komi region in 20-30 years of XX century.*

История периодической печати в Коми крае начинается с 1917 г., и это связано с появлением первой газеты «Известия общества обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Усть-Сысольского уезда» [5, с. 8]. В годы Гражданской войны хозяйство Коми края оказалось разрушенным, крайне бедной и несовершенной оставалась полиграфическая база; не было необходимого оборудования для типографий, не хватало квалифицированных специалистов, что затормозило развитие периодической печати в регионе.

Региональная журнальная периодика 20-30-х гг. XX в. имеет свои определенные черты, обусловленные партийным и республиканским строительством Советского государства данного периода и с особенностями становления национальной республики. В 20-е гг. XX в. печатью руководила коммунистическая партия, которая «нацеливала редакции на ведение пропаганды о строительстве новой жизни организации героизма народа, перестройке в экономической и

культурной жизни края» [5, с. 8]. Выпуск газет и журналов в это время осуществлялся обкомом РКП (б) Коми края.

С 10 сентября 1922 г. начал выходить ежемесячный журнал «*Вестник коми (зырянского) областного комитета РКП (б)*» [5, с. 20]. Тираж издания был 700 экз. В 1922 г. вышло всего 4 номера, в 1923 г. – уже 9 номеров. Редактором журнала назначили Г. Старцева, со второго номера его сменил Е. Мейхель. В этом издании публиковались материалы по вопросам партийного и комсомольского строительства, кооперации, истории Коми края, а также художественные произведения.

С июня 1923 г. журнал сменил свое название на «*Известия коми (зырянского) областного комитета РКП (б)*» [5, с. 20]. Редколлегия в основном занималась перепечаткой материалов из центральной партийной прессы, продолжая публиковать материалы исторического характера. Художественные произведения в нем больше не издавались. Тираж журнала снизился до 500 экз., а в конце 1923 г. он перестал выходить.

В 20-е гг. XX в. областной Союз кооператоров осуществлял издание двух журналов, которые пришли на смену специализированной газете 1921-1922 гг. «Коми кооператор» [5, с. 10]. В 1923 г. он начал выпускать тиражом 500 экземпляров журнал «*Трудовая кооперация*» [5, с. 20-21]. Это было довольно крупное для того времени издание: с мая по октябрь 1923 г. вышло в свет пять номеров, а общий объем составил более 400 страниц. В журнале помещались статьи в первую очередь по организации работы кооперативов, по истории, науке и технике. Печатались также библиографические списки литературы по Коми краю и художественные произведения, преимущественно стихи. Часть материала публиковалась на коми языке. Еще один журнал Союза кооператоров – «*Жилищная кооперация*» – издавался в 1924 г., но просуществовал недолго [5, с. 21].

Для преподавателей школ и работников культуры с 1926 г. стал издаваться специальный организационно-методический журнал «*Коми просвещенец*» [5, с. 21-22]. Это был печатный орган Коми областного отдела народного образования. В состав редколлегии журнала входили Н. Шахов, А. Богданов, Д. Тимушев и др. Во вступительном разделе первого номера редакция отмечала, что, издавая педагогический журнал, она осознает все трудности, связанные с этим изданием, так как не имеет никакого опыта работы в периодическом печатном органе и средств для издания, однако подчеркивала: «...необходимость в своем печатном слове слишком велика, чтобы медлить с начинанием этого дела». Тираж издания был 1200 экз. В нем помещались методические разработки, программы уроков, опыт работы в школе, списки литературы по различным вопросам, инструкции по организации работы изб-читален, проведении бесед и лекций. Материалы в нем публиковались в основном на русском языке, однако художественные произведения издавались на коми. В 1928 г. в состав редколлегии журнала вошли В.А. Савин и Н. Цыпанов. С этого времени больше материалов стало посвящаться вопросам политпросветработы и организации библиотечного дела в области.

В 1930 г. журнал «Коми просвещенец» был переименован в «*Культура фронт*» («*Культурный фронт*») [5, с. 23]. В обновленном журнале на русском и коми языках публиковались материалы по организации политико-просветительной работы кружков, изб-читален, библиотек, учебных заведений. Тираж издания колебался от 400 до 2000 экз. в течение трех лет. В 1933 г. вышло всего пять номеров, и на этом «Культура фронт» прекратил свое существование.

С 1926 г. ведет свое начало журнал «*Ордым*» («*Трона*») [5, с. 22]. В первые годы своего существования «Ордым» назывался журналом коми народа. В нем печатались преимущественно статьи о кооперативах, перестройке в жизни крестьян, организации различных обществ и товариществ, публиковались также стихи и проза коми писателей. Руководство журналом осуществляли агитпроп обкома ВКП (б) и Коми ассоциация пролетарских писателей (КАПП). С 1929 г. этот журнал полностью стал литературным. В составе редколлегии журнала были В. Савин, Н. Оботуров, ответственным редактором с самого начала работал Н. Попов. Это был первый литературный журнал на коми языке, поэтому писатели получили возможность регулярно представлять на суд писателей свое творчество. Наряду с известными авторами В. Савиным, В. Чисталевым, М. Н. Лебедевым, В. И. Лыткиным, Е. Колеговым в журнале печатали свои произведения молодые коми писатели: И. Сажин, Я. Чупров, И. Симаков, Е. Шахов, Н. Фролов, И. Пыстин, Г. Федоров и др.

В 1931 г. журнал «Ордым» поменял свое название и стал называться «*Ударник*», что соответствовало духу того времени: журнал должен быть на переднем крае строительства новой жизни [5, с. 23]. Он стал не только литературно-художественным, но и общественно-политическим изданием. В нем продолжали публиковаться произведения разных жанров коми авторов (стихи, рассказы, фельетоны и очерки на самые злободневные темы); наряду с этим журнал дополнялся материалами Коми обкома ВКП (б).

К концу 20-х гг. назрела необходимость создания еще одного литературного журнала. В 1931 г. КАПП организовала выпуск нового литературно-художественного альманаха «*Вьль Войвыв*» («*Новый Север*») [5, с. 23]. В этом издании на коми языке публиковались стихи, поэмы, рассказы коми и коми-пермяцких и русских писателей. В 1931 г. было сделано 2 выпуска, в 1932 г. – 4, в 1933 г. – 2.

16 мая 1922 г. по инициативе А. Н. Грена, А. С. Сидорова и других ученых и краеведов возникло Общество изучения Коми края (ОИКК), вскоре ставшее «центром научно-исследовательской деятельности в Коми области» [1, с. 3]. Среди десяти членов-учредителей ОИКК были Я. Ф. Потапов (в 1921 г. – секретарь Коми ОК РКП (б)), преподаватели Института народного образования А. Н. Грен, А. С. Сидоров, сотрудник облстатбюро Н. А. Соснин, сотрудник отдела народного образования А. Ф. Богданов, Н. А. Шахов, М. А. Молодцова, А. А. Суханова, А. А. Айбабин. Перед Обществом ставились задачи собирания краеведческих материалов, организация музея, выставок, создание библиотеки, а в первую очередь – изучение Коми края в экономическом, культурном и бытовом отношениях [4, с. 11-13].

С 1922 г. литературной секцией ОИКК стал издаваться журнал «*Парма ёль*» («*Лесной ручеек*») [5, с. 20]. В предисловии к первому номеру редакция отметила, что сложилась следующая ситуация: художественные произведения на коми языке негде публиковать. Поэтому своей основной задачей редколлегия журнала видела ознакомление читателей как с новыми произведениями коми писателей, так и со статьями по литературе и фольклору. Первый номер вышел тиражом в 1000 экз., но был весьма небольшого объема – всего 8 страниц. Он состоял из стихов В. Савина, Н. Попова, М.Н. Лебедева, В.И. Лыткина, В. Чисталева. Редакция надеялась, что журнал станет популярным и займет свое место среди других периодических изданий. Однако в том же 1922 г. вся периодика была переведена на самокупаемость, что не способствовало развитию журнала: такой небольшой журнал не мог существовать только на средства от продажи издания. Через год вышел еще один номер журнала «*Парма ёль*», который оказался последним.

Позднее ОИКК начало издавать периодические краеведческие издания. Наиболее значимыми считаются журнал «*Коми му*» («*Зырянский край*»), выходящий в 1924-1929 гг. (№ 1-51), и журнал «*Записки Общества Изучения Коми Края*», публиковавшийся в 1928-1930 гг. (№ 1-5).

В 1924 г. Обществом изучения Коми края совместно с областным исполкомом Коми Автономной области стал издаваться журнал «*Коми му*» («*Зырянский край*») [5, с. 23]. Первым редактором журнала являлся И.М. Попов, горный инженер по профессии [7, с. 25-29]. В редколлегию входили писатель А.А. Маегов, Я.Ф. Потапов (замененный вскоре Д.А. Батиевым), А.С. Сидоров. Они редактировали основные разделы журнала. Потом в разное время редакторами «*Коми му*» были В.С. Клочков, С.С. Попов, И.И. Йоль, М.П. Минин, А.С. Иевлев, Н.А. Шахов [1, с. 7]. Это был экономико-краеведческий журнал. В предисловии к первому номеру редакция определяла назначение своего журнала следующим образом: настойчивое и всестороннее выявление и изучение материальной и духовной культуры края, а также перспективы его развития. В соответствии с поставленной задачей в журнале были следующие отделы: политико-экономический, хозяйственно-экономический, краеведческий, культурная жизнь края, литературный, сообщения с мест, обзор печати (экономических и краеведческих газет и журналов), хроника экономическая и краеведческая, известия о деятельности краеведческих организаций в областном центре и на местах, новости и успехи науки и техники, разные заметки, официальный и справочный отделы, критика и библиография, переписка с читателями и сотрудниками (почтовый ящик), объявления.

К работе в «*Коми му*» привлекались ученые, литераторы, ответственные работники области. Среди наиболее активных сотрудников журнала следует назвать краеведов А.А. Цембера и П. Доронина, создателя алфавита В.А. Молодцова, а также Д.А. Батиева, В.А. Налимова, А.А. Маегова. Все материалы в журнале, за исключением литературных, печатались на русском языке. Литературный отдел состоял из стихотворений, написанных на коми языке. На страницах

этого отдела встречаются фамилии В. Чисталева, Н. Шахова, В. Савина, В.И. Лыткина, М.Н. Лебедева.

Журнал издавался тиражом 1000 экз. в твердой и мягкой обложке, в зависимости от этого стоил 1 руб. 40 коп. или 70 коп. В первый год подписчиков было 760 человек. Тираж издания в 1926 г. доходил до 1200 экз. 40 экз. шло на обмен с другими изданиями и 100 экз. – для раздачи авторам, рабочим и крестьянам. Только 100 экз. было определено для розничной продажи. Известно, что журнал продавался и в книжном магазине в Ленинграде [6. С. 20].

С 1929 г. «Коми му» перестал быть краеведческим журналом и сосредоточился на общественно-политической информации. Кроме того, краеведов отстранили от участия в его издании. С января 1930 г. журнал стал выходить под другим названием – «*Ленин туйёд*» [1. С. 9]. В 1930 г. вышло 8 номеров этого политико-экономического журнала, тираж упал до 600 экз., а весной того же года он прекратил свое существование [5. С. 23].

Другим значимым краеведческим журналом, издаваемым ОИКК, являлись «*Записки Общества изучения Коми края*» [5. С. 22]. Ответственным редактором издания был А.Ф. Богданов, в редколлегию входили Д.А. Батиев, А.М. Мартюшев, Н.А. Соснин.

Публикации в журнале посвящены истории Коми края и коми народа, фольклору, коми литературе, этнографии, лингвистике, археологии. На эту тему писали известные деятели коми культуры Н.А. Богословский, В.И. Лыткин, А.М. Мартюшев, Ф. Чукичев, Г. Старцев, В.М. Подоров, А.А. Цембер, А.К. Сидоров, С.А. Попов, А.Н. Грен, Г. Шипунова и др. Основным жанром публикаций были статья и очерк, на страницах журнала встречаются также доклады, заметки и рецензии. В 1930 г. вышел в свет последний пятый номер журнала «Записки Общества изучения Коми края», а само Общество сочло невозможным продолжать работу и 21 мая 1931 г. объявило о своей самоликвидации [5. С. 22].

До сих пор не существует обобщающих исследовательских работ, посвященных начальному этапу становления региональной периодики.

Отдельные замечания об изданиях Общества изучения Коми края содержатся в ряде публикаций, рассказывающих о деятельности ОИКК в целом и о его ярких представителях [1, 2, 8, 9, 10, 11].

Одному из краеведческих изданий ОИКК – журналу «Коми му» – посвящены небольшие тезисы 1990 г. О. Лобановой и Л.П. Рощевской [6].

В 1995 г. была издана работа «Культурные связи русских и коми на Европейском Севере в XVII – начале XX вв.: методические указания по спецкурсу и роспись содержания журналов «Коми му» и «Записки изучения Коми края»» [3].

Обзор газетной и журнальной периодики Коми края XX в. периода представлен в единственной работе 1996 г. М.И. Ельсовой «Листая страницы газет и журналов (Методико-библиографические материалы по истории периодических изданий Республики Коми)» [4].

Думается, в настоящее время назрела необходимость более детального анализа периода становления коми журналистики, в частности, истории возникновения и развития региональных журналов, осмысления их жанрово-тематического своеобразия. Кроме того, очевидна необходимость современного научно-библиографического описания всех региональных изданий 20-30-х гг. XX в. и создания в связи с этим единого информационного ресурса. Весьма полезным может оказаться новейшее переиздание как журнальных публикаций конкретных авторов, так и отдельных номеров разных журналов данного времени, содержащих особо ценные с точки зрения истории культуры и литературы Коми края материалы.

1. Жеребцов И.Л., Мацук М.А., Рощевская Л.П. 75 лет Обществу изучения Коми края (Доклад на пленарном заседании научно-практической конференции, посвященной 75-летию Общества изучения Коми края, 85-летию Национального музея Республики Коми и 625-летию коми письменности. Сыктывкар, 14 мая 1997 г.). Сыктывкар, 1997.

2. Королев К.С. А.С. Сидоров – археолог // От краеведения к науке: материалы республиканской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения А.С. Сидорова и 80-летию Общества изучения Коми края (Сыктывкар, 10-11 октября 2001 г.). Сыктывкар, 2003. С. 42-45.

3. Культурные связи русских и коми на Европейском Севере в XVII – начале XX вв.: методические указания по спецкурсу и роспись содержания журналов «Коми му» и «Записки изучения Коми края» / сост. О.В. Орлова. Сыктывкар, 1995.

4. Кызьюров Л.А. Предыстория Общества изучения Коми края // От краеведения к науке : материалы республиканской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения А.С. Сидорова и 80-летию Общества изучения Коми края. С. 11-13.

5. Листая страницы газет и журналов (Методико-библиографические материалы по истории периодических изданий Республики Коми) / сост. М.И. Ельсова. Сыктывкар, 1996.

6. Лобанова О., Рощевская Л.П. Журнал «Коми му» // Вестник культуры Коми АССР. 1990. Вып. 1. С. 19-20.

7. Мальхина А.Г. Иван Попов – первый редактор журнала «Коми му» // От краеведения к науке : материалы республиканской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения А.С. Сидорова и 80-летию Общества изучения Коми края. С. 25-29.

8. Некрасова Г.А. Деятельность В.И. Лыткина в Обществе изучения Коми края // От краеведения к науке : материалы республиканской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения А.С. Сидорова и 80-летию Общества изучения Коми края. С. 21-25.

9. Рощевская Л.П. Деятельность Общества изучения Коми края в 1990 г. // Вестник культуры Коми АССР. 1991. № 4. С. 5-7.

10. Рощевская Л.П. Общество изучения Коми края // Изучение и преподавание историографии в высшей школе : сб. науч. тр. Сыктывкар, 1991. С. 107-112.

11. Цыпанов Е.А. О некоторых взглядах А.С. Сидорова на коми орфографию // От краеведения к науке : материалы республиканской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения А.С. Сидорова и 80-летию Общества изучения Коми края. С. 48-51.

**ОСВЕЩЕНИЕ АКЦИЙ «ЗА ЧЕСТНЫЕ ВЫБОРЫ»
В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ: НА МАТЕРИАЛЕ ПЕЧАТНЫХ
И СЕТЕВЫХ СМИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ**

В работе анализируются акции протеста «политической весны» 2011-1012 годов в Республике Коми как крупное медиа-событие. Рассматриваются проблемы объективно-го освещения этих акций в региональной прессе.

***Ключевые слова:** региональные СМИ, акции протеста, журналистская этика, освещение событий.*

The work describes Komi Republican mass-media's reflection of opposition's actions in the period of elections for President and Parliament.

***The keywords:** mass-media in region, social protests, journalist's ethics, events and news.*

В мировой практике медиасоциологии периоды выборов (президентских, парламентских, местных) традиционно используются как плодотворный материал для исследований взаимоотношений СМИ и общества, выявления их взаимовлияния, степени исполнения СМИ своей функции «четвертой власти» и т.д. В России в сжатые сроки с декабря 2011-го по март 2012-го гг. прошли выборы в Парламент и на пост главы государства, которые неизбежно сопровождались повышением политической активности масс-медиа и их аудитории, что само по себе представляет собой любопытный повод для медиа-анализа.

Задолго до самих выборов выявился раскол общества. Линией этого раскола стало предпочтение того или иного типа СМИ, к которым обращались получатели информации. Так, у зрителей центральных каналов (по некоторым оценкам, средний возраст телеаудитории в России сегодня составляет 40 лет) в основном мог сложиться положительный имидж правящей партии и ее главных представителей, у пользователей сети Интернет (по статистике, среди них преобладают образованные мужчины 30 лет из семей с доходами выше среднего) сложился альтернативный облик государственной власти, в котором преобладали негативные черты [2, с. 30]. Например, один из лидеров оппозиции А. Навальный остался практически неизвестным российским телезрителям, но был хорошо знаком пользователям всемирной паутины.

Период между выборами в Республике Коми, как и в других регионах, отличился частыми митингами, многие из которых стали достоянием федеральных

СМИ (например, анонимный, но профессионально сделанный интернет-ролик «Вы хотите революцию?») демонстрировал кадры, снятые на сыктывкарской акции «За честные выборы»; подробно осветили эти события многие новостные сайты, такие, как Gani.ru). Высокая активность местной оппозиции объяснялась тем, что в республике оказался высоким уровень нарушений процедуры голосования во время думских выборов, бурно обсуждавшихся блоггерским сообществом. Кроме того, в Сыктывкаре имел место факт официальной подачи заявления в прокуратуру от наблюдателя избирательной комиссии Анны Бобрецово́й, также широко освещавшийся прессой [сайт газеты «Красное знамя», публикация от 08 декабря 2011 г.]. Вместе с тем региональные власти, пытаясь снизить напряженность акций, фактически сделали все для того, чтобы создать им еще большую рекламу: благодаря блогам и социальным сетям большинство заинтересованных лиц могли практически в реальном времени наблюдать за тем, как в день митинга 10 декабря один из активистов оппозиции П. Сафронов был задержан полицией и отправлен на службу в армию (по всей видимости, незаконно: на момент написания статьи дело решается в суде).

Сами по себе акции протеста обладали большинством признаков «значимого события», которые были выявлены современными американскими учеными К. Джемисоном и К. Кэмпбеллом [4].

Во-первых, это наличие главного героя (или антигероя), персонажа, наличие которого позволяет зрительской аудитории идентифицироваться с ним, тем самым создавая возможность для более полного восприятия зачастую сложной и противоречивой информации. В нашем случае таковыми выступали известные правозащитники.

Кроме того, значимое событие должно быть наполнено драматизмом, борьбой интересов и даже насилием. Не имевший прецедентов в России разгон акции 10 декабря неизбежно возвел это событие в ранг значимых.

Следующей приметой значимого события является активное действие, нечто, приковывающее внимание аудитории. Как видно из уже приводившихся фактов, драматизм ситуации был предопределен конфликтом между оппозицией, настаивавшей на своем праве свободы собраний и высказываний, и властями, не давшими санкции на проведение акции 10 декабря и сделавшими все, чтобы отвлечь сыктывкарцев от мероприятия (бесплатная ледовая дискотека для студентов и т.п.).

Также значимому событию присущи новизна и высокая степень отклонения от общепринятых норм. Этот признак также был присущ описываемым событиям, поскольку столь серьезные меры для охраны правопорядка были предприняты в регионе впервые.

И наконец, значимое событие должно иметь возможную привязку к темам, которые в данный момент СМИ активно разрабатывают, т.е. к уже существующей повестке дня. В данном случае акции протеста были связаны с фактами фальсификации итогов выборов 4 декабря, которые в этот момент были самой

обсуждаемой темой в сетевых СМИ, а также с массовыми акциями, проходившими во многих городах страны.

Очевидно, что митинги «За честные выборы» должны были стать крупным медиа-событием, и действительно стали им. Кульминационным моментом явилось самое первое, по неясной причине не санкционированное властями собрание граждан на Театральной площади Сыктывкара. Оперативность региональных СМИ в освещении акции оказалась выше обычного: вечером 10 декабря свежие сводки с места каждые полчаса предлагало своим читателям информационное общество «Стенограф», сайт газеты «ПроГород» публиковал новости каждые 10-15 минут, портал «7x7» провел прямую видеотрансляцию, вызвавшую сотни откликов. Большинство газет, увидевших свет в ближайшие после 10 декабря дни, посвятили первые полосы именно митингу на Театральной площади. В результате аудитория могла познакомиться с широким спектром разнообразных обликов одного события. СМИ впервые сыграли решающую роль и в организации самих акций протеста: журналисты и редакторы изданий сами были активными участниками митингов, информация о них распространялась через сайты изданий, блоги и социальные сети.

Анализ этого многообразия информационных текстов позволяет выявить некоторые тенденции коммуникационных процессов в республиканской прессе. Первым делом обращают на себя внимание существенные различия между печатными и сетевыми вариантами публикаций. Более оперативные интернет-сообщения тяготели к краткости и вместе с тем к сенсационности заголовков: «В Сыктывкаре начались беспорядки. Митинг приобрел стихийный характер» [сообщение сайта «ПроГород» от 10 декабря о том, что несколько митингующих бросили снежками в рекламный щит с портретом Главы Республики В. Гайзера], «Митинг против фальсификации выборов разогнали грубой силой. Полицейские выполняют команду «хватай всех» [там же], «В Сыктывкаре «дерутся» митингующие (шок)» [«Стенограф» от 31 января 2012 года – сообщение о подготовке к новой, уже санкционированной, акции оппозиции].

Одновременно с этим можно отметить откровенную тенденциозность основной массы материалов. Очевидна закономерность: чем издание более независимо, тем больше сочувствия оно проявляло к участникам акции, а чем ближе к официальным структурам, тем больше стремилось подчеркнуть незаконность собраний и правомерность действий полиции. Но в любом случае попытки представить объективную картину были единичными.

В этом плане интересно освещение событий Агентством экономических новостей «Бизнес-новости Республики Коми» («БНК Коми»). Его учредитель – информационное агентство «Север-Медиа» – с 2005 по 2008 гг. возглавлялось П.О. Марущаком, который в дальнейшем стал работать в Администрации Главы Республики Коми и Правительства Республики Коми, а в настоящий момент работает начальником Управления информации Администрации Главы Республики Коми и Правительства Республики Коми, то есть агентство, по сути, представляет прправительственную позицию. Публикации «БНК Коми» подчеркнута сосре-

доточивались на негативной стороне происходящего, в заголовках нередко встречался прием иронии, выражение «нечестные выборы» употреблялось исключительно в кавычках: «Из-за несанкционированного митинга радикалов в Сыктывкаре отменен джазовый концерт» [«БНК Коми» от 10 декабря 2011 года], «Театральную площадь делят оппозиционеры» [там же, 12 декабря 2011 года], «Коммунисты призвали ради спасения России сходить налево» [там же, 21 января 2012 года]. Для сравнения: «Сторонников Путина в столице Коми не спугнул 25-градусный мороз» [там же, 4 февраля 2012 года]. Ирония постоянно присутствовала и в самих текстах сообщений о митингах: «На фоне остальных выступающих выделился председатель федерации туризма республики Геннадий Марковский – вместо лозунгов он подарил зрителям песню на коми языке о единстве «Аски», правда, сам петь не стал, а собрал вокруг себя еще не замерзших ораторов и патриотично постоял под фонограмму. Выступающие его поддержали и тоже петь не стали, возможно, просто не зная слов» [там же].

Данное СМИ дискредитировало идею народных собраний, настойчиво подчеркивая, что в них активно участвуют представители непопулярных у аудитории национал-патриотических сил: в большинстве заголовков упоминалась либо националистическая организация «Рубеж Севера», либо ее лидер Алексей Колегов, в то время как факт участия в тех же самых акциях членов Коми правозащитной комиссии «Мемориал» игнорировался: «Алексей Колегов призвал выйти на митинг против результатов выборов» [там же, 8 декабря 2011 года], «Националисты призвали власть объединиться с народом...» [там же, 17 декабря 2011 года], «Алексей Колегов призвал оппонентов забыть об идеологических спорах...» [там же, 22 декабря 2011 года], «Организатор митинга 24 декабря Алексей Колегов: «Дадим слово всем, кроме фальшивых оппозиционеров» [там же, 23 декабря 2011 года], «Очередной митинг оппозиции собрал порядка 50 участников, креативом отметились националисты» [там же, 26 февраля 2012 года]. Учитывая психологию аудитории, в силу исторической памяти настроенной против любых профашистских идей, информационное агентство использовало образ лидера местных националистов в качестве жупела, отпугивающего читателей от протестного движения.

Агентство пошло еще дальше, сообщив, что акции протеста 10 декабря организуют не только националисты, но и члены сыктывкарского ЛГБТ-сообщества (борцы за права сексуальных меньшинств). Если учесть, что на сайтах «Рубежа Севера» и ЛГБТ большая часть комментариев – это взаимные обвинения и даже угрозы физической расправы, материалы агентства выглядят провокационными, что отметили и читатели, комментировавшие их: «Сейчас все попытки реализации права на митинги и демонстрации будет подводить под одну гребенку – либо нацики, либо геи – тем самым давая народу понять, что не лезьте туда, а то с ними отождествлять будут». В действительности, в дальнейшем даже само «БНК Коми» ничего не сообщало о политической активности участников ЛГБТ-движения, информацию об этом невозможно найти и в других СМИ.

Надо добавить, что эти приемы в большой степени коррелировали с общероссийскими: официальные федеральные СМИ обратили внимание на рост оппозиционных настроений после массовых митингов в Москве в начале декабря. В одном из первых телесюжетов на эту тему канала «Россия-1» особо подчеркивалось, что «в акциях принимали участие не только представители либерального крыла, но и националисты, а в интернете нетрудно найти советы, как готовиться к дракам с полицией, что надеть, что взять с собой, как приготовить коктейль Молотова». Так в новостях об акциях протеста появился атрибут, который в них не использовался. Американский телеканал FoxNews по ошибке или злему умыслу включился в эту игру, в своем эфире выдав за картинку с митинга на Триумфальной видеозапись беспорядков в Греции, где «коктейль Молотова» действительно применялся. При этом всерьез о возможности использования этого радикального средства уличной борьбы говорили только государственные СМИ. То есть непопулярная у аудитории тема насилия, потенциально возможного в случае массовых протестных акций, точно так же использовалась в качестве способа манипуляции общественным сознанием.

Ирония постоянно присутствовала на страницах республиканских изданий в освещении акций протеста: «Антипутинцы спустили свой пар в уличный сход» [«Молодежь Севера» № 9 (7546) 9 марта 2012 г., авторский стиль сохранен], газета «Комсомольская правда» почти весь материал о митинге 10 декабря посвятила работе коммунальных служб, убравших снег на Театральной площади.

Между тем независимая пресса, освещавшая акции с позиции протестующих, в своих репортажах, как правило, уделяла минимальное внимание участию национал-патриотов и, по контрасту с «БНКоми», в фоторяде, сопровождавшем материалы, сознательно не допускала присутствия символики и лозунгов «Рубежа Севера». В случае с независимой газетой «Красное знамя» также отмечается присутствие иронии (уже на уровне заголовка), направленной на этот раз против действий властей: «Жители Сыктывкара получили урок демократии от власти» [«Красное знамя», № 163 от 13.12.1011, с. 2].

В большинстве официальных СМИ состав участников акций был слабо детализирован: в основном употреблялись слова «оппозиционеры», митингующие или даже «протестанты» (в газете «Молодежь Севера»). Нигде не упоминались лозунги, с которыми митинговавшие вышли на улицы (за одним исключением, когда «БНКоми» процитировало в ироничном контексте плакат неизвестной школьницы «Я 4 года не кушала кАтлеты, спасибо Путину за это»), а также главный символ оппозиции – белые ленты. В публикации «Комсомольской правды» вообще не прозвучало никаких определений собравшихся на Театральной площади за исключением самых обобщенных: «люди», «народ» и «толпа». Кроме того, уровень стереотипности в создании образа участников акций в официальных СМИ был намного выше: например, слово «коммунисты» обычно сочеталось с эпитетом «пожилые». В независимых изданиях звучали более четкие определения политической приверженности героев публикаций.

Все СМИ отразили тот факт, что республиканская оппозиция, несмотря на все призывы объединяться, остается раздробленной и внутренне противоречивой. Даже принятые совместно резолюции отражают пестроту и неконкретность требований оппозиционеров. Все участвующие в дискуссиях силы отличились взаимными обвинениями в «продажности» и «службе интересам США». Надо признать, что и сами идеи оппозиционных группировок отличались, судя по тем же публикациям, глубокими внутренними противоречиями. Например, само соседство националистов «Рубежа Севера» с коммунистами на одних трибунах выглядит парадоксальным, если учесть, что исторически социологи-основатели марксистского учения настаивали на естественном равенстве всех людей. К тому же политическая активность «Рубежа Севера», позиционирующего себя в качестве ультраправославного объединения, идет вразрез с официальным заявлением патриарха Кирилла: «истинно православные не ходят на митинги». Постмодернистская игра с фрагментами идей и лозунгов проявила себя в нарастающей театральности акций оппозиции: разные СМИ сообщали о том, как некие активисты в день выборов в Думу принесли в офис России картонный гроб с плюшевым мишкой, организованные одиночные пикеты граждан все чаще напоминают перформансы и флэшмобы. В этом случае региональные формы протеста вновь следуют за общероссийскими: в федеральных СМИ (преимущественно сетевых) самый широкий резонанс получила, например, информация о радикальных музыкально-политических перформансах московской феминистской панк-группы Pussy Riot, исполнявшей свои протестные композиции в таких публичных местах, как Красная площадь и Храм Христа Спасителя.

Можно утверждать, что официальные СМИ сознательно фальсифицировали итоги митинга 10 декабря, сообщив в официальном пресс-релизе МВД, что в акции участвовали 200 человек, из которых 11 было задержано, а порядок охраняли 400 сотрудников ОМОНа. Сразу бросаются в глаза некоторые несоответствия: во-первых, нелогичным выглядит, что число стражей порядка превышает количество митингующих вдвое (кроме того, в статье «Комсомольской правды» со ссылкой на полицию ранее называлась другая цифра – 600 человек), и, во-вторых, простой подсчет имен задержанных людей, упомянутых в публикациях различных СМИ, в том числе и близких к официальным, позволяет утверждать, что их было намного больше приведенной цифры. В эпоху сверхскоростных коммуникаций, превращающих каждого желающего в очевидца событий, подобные фальсификации скорее вредят репутации их инициаторов, чем укрепляют ее, что произошло и на этот раз. Почти все комментарии на интернет-страницах, где появлялись эти цифры, выражали недоверие к ним: «А когда на митинг придет 10 тыс. человек – где эти кретины 20 тыс. минтяр наберут?» [«БНКами» от 14 декабря 2011 года], «Единовременно было человек 600-700. Но одни уходили (холодно), а другие приходили. Так что – общее количество посетивших митинг около 1000. В Вологде на сайте горадминистрации культурно выложили отчет о митинге и видео. Вот что значит, когда не подделывают данные выборов, – тогда и не стыдно. А наши не знают, как ещё опозлить митинг. Народ был и всё ви-

дел» [сайт газеты «Красное знамя» от 12 декабря 2011 года], «200 митингующих. 400 полицейских. Так бояться? Или всё-таки митингующих было больше?» [сайт газеты «ProГород» от 12 декабря 2011 года], «реальное количество народу – более 1 000 человек. И задержанных не 11, а около 100, всех их развозили по разным участкам, даже в Лесозавод, только на Первомайской задержанных было более 20, поверьте очевидцу (я один из задержанных). Ну вам-то зачем прогибаться под власть и писать неправду?» [там же], «из статьи получается, что полицейских было в 2 раза больше, это бред» [там же; во всех случаях авторский стиль сохранен].

При всей противоречивости этого события республиканская пресса по большей части проигнорировала правило международной журналистской этики: в публикациях предоставлять голос нескольким конфликтующим сторонам. В большинстве источников отсутствовали комментарии экспертов или участников акций. Показательно, например, что в газете «Республика» под новостью о митинге присутствовали только комментарии от первых лиц государства: президента Д.И. Медведева и премьер-министра В.В. Путина, в которых они признавали возможность свободно высказываться, не нарушая закона, конституционным правом граждан. И только в двух газетах были представлены комментарии разных сторон конфликта: в «Красном знамени» (пресс-релиз МВД и мнение одного из митинговавших) и «ProГород» (мнение представителя республиканского отделения партии «Единая Россия» и участника КПК «Мемориал»).

Также обращает на себя внимание, что практически все материалы на тему социального противоречия, вылившегося в форму массовых уличных акций, были выполнены в жанре оперативной новости или репортажа, вполне ожидаемых аналитических и публицистических материалов явно не доставало. Очевидная недостаточность официальной информации при актуальности проблемы породила в аудитории потребность обратиться к альтернативным неформальным источникам, иначе говоря, к слухам. Слухи появляются и распространяются при совпадении двух главных условий. Во-первых, необходим интерес массовой аудитории к определенной проблеме, высокая актуальность этой проблемы, ее связь с жизненными потребностями людей. Во-вторых, обязательна неудовлетворенность такого интереса [1, с. 77-81]. Республиканские СМИ подтолкнули своих читателей к стихийному домысливанию масштабов событий, что вылилось в рост числа интернет-комментариев, которые по сути представляли собой пересказ слухов. Например, читатели сообщали о том, что для разгона митингов сотрудники ОМОНа готовили водометные установки, и т.п. Слухи всегда являются симптомом недоверия граждан к сообщениям центральных СМИ и имеют ряд вредных следствий, например они способны сеять панику, дестабилизировать обстановку, и на современном этапе развития технологий ущерб от замалчивания фактов в подобных случаях способен перевесить положительный с точки зрения властей эффект.

Акции протеста продолжают проходить в разных городах страны и в том числе в Республике Коми. Очевидно, что для местных СМИ они оказались но-

вым явлением, и не все работники прессы были готовы к освещению этих событий в соответствии с нормами мировой практики и общепринятой этики. Обострение противостояния и дальнейшее расслоение населения вполне возможно, и журналистам в своей работе необходимо учитывать, что прежние манипулятивные технологии, слишком очевидные для аудитории, вместо ожидаемого эффекта могут приводить к самым непредсказуемым последствиям. Поэтому в период конфликтов повышается социальная ответственность журналиста как человека, отвечающего за объективное и своевременное информирование аудитории о текущих событиях общественной жизни.

1. Дубин Б.В., Толстых А.В. Слухи как социально-психологический феномен // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 77-81.
2. Кудий Г.Н. Интернет, новые медиа и пресса // Журналист. Социальные коммуникации. 2011. № 3. С. 30-39.
3. Черных А. Мир современных медиа. М., 2007.
4. Jamieson K. H., Campbell K.K. The Interplay of influence: News, advertising, politics and the mass media. Belmont, CA, 1992.
5. <http://www.7x7-journal.ru>
6. <http://www.bnkomi.ru/>
7. <http://www.komikz.ru/>
8. <http://www.kp.ru/>
9. <http://www.progorod11.ru/>
10. <http://www.stenograf.ru/>

**СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТ «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА» И
«АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ»)**

В статье рассматриваются активные словообразовательные процессы в современной публицистике. Особое внимание уделено функции инноваций: неологические единицы реализуют творческую способность автора, выражают эмоциональную оценку происходящего.

Ключевые слова: *способы словообразования, словообразовательный тип, неология, окказионализм, речевое воздействие, стилистическая коннотация.*

The article considers the active word-formation processes in modern journalism. Special attention is paid to the features of innovation: neological units implement the creative ability of the author, express the emotional evaluation of what is happening.

The keywords: *methods of word formation, word-formation type, neology, occasionalism, voice effects, stylistic connotation.*

Современные средства массовой информации прочно вошли в повседневную жизнь человека и стали средством сильнейшего воздействия на сознание, общественное и индивидуальное. Исследователи языка публицистики, признавая важность для современной прессы таких традиционно выделяемых функций, как информационная и воздействующая [1], говорят о том, что на сегодняшний день функция убеждения в публицистике первична. Публицист прямо и открыто агитирует, убеждает, пропагандирует [2, с. 203], воздействуя на убеждения или поведение читателя, на его оценку тех или иных фактов [3, с. 64] через эмоциональное воздействие на читателя, в явной форме выражая свое отношение к сообщаемому [4, с. 110]. Современный человек живет в условиях постоянного речевого воздействия [5, с. 3], которое может быть манипулятивным, то есть скрыто воздействующим на сознание собеседника [6]. Манипулятивная функция, являющаяся, по мнению некоторых лингвистов [7, с. 46], основной в сфере печатных СМИ, «привлекает особое внимание исследователей в силу того, что ее использование в СМИ создает особый аудиовизуальный мир, воздействию которого вольно или невольно подвергается каждый из нас, что заставляет лингвистов серьезно ставить вопрос об ответственности средств массовой информации перед обществом» [8, с. 10].

Как считает Т.В. Чернышова, существенные изменения, особенно в сфере газетной коммуникации, претерпевает и функция информационная. Изменения в информативной функции современных газетных СМИ обусловлены тем, что на фоне «непечатных» СМИ, которым принадлежит приоритет первыми (со скоростью звука и света) информировать общество о событиях, происходящих как в России, так и за ее пределами, «прессе отводится особая роль – с учетом разнообразных критериев и установок интерпретировать произошедшее реальное событие, переводя его посредством речевых структур в факт вербальный и давая ему определенную оценку» [8, с. 15]. Таким образом, по мнению Т.В. Чернышовой, основной функцией текстов современных газетно-публицистических изданий является функция интерпретативная.

Обращенность публицистики к массовой аудитории и необходимость воздействия на нее влечет за собой поиск экспрессивных средств выражения, что позволяет использовать в полной мере словообразовательный потенциал русского языка и словотворческий потенциал журналистов. Ярким средством создания экспрессии являются окказиональные способы словопроизводства, которые, являясь «нарушителями» языкового стандарта, связаны с языковой игрой. Речевые инновации представляют постоянный интерес для лингвистов при выявлении направления развития системы языка, ее лексического и словообразовательного уровней. Как компонент газетного текста, новообразования «позволяют уловить общий социокультурный фон и отразить динамику общественного сознания через "языковой вкус эпохи"» [9].

Характеристика корпуса лексических новообразований (около 300 единиц), извлеченных методом сплошной выборки из информационных и аналитических публикаций двух периодических изданий – газет «Комсомольская правда» и «Аргументы и факты» (как центральных, так и региональных выпусков) за период с 2005 по 2011 гг., позволяет выявить наиболее распространенные словообразовательные типы неологических единиц и их стилистические функции в публицистическом тексте.

Образование имен существительных

1. В связи с тем что социальная действительность требует новых номинаций для происходящего, словообразование имен одерживает верх над глаголами. Наиболее распространенный способ словообразования существительных – **суффиксация** (102 единицы).

В качестве производящих активно используются имена собственные, выступающие как носители определенного круга ассоциаций, определенного качественно-характеризующего значения. «Имя собственное выступает при этом как выразитель какой-либо типической «идеи», как наименование характерного для лица признака» [10, с. 191]. Широко используются наименования лиц мужского пола со значением «сторонник кого-либо или чего-либо» с суффиксами **-ец-**, а в качестве базовых основ в словопроизводство активно вовлекаются фамилии современных политических и общественных деятелей – *путинец, зюгановец, жи-*

риновец, лимоновец: Мир отечественной культуры словно раскололся на «швидковцев» и «соколовцев» (КП 04.07.05). Таким образом, наблюдается тенденция к отображению явлений общественного характера, а в центре внимания находится не человек и его внутренний мир, а человек социальный, носитель идей, политический деятель. Как отмечает Е.А. Земская, производство нарицательных имен от собственных в последнее время является довольно активным. Суффикс **-ец-** используется при образовании агентивных существительных не только от имен собственных, но и от аббревиатур и сокращенных слов – *единороссовец, русоборец, элдэпээровец*. С помощью данного суффикса создаются прежде всего новообразования, негативно характеризующие лиц, представителей партий, общественных движений.

Активно функционирует суффикс **-щик-**, используемый для называния лица и несущий, как правило, отрицательную или ироническую окраску – *антимонопольщик, тусовщик: Поколение пиарщиков* (АиФ Коми. 19.08.2010) – система аффиксальных словообразовательных типов свободно перерабатывает заимствованные корни, образуя производные с русскими аффиксами. В сфере обозначения лица достаточно продуктивен также суффикс **-ник-**. Новообразования с данным суффиксом создаются прежде всего от основ-аббревиатур и имеют иронический оттенок – *ПТУшник, ЕГЭшник, НТВшник: ДПСник на дороге чувствует себя царём* (КП 22.03.11).

Большое распространение получили слова с суффиксом **-изациј(а)**, который употребляется для обозначения какого-либо социально значимого общественного процесса, чаще всего негативного: *Неуклюжая монетизация льгот* (АиФ 16.03.05). Явление монетизации вызвало резонанс в обществе, поэтому вместе с новым словом возникли его производные, выражающие отрицательную оценку или иронию: *Всерьёз рассматривался вопрос о том, чтобы уволить если не всё правительство разом, то хотя бы некоторых министров-«монетизаторов» вместе с самим премьером* (АиФ 06.04.05); *Скажите, кто придумал эту «монетизацию»? Кого лично за неё благодарить?»* (КП 20.01.05). По аналогии с монетизацией возникают и другие индивидуальные новообразования, которые носят шуточный характер: *Ходят слухи, что вслед за монетизацией чиновники, наконец, озаботятся планами унитазации и кранизации населения* (КП 17.02.05).

Высокопродуктивен суффикс **-ш-**, образующий производные со стилистически сниженной неодобрительной или иронической окраской – *миллиционерша, маклерша, киднеперша: На самом деле Татьяна Васильевна, что даже подчеркивают её враги, талантливая бизнесвуменша и деньги умеет делать* (КП 06.10.10).

Для обозначения лица по роду деятельности активно используются новообразования с суффиксом **-ер-** типа *пикапер: За такие оскорбления я бы и рэпера, и шмэпера нашел бы способ заставить пожалеть о собственном дне рождения* (КП 12.08.10).

Отрицательно оцениваемые социальные явления в газете обозначаются также с помощью новообразований с отвлечённой семантикой, образованных по-

средством суффикса **-щин-** от имен собственных (напр., *шариковщина*) – в частности, называющих политических деятелей, скомпрометировавших себя в глазах общества: *Лужкова нет, а лужковщина ещё осталась* (КП 21.10.10). Суффикс **-щин-**, соединяясь с названиями лиц, привносит отрицательную экспрессию, оттенок неодобрения, осуждения в значение «то, что свойственно, характерно для указанного лица» и характеризует идейные или политические течения.

Высокую сочетательную активность в настоящее время приобрёл заимствованный интернациональный элемент **-маниј(а)**, обозначающий сильное, почти болезненное влечение, пристрастие к чему-либо. Несмотря на то что данные новообразования образуются с помощью иноязычной корневой морфемы, мы относим их к образованиям на основе суффиксации, так как часть **-маниј(а)**, скорее, является суффиксоидом: *Apple-мания, мобиломания, жилеткомания*: *В Национальном заповеднике Китая началась панда-мания* (КП 05.02.10).

Приметой современных СМИ становится производство окказионализмов-существительных на базе основ жаргонного характера. Использование в качестве производящих основ жаргонного происхождения достигается стилистическая, оценочная и эмоциональная маркированность новообразований. Активное использование стилистически сниженных словообразовательных средств связано с тенденцией к демократизации современных деривационных процессов. «Законы аналогии, экономии речевых средств, законы противоречий, как правило, на уровне словообразования поддерживаются или стимулируются социальными причинами. Так, ускорение темпов жизни усиливает действие закона речевой экономии, а рост эмоциональной напряженности в жизни общества активизирует процессы образования эмоционально-экспрессивных типов словообразовательных моделей» [11, с. 131]. Е.И. Беглова утверждает, что такая жаргонизация публицистического текста может расцениваться как кризис в лексической системе русского национального языка [12, с. 174]. При этом преимущественно используются суффиксы, которые способствуют выражению грубости, пренебрежительности, ироничности: **-ух-, -л-, -ун-, -ёж-, -ак-(-як-)** – *блатняк, общак, тухляк, заказуха*. Характеризуя жаргонное словообразование, Е.А. Земская отмечает его высокую образность, нацеленность на передачу разного рода оценок, что приводит к преобладанию экспрессивной функции словообразования над номинативной: *Они называют его просто – «быдляк» и не скрывают, что готовят передачи для интеллектуального уровня ниже плитуса* (КП 31.08.05).

По мнению Ю.Н. Караулова, общий иронический, часто даже издевательский тон текстов, причем независимо от обсуждаемой темы, является негативной особенностью языка современных российских СМИ: «Этот фельетонный дух вместе с использованием раскованных, не отмеченных этической озабоченностью языковых средств, перешедших из нашей повседневной жизни, из устного бытования на страницы газет и эфир, очевидно, призван, по замыслу авторов, интимизировать общение с читателем-слушателем. <...> В итоге мы имеем дело с общим снижением культурно-речевого уровня использования языка в СМИ» [13].

Данные суффиксы образуют жаргонные единицы и на базе нейтральных производящих основ – *звездун, крупняк*. Кроме того, в русском языке появилась тенденция к «оглаголиванью», т.е. новые слова часто мотивируются глаголами – *замануха, болелы: Надо ли в Москве избавляться от «бомбил?»* (КП 25.02.11). Экспрессивность таких слов создается за счет экспрессивности аффикса. В результате слова, совмещающие значение процессуальности с номинативностью, приобретают различные эмоционально-оценочными оттенки – иронию, насмешку, пренебрежение и т.п. С.И. Сметанина, говоря о современном состоянии СМИ, обращает особое внимание на явление жаргонизации: «Суть приема интерстилевого тонирования состоит в использовании лексических единиц ограниченной сферы употребления как вариативных средств номинации для воспроизведения в медиатексте реальных ситуаций. <...> В результате описываемое получает в тексте содержательные добавки, свойственные менталитету этого посредника, а восприятие текста сопровождается различными эмоционально-оценочными оттенками значения (ирония, насмешка, удивление, пренебрежение и т.п.)» [1, с. 160-161].

Таким образом, одной из многочисленных групп современной лексики считаются агентивные существительные со значением лица, которым даётся характеристика со стороны профессиональной деятельности, рода занятий или качественная характеристика. Причины активной пополняемости этой группы исследователи современного русского языка видят в антропоцентрическом характере современного словообразования [14, с. 103].

2. Большое количество существительных образуется посредством **префиксации** (61 единица). Хотя префиксация как способ образования новых слов в количественном отношении уступает суффиксации, в последнее время в системе именного словообразования данный способ стал занимать заметное место.

Большое распространение получил префикс **анти-**, с помощью которого словообразовательная система реагирует на негативные явления в обществе: *анти-Facebook, Анти-iPhone, Анти-Барто, анти-гей, анти-катастрофа, анти-обжиратель, анти-майдан, анти-Оскар: Представителей движения «Анти-Собчак» категорически не устраивают выходы звезды, её моральный облик* (КП 12.09.08).

В современную эпоху смены прежних ценностных ориентиров, когда жизнь наполнена огромным количеством мнимых ценностей и ложных авторитетов, активно используются префиксы **псевдо-**, **квази-** со значением неистинности, фиктивности для обозначения общественно-политических явлений – *квазипартия, квазиналог: Росбрнадзор провёл проверку по результатам псевдо-ЕГЭ и, как обычно, наказал всех виновных* (КП 07.06.10). Особенностью данных экспрессивных префиксов является свободная сочетаемость с отвлеченным именем или именем лица.

Как средство номинации и оценки актуальных социальных реалий используются новообразования с префиксами **супер-**, **гипер-**, **ультра-**, указывающие на высокую степень качества, признака – *суперсоска, гиперреализм: Российский ультра-националист Вячеслав Дацук, сбежавший полтора месяца назад из психбольницы*

под Питером в Норвегию, наслаждается жизнью в тюрьме Осло (КП 12.11.10). По мнению Г. Майковской, увеличение частотности сложных слов с элементами архи-, супер-, гипер-, мега- создает впечатление «риторики острого конфликта» [15, с. 233], чему способствуют контрасты и резкие противопоставления.

В последнее время активизировался префикс *экс-* со значением «прежде бывший», «прежде существовавший» – *экс-супруга, экс-муж*, который, соответствуя динамике современной жизни и тенденции к экономии языковых средств, в сочетании с существительными может выражать иронию: *Экс-блестяшка знает, как привлечь к себе внимание – надеть обтягивающий наряд, розовую шляпку и отправиться к столику, за которым сидит Анфиса Чехова и Ева Польна* (АиФ 30.05.09).

Возрастает активность приставок, малопродуктивных в прошлом, с помощью которых создаются процессуальные существительные, именующие новые общественно-политические явления в жизни общества и научные понятия. Е.А. Земская в своих работах отмечает высокую частотность заимствованной приставки *де-*, которая «порождает наименования процессов уничтожения того, что составляло сущность прошлого» [14, с. 112], обозначает деструктивные тенденции современного общества и сочетается в основном с именами на *-изациј(а)* – *десталинизация, декриминализация: Деоккупация, деколонизация, дерусификация* – *разве не это же повторяет сегодня грузинская власть?* (КП 17.02.06).

Ярким экспрессивно-оценочным средством являются новообразования с аффиксоидами. Для негативной оценки денотата авторы часто используют префиксоид *лже-*: *лже-генерал, лже-дальнойщик: Палату оккупируют лже-трезвенники?* (АиФ Коми 19.08.10).

3. Достаточно много новообразований, образованных путём сложения, сложения и суффиксации (25 единиц).

Активно сложение основ или целых слов: *шизокапитализм, дуболомы, шаурма-шаттл, шкуродёрство, Главначпробка, ПОЛИТМУСОР, бабушкофон: Но Чубайс ушёл в НАНО, а всё его МЕГА очутилось в карманах вовремя оказавшихся при дележе энергопирога специально отобранных людей* (АиФ 12.01.2011). В русском словообразовании графически не адаптированными иноязычные элементы функционируют в составе сложных слов в виде одного из корней. На первом месте среди них заимствованные элементы *VIP, PR, USB: Вопрос на засыпку: какой длины будут очереди в VIP-филиалах Сбера и смогут ли состоятельные клиенты заплатить за коммуналку без комиссии?* (КП 07.06.10).

4. В современной публицистике активна аббревиация (23 единицы).

Создание аббревиатур – один из самых продуктивных способов компрессии многословных названий – *БАК* (Большой андронный коллайдер): *В столице действует аж 765 ОПОПов* (АиФ 04.05.2011). К особой разновидности жаргонной лексики в текстах СМИ можно отнести наименования лиц, образованных путём аббревиации. В тексте газеты такие номинации экспрессивны, способствуют выражению отношения автора к обозначаемому лицу, а иногда создают определённый подтекст. Аббревиатурные антропонимы в языке СМИ представляют собой

преимущественно двух- и трёхбуквенные образования, соответствующие имени, отчеству и фамилии обозначаемого лица. Среди них есть как буквенные – **Б.Г.** (Борис Гребенщиков), так и звуковые – **АБ** (А.Б. Пугачева). Аббревиатура позволяет маркировать прежде всего социально-политическую или культурную значимость лица: *А в среду стало известно о находке ещё одной многомиллионной «зачки» БАБа (КП 15.09.10); На БАБа пошла облава (КП 17.02.11)* – новое слово имеет резко отрицательную оценку, а иронический эффект усиливается, когда оно совпадает с уже известной лексемой. Возникает каламбурное столкновение в результате омонимии аббревиатуры с обычным словом. На общем фоне «демократизации» языка, преобладания «экспрессии» функциональная направленность аббревиации может рассматриваться прежде всего в аспекте словотворчества.

5. С действием закона речевой экономии связана активизация процессов **универбации**, в результате чего появляются слова разговорной окраски (20 единиц).

В сфере обозначения предметов лидируют имена существительные, образующиеся с помощью суффикса **-к-** на базе сочетаний существительное + прилагательное. В настоящее время этот способ словообразования приобрёл особую активность на страницах печатных СМИ – *железка (о военной технике), мобилка, нефтянка: Частные «деревяшки» и старые «панельки», солидные новостройки (КП 07.10.10)*. Универбация распространяется прежде всего на общественно важные в тот или иной период сочетания.

6. В сфере производства имен существительных действует **усечение** (17 единиц).

Многие номинативные единицы, созданные способом усечения основ существительных или прилагательных, являются выходцами из молодежных и профессиональных жаргонов – *сбер, цивил, бутер: По подсчетам самих букмекеров, по всему миру крушение голландцев, называвшихся главными соискателями золотых медалей Евро, принесло «букам» около 150 миллионов долларов» (КП 24.06.08); Полмиллиона НЕГРов по-прежнему продолжают жить в СССР (КП 10.05.06)* (от «не граждане», жители Латвии и Эстонии, не имеющие гражданства). Усечения могут сопровождаться суффиксацией: *Бешеные деньги, зарабатываемые на бесконтрольных «черкизонах» (КП 7.04.11)*. Данные стилистически сниженные дериваты создаются с установкой на выразительность, экспрессивность.

Образование имен прилагательных

1. В сфере образования имён прилагательных большую активность проявляет **префиксация** (31 единица).

Тенденция к интернационализации проявляется в активизации процессов именной префиксации с участием заимствованных префиксов [16]. При образовании прилагательных достаточно продуктивны префиксы **анти-** и **контр-**, отражающие противостояние социальных сил в современной России: *В вежливой форме было указано, что все три антипутинские пропагандные версии насчет 2008 г. серьезно не выглядят (КП 01.02.06); Под ником Сфинкс автор публиковался на окололитературных и контр-культурных сайтах (КП 17.07.07)*.

Как и в сфере образования существительных, достаточно продуктивны приставки **квази-** (квази-частный): *Чтоб хотя б на время забыть об этой пресловутой цивилизации и остаться наедине сам с собой, природой и натуральной экзотикой жизни людей, не избалованных излишествами и чрезмерными ожиданиями и уже потому счастливых так, как и не снилось квази-успешному и якобы благополучному европейцу или американцу* (КП 01.02.10) и **псевдо-** (псевдо-молодёжный): *В то время, как одни музыкальные телеканалы, медленно испуская дух, превращаются в одноклеточные псевдо-развлекательные теле-шоу для провинциальных домохозяек и прочих лежебок, канал «Первый Альтернативный» на свой 5-летний юбилей привозит в Москву одних из самых ярких представителей мировой независимой интеллектуальной музыки* (КП 27.09.10).

Частотны прилагательные с элементами **гипер-**: *Главное – пока лишь теоретическое – достоинство гиперскоростного двигателя, работающего по «принципу Фелбера» в том, что он позволил бы разгонять корабль до скорости, превышающей скорость самих частиц* (КП 16.10.09) и **ультра-**: *Стремление уменьшить размеры техники иногда явно преобладает над разумом. Именно это доказывает ультра-портативная мышь от Evergreen ультра-портативный* (КП 26.03.09).

2. Суффиксация (16 единиц).

В сфере образования имен прилагательных наибольшую активность проявляет суффикс **-ов-/-овск-**, который порождает множество производных от заимствований (*хакерский, шенгенский, брокерский, пиаровский*): *Теперь школьные успехи своего чада можно будет отслеживать через своеобразный онлайн-дневник* (КП 28.09.09); *Превосходство «оранжевой» (прозападной ющенко-тимошенко-вой) нации над «синей» (пророссийской Януковича) звучит сегодня в Киеве уже не только на митингах, например: «Мы культурная нация, мы будем петь наши песни, а они (палец в сторону «синих») пусть поют свой русский блатняк!»* (КП 13.04.07). Прилагательные образуются также с помощью суффикса **-ск-** на базе имён собственных: *Если людям придётся платить налоги исходя из рыночной стоимости жилья и дачных участков, то некогда консолидированное «путинское большинство» потеряет то единственное, что им досталось при дележе советского наследия* (АиФ 11.08.09).

Новые имена прилагательные образуются и от заимствованных основ с помощью суффиксов **-ирова-**: *Ранее МТС запустила продажи брендированных телефонов* (АиФ 25.11.10).

3. Сложение и суффиксация

Новообразования-прилагательные создаются также путём сложения основ слов и суффиксации. Путём сложения слова *нэп*, просторечной лексемы *рыло* и суффикса **-ов** образован окказионализм **нэпорыловый**: *«Лоснящиеся морды» и модная одежда выделяли «нэпорыловых» среди прочих советских граждан* (КП 07.04.11).

Образование глаголов

1. Суффиксация (29 единиц).

Производство глаголов менее активно, чем производство существительных и прилагательных. Однако в последнее время активизировалось образование глаголов от иноязычных основ с помощью суффиксов **-ова-/-ыва-, -и-, -ирова-**:

гуглить, брендировать, демпинговать, мониторить, фанатеть. Появляются новые глагольные единицы и от заимствованных аббревиатур: *Тимур Бекмамбетов признается, что у него зависимость от... мобильного. Созванивается с родными и коллегами, эсэмэсится* (КП 02.09.09). Тип отсубстантивных глаголов с суффиксом *-и-*, обозначающих разные виды отношения действия к предмету, названному производящей основой, также обнаруживает высокую продуктивность: *Наш местный царь и бог, Чичельник, второй год «кошмарит» местных предпринимателей. Все платят налог, причем, прогрессирующий* (КП 21.04.11).

Активность рассмотренных словообразовательных типов соответствует наиболее распространенным в современном русском языке способам словообразования – суффиксации, префиксации, сложению, аббревиации, универбации и усечению. Средства образования неологических единиц не являются абсолютно новыми, но создаваемые неологизмы способны выражать эмоциональную оценку сообщаемого и реализовать творческую способность индивидуума. В сфере имени существительного экспрессивность создается как за счет стилистически маркированных словообразовательных средств, которые присоединяются к нейтральным основам, так и с помощью нейтральных аффиксов, присоединяемых к экспрессивным (чаще всего стилистически сниженным, жаргонным) основам. Экспрессивность в словообразовании глагола создается прежде всего за счет употребления стилистически маркированных корней, а не за счет аффиксов.

На основе анализа структуры новообразований можно заключить, что словообразовательная система русского языка реагирует на актуальные процессы, происходящие в современном российском обществе, а продуктивность тех или иных словообразовательных типов зависит от политических, социально-экономических и культурных факторов. Среди особенностей словотворчества в современной публицистике следует выделить увлечение языковой игрой, резкое увеличение словообразования на основе английских заимствований, а также дериватов на базе маркированных (жаргонных, просторечных, разговорных) лексем. Последнее может быть связано со стремлением уйти от стандарта, имитировать живую разговорную речь, создать непринужденный тон общения, а также дать оценку описываемых событий, выразить авторское отношение к высказываемому. Использование экспрессивных, часто грубых и жаргонных слов с преобладанием негативной оценочности является также проявлением речевой агрессии на страницах СМИ [17]. Деривация от социально значимых имен эпохи свидетельствует об усилении роли личности в обществе.

1. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб.: Изд-ва В.А. Михайлова, 2002. 382 с.

2. Солганик Г.Я. Стилистика текста: Учеб. пособие. М.: Флинта, наука, 1997. 256 с.

3. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы). М.: Наука, 1977. 168 с.

4. Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М.: Высшая школа, 1982. 224 с.

5. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М.: Наука, 1990.

6. Сковородников А.П. Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Науч.-методич. бюллетень. Вып. 2. Красноярск – Ачинск, 1997. С. 10-14.
7. Гудков Д.Б. Функционирование прецедентных феноменов в публицистическом дискурсе российских СМИ // Политический дискурс в России-4: материалы рабочего совещания, 22 апреля 2000 г. М.: Диалог-МГУ, 2000.
8. Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 296 с.
9. Намитокова Р. Ю., Нефляшева И. А. Окказиональное слово на газетной полосе: механизмы экспрессивности // Электронная версия статьи: Намитокова Р. Ю., Нефляшева И. А. Окказиональное слово на газетной полосе: механизмы экспрессивности // Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность»: сборник тезисов. М., 2001. URL: http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/files/lex_fraz.doc
10. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003. 304 с.
11. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. 238 с.
12. Беглова Е.И. Омонимия узуальной и жаргонной лексики как проблема смысловой интерпретации текста: (на материале яз. газет) // Слово в словаре и дискурсе: сб. ст. к 50-летию Харви Вальтера. М., 2006. С. 172-177.
13. Караулов Ю.Н. Культура речи и языковая критика. URL: <http://www.gramota.ru/rlefir.html?p6.htm>
14. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца 20 столетия (1985-1995). М.: Наука, 1996.
15. Majkowska G. O języku mediow // Dziennikarstwo i swiat mediow. Wyd.3, zmien.i rozszerz. Krakow, 2004. S. 232-243. Цит. по: Кульпина В.Г. Особенности категоризации языка СМИ медиаспециалистами и лингвистами // Язык средств массовой информации: сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; отв. ред. Н.Н. Трошина. М., 2007. С. 45.
16. Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации как отражение социальных изменений в современной России // Электронная версия статьи: Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации как отражение социальных изменений в современной России // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов. М.: Изд-во МГУ, 2010. URL: <http://www.philol.msu.ru/~slavmir2009/data/4.pdf>
17. Басовская Е.Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации // Электронная версия статьи: Басовская Е.Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации // Критика и семиотика. Вып. 7. Новосибирск: НГУ, 2004. С. 257-263. URL <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs7content.htm>

К ВОПРОСУ О ГАЗЕТНЫХ ИЗДАНИЯХ В УСТЬ-СЫСОЛЬСКЕ В XIX В.

В статье проведен анализ состава фонда Усть-Сысольской общественной библиотеки в аспекте газетных изданий, бытовавших в городе Усть-Сысольске Вологодской губернии в XIX в.

Ключевые слова: *периодические издания, газеты, публичная библиотека, библиотечный фонд, культура Коми края XIX в.*

Newspaper editions in the city of Ust-Sysolsk of the Vologda region in the XIX-th century are presented on the basis of the Ust-Sysolsk public library's fund structure analyses.

The keywords: *periodicals, newspapers, public library, library's fund, culture of the Komi region in the XIX-th century.*

Усть-Сысольск, получивший в 1780 г. статус уездного административного центра, был небольшим городком, находящимся в 1400 верстах от Петербурга, в 1300 – от Москвы и 876 ½ – от Вологды [16]. В «Годовом отчете за 1839 год о состоянии г. Усть-Сысольска» указывается, что в городе имелось 9 немощеных улиц и переулков, 3 немощеных площади, 3 каменных и 1 деревянная церковь, 4 каменных и 578 деревянных дома [7. Л. 25-25 об.]. Число городских жителей достигало 3126 человек. Чиновников насчитывалось 45 человек, купцов – 10 человек, различными ремеслами занимались 14 устьсысольцев [7. Л. 27 об.]. Основную массу жителей составляли мещане (более ¾ всего городского населения). Многие из них занимались звериным, птичьим и рыбным промыслами, но в незначительном количестве, в основном для удовлетворения собственных потребностей. Главным занятием усть-сысольских жителей вплоть до начала XX в. было хлебопашество [6. Л. 2; 3. Л. 3; 13. Л. 208]. К концу 1863 г. общее число жителей Усть-Сысольска составляло уже 3414 человек. Сведения об уровне грамотности населения содержатся в материалах однодневной переписи, проведенной 21 марта 1863 г., которая показала, что 59 человек из числа жителей Усть-Сысольска получили образование в высших и средних учебных заведениях; 127 человек окончили или продолжали учиться в училищах; еще 482 человека умели читать и писать [34, с. 140]. Таким был круг потенциальных читателей периодических изданий в Усть-Сысольске в XIX в.

Сведения о получаемых в Усть-Сысольске в 1850-е – 1860-е гг. газетах и журналах можно найти в публикациях губернской и российской печати этого

периода [1; 12; 32; 34]. Еще одним ранее широко не привлекавшимся источником информации о периодических изданиях, бытовавших на территории Усть-Сысольска в XIX в., является фонд Усть-Сысольской общественной библиотеки, основанной в 1837 г. Услугами первой и единственной в XIX в. публичной библиотеки Коми края могли пользоваться не только все жители города, но и проживающие в уезде крестьяне, церковнослужители, выезжающие в уезд чиновники [14. Л. 1 об.]. Число подписчиков составляло от 24 до 57 человек [23. Л. 48; 20. С. 54]. Самой читающей группой являлись дворяне и чиновники, правом стать читателем библиотеки также пользовались мещане, духовенство, разночинцы, крестьяне и купцы [14. Л. 2-2 об., 11 об.]. Согласно выявленным нами в Российском государственном историческом архиве «Правилам для общественной библиотеки в городе Усть-Сысольске Вологодской губернии», утвержденным 23 марта 1850 г., предполагалось при наличии средств выписывать один или несколько журналов. Потребность в оперативной информации о событиях внутренней и внешней политики России должна была удовлетворить подписка на одну из разрешенных правительством газет [22. Л. 8-8 об.]. В результате, согласно сохранившимся архивным документам Усть-Сысольской общественной библиотеки, периодика составляла более трети ее фонда (более 1 тыс. ед. хр.). Поскольку на периодические издания приходилось около половины всех читательских запросов, то периодика играла важную роль в деятельности библиотеки [4. Л. 12-12 об.; 5. Л. 8-8 об.]. В ежегодных отчетах библиотеки неоднократно указывалось, что, не имея финансовой возможности выписывать большое количество газет и журналов, она регулярно пополняла эту часть фонда благодаря пожертвованиям [14. Л. 2, 11]. Этот факт оказал самое непосредственное влияние на состав фонда периодики, частью которого является газетный фонд библиотеки.

В библиотечном фонде усть-сысольской публички имелись три официальные газеты – «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости» и «Северная почта».

«Санкт-Петербургские ведомости» (СПб., 1728-1917) официально имели статус газеты Академии наук, фактически являлись правительственным изданием, то есть отражали политическую и идеологическую позицию правительства [9, с. 33]. В них печаталась иностранная и внутренняя хроника, объявления о подрядах, продажах, покупках, сообщения о театральные постановках и вышедших книгах. Во второй половине 1850-х гг. в библиотеку поступили номера газеты за 1799 г., а в 1866 г. в фонде появились комплекты за 1859 и 1860 гг. [18. Л. 14; 14. Л. 17 об.]. В фонде Национального архива Республики Коми хранится подшивка газеты «Санкт-Петербургские ведомости» за май-август 1799 г., имеющая на внутренней стороне верхней крышки переплета бумажный ярлык Усть-Сысольской общественной библиотеки с номером 2102, на основе которого и установлено время поступления газеты в библиотеку. Е. А. Нестеров не исключает того варианта, что данный комплект «Ведомостей» мог быть привезен в город в первой половине XIX в. как букинистическое издание. Однако гораздо более вероятным он считает тот факт, что газета выписывалась непосредственно в

уездный Усть-Сысольск [15, с. 59]. Нам кажется это более вероятным. Подтверждением тому служат сведения о наличии в библиотечном фонде других газет этого периода – комплектов газеты «Московские ведомости», выходивших на рубеже XVIII-XIX столетий.

«Московские ведомости» (М., 1756-1917), носившие официальный характер, наиболее многочисленны в фонде Усть-Сысольской общественной библиотеки. Судя по всему, эта газета поступала в Усть-Сысольск достаточно регулярно. Сохранились сведения о наличии в библиотечном фонде годовых комплектов за 1796, 1805-1806, 1811, 1818, 1827-1828, 1865-1872 гг. Сами газеты на сегодняшний день не выявлены, мы основываемся на сведениях ежегодных отчетов библиотеки, найденных нами в Российском государственном историческом архиве, а также на выписке из Каталога Усть-Сысольской библиотеки по отделам, хранящейся сегодня в Российской национальной библиотеке [14. Л. 5, 8, 13 об., 18 об.; 18. Л. 14 об.; 25. Л. 170 об.; 26. Л. 5 об. – 6; 27. Л. 167; 28. Л. 10 об.].

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что комплекты газеты за 1796, 1805-1806, 1811, 1827-1828 гг. появились в библиотечном фонде ориентировочно в самом конце 1830-х или в 1840-е гг., то есть представляли для читателей библиотеки в большей степени интерес исторический. А вот уже в 1865-1872 гг. в библиотеку поступали текущие номера газеты и ее воскресного приложения под названием «Современная летопись» [14. Л. 5, 8, 13 об., 18 об.; 25. Л. 170 об.; 26. Л. 6; 27. Л. 167; 28. Л. 10 об.]. Это был период, когда редактором «Московских ведомостей» вторично стал М.Н. Катков (впервые 1850-1855), с чьим приходом тираж газеты поднялся с 6 тыс. в 1862 г. до 12 тыс. в 1865-1866 гг. [19. С. 45]. Современники отмечают, что в начале 1860-х гг. М. Н. Катков действительно «владел умами и сердцами многих. Никто лучше его не выражал то, что чувствовали мы все... Получение каждого номера «Московских ведомостей» было событием, и передовые статьи читались нарасхват». [8, с. 475] Таким образом, все имевшие место тенденции в развитии общественной и духовной жизни российского общества этого времени достаточно оперативно становились известны и в «самой отдаленной глуши Вологодской губернии», как тогда называли Усть-Сысольск.

Еще одно официальное издание начала XIX в., также пожертвованное в фонд библиотеки в первые годы ее деятельности, – *«Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета»* (СПб., 1809-1819) за 1813 г. Эта газета издавалась при Почтовом департаменте Министерства внутренних дел. «Северная почта» выходила два раза в неделю, годовая подписная цена на нее (с пересылкой) составляла 15 руб. ассигнациями. Правительство предпринимало энергичные меры для распространения «Северной почты» в провинции. Специальный рескрипт Министерства внутренних дел предписывал губернаторам, предводителям дворянства, земским исправникам и городничим привлекать официальных лиц к подписке и участию в газете и самим сообщать в редакцию о важнейших местных событиях. Пропаганда технических новшеств и обилие торгово-промышленной информации отражали правительственный курс на развитие эко-

номики и имели целью укрепление союза монархии с нарождающейся буржуазией. Число подписчиков на «Северную почту», по сообщениям редакции, составляло в среднем 2-3 тыс., а в 1813 г., когда среди иностранных известий в «Северной почте» преобладали сообщения о ходе военных действий против армии Наполеона, достигло рекордной цифры – 5418 [33, с. 12]. Остается неизвестным, кто именно пожертвовал в усть-сысольскую публичку комплект газеты за 1813 г. Установлено лишь, что он стал в фонде периодических изданий одним из первых, поскольку был записан в каталоге библиотеки по отделу периодических изданий под № 6 [18. Л. 13 об.].

Изменения, происходившие во всех областях жизни в связи с реформами 60-70-х гг. XIX в., диктовали выдвижение газеты на первый план. Учитывая растущее влияние российской газетной прессы во второй половине XIX в. на общественное мнение, расширение круга читателей, спрос на оперативную информацию универсального характера, интерес читателя к политическим вопросам, подписка на газеты заняла важное место в формировании фонда Усть-Сысольской общественной библиотеки. В отличие от первой половины XIX в., когда периодические издания поступали в фонд в основном посредством пожертвований, в 1860-х гг. библиотека пыталась изыскивать средства для обеспечения своих подписчиков свежими номерами газет.

В 1860 г. была оформлена подписка на умеренно-либеральную еженедельную газету *«Наше время»* (М., 1860-1863), редактором которой являлся Н.Ф. Павлов [24. Л. 5]. Этот факт достаточно необычен для формирования фонда библиотеки, которая из-за постоянного недостатка средств самостоятельно выписывала газеты очень редко. Так, уже в 1865 г. на страницах журнала *«Живописная Россия»* появились сведения о том, что в ответ на обращение Усть-Сысольской общественной библиотеки, «просившей, по ограниченности своих финансовых средств, о бесплатной высылке редактируемых ими газет и журналов, некоторые редакции приняли на себя обязательство высылать свои издания библиотеке бесплатно» [21, с. 181]. Именно так в библиотеке появилась славянофильская газета *«День»* (М., 1861-1865), редактируемая и издаваемая И. С. Аксаковым. Несмотря на некоторую оппозиционность по отношению к правительству, свойственную славянофилам, – требование свободы печати, отмены смертной казни и др. – *«День»* смыкался с реакционной печатью в оценке основных событий русской жизни. Это привело к тому, что популярная ранее в среде читателей газета (в 1862 г. ее тираж превышал 7000 экземпляров) к концу 1865 г., когда она и поступила в Усть-Сысольск, прекратила свое существование – была закрыта издателем [31, с. 413-414].

В том же 1865 г. библиотека получила комплект газеты *«Русский листок»* (СПб., 1862-1863) за первое полугодие 1863 г. [14. Л. 6]. В газете много места отводилось сообщениям об «успехах и ходе крестьянского дела», о благах гласного судопроизводства, об отмене винных откупов и т.д.

В 1866-1868 гг. в фонде библиотеки регулярно появлялись текущие выпуски газеты *«Русские ведомости»* (М., 1863-1918), издателем-редактором которой в

этот период был Н.С. Скворцов [14. Л. 10, 14, 19 об.]. При нем газета стала органом либеральных помещиков и буржуазии. Издатели газеты «Русские ведомости» считали необходимым ограничение русского самодержавия введением конституции, большое внимание в ней уделялось крестьянскому вопросу.

В 1866-1868 гг. в фонд библиотеки была передана газета *«Сын отечества»* (СПб., 1862-1901) А.В. Старчевского, положившая в России начало прессе для среднего сословия. Годовые комплекты газеты появлялись в библиотеке с опозданием в один календарный год – в фонд последовательно поступили выпуски за 1865, 1866 и 1867 гг. [14. Л. 3 об., 4, 12]. Это была массовая газета, рассчитанная на так называемый «недостаточный класс»: она отличалась низкой ценой, большой информативностью, занимательностью, общедоступностью, простотой языка и другими чертами, делавшими ее привлекательной для широкого круга читателей. С 1862 г., когда А.В. Старчевский преобразовал еженедельный журнал «Сын отечества» в ежедневную дешевую газету для «среднего сословия», газета представляла собой издание, адресованное массовому читателю, с подписной ценой 6 рублей в год (с пересылкой). Газета делалась по типу дайджеста, за исключением воскресных номеров, в которых значительное место отводилось беллетристике и иллюстрациям. Не случайно в 1865 г. газета «Сын отечества» занимала в России второе место по популярности среди столичной прессы, уступая лишь «Правительственному вестнику».

Еще одной газетой в фонде библиотеки, рассчитанной на городское мещанство, являлась еженедельная *«Иллюстрированная газета»* (СПб., 1863-1873). Предназначавшаяся для семейного чтения, она публиковала рассказы о путешествиях, описания памятников искусства, биографии художников, исторических лиц и современных политических деятелей, этнографические статьи и т.п. Кроме того, в газете помещались популярные внутренние и внешние политические обзоры. В 1874 г. в библиотеку поступил неполный комплект газеты за 1872 г. [29. Л. 29 об.].

В каталоге поступлений за 1869 г. зафиксировано появление в библиотечном фонде политической, промышленной и литературной газеты *«Северная пчела»* (СПб., 1869-1870), редактором-издателем которой также был А. В. Старчевский [25. Л. 170 об.]. Подписчикам усть-сысольской публички стали доступны текущие правительственные распоряжения, внутренние известия и иностранная хроника, театральная летопись за 1869 г. Значительное место в издании отводилось биржевой, торговой и судебной хронике. Также в газете помещалась «антинигилистическая» и нравоучительная беллетристика. В библиотеку поступил комплект газеты за 1869 г.

В 1868 г. в Усть-Сысольскую библиотеку были переданы годовые комплекты ежедневной газеты *«Биржевые ведомости»* за 1863-1866 гг. [14. Л. 12 об.]. Эта полуофициальная политическая, экономическая и литературная газета, выходившая в Санкт-Петербурге в 1861-1879 гг. на средства крупного финансиста К.В. Трубникова, считалась одним из наиболее интересных изданий. Она занимала промежуточное положение между универсальными и отраслевыми газета-

ми: официальная ее часть была органом ведомства почты и телеграфа и имела обязательных подписчиков, неофициальная – частным изданием с ведущим экономическим аспектом. Фактически она была первой буржуазной газетой в России, все материалы которой были проникнуты духом предпринимательства. В 1869 г. библиотеке было также пожертвовано 7 из 9 вышедших книг «Учено-литературных прибавлений к “Биржевым ведомостям”» (СПб., 1866) [25. Л. 170 об.]. Этот журнал придерживался буржуазно-либерального направления «Биржевых ведомостей». Читателю предлагались статьи о международных политических событиях, беллетристика (главным образом переводная), политико-экономические статьи, сведения о годовом государственном бюджете России, хроника производственных открытий и усовершенствований, статьи по истории техники, о происхождении рас и пр.

В фонде Усть-Сысольской общественной библиотеки находились и другие газеты подобной тематики. В 1869 г. в ежегодном каталоге поступлений зафиксировано появление в библиотечном фонде издания *«Содействие русской торговле и промышленности»* за 1868 г. (с 1 июня 1868 г. преобразовано в газету «Деятельность») [14. Л. 15 об.]. В нем публиковались правительственные распоряжения по вопросам промышленности и торговли, официальные, биржевые и рыночные телеграммы, обзоры технических изобретений и усовершенствований, сведения о промышленности, сельском хозяйстве, торговле, железнодорожном деле, сообщения о деятельности экономических обществ, земских собраний и частных компаний, судебная хроника, библиография экономической литературы и объявления.

Следует предположить, что появление в фонде газет торгово-экономической направленности связано с той активной ролью, которую играли в деятельности библиотеки купцы, в частности ее член-учредитель М.Н. Латкин.

Конечно, нельзя представить газетный фонд Усть-Сысольской общественной библиотеки без единственного губернского печатного органа – *«Вологодских губернских ведомостей»* (Вологда, 1838-1917). В официальной части «Вологодских губернских ведомостей» печатались указы и распоряжения губернского правления, в том числе о перемещении чиновников губернских и уездных учреждений, дозволенная правительством информация о государственных делах. Наибольший интерес для широкого круга читателей представляла неофициальная часть «Ведомостей», в которой помещались известия о чрезвычайных происшествиях в Вологодской губернии, информация о «рыночных справочных ценах на разные потребности», о способах улучшения сельского хозяйства и домоводства, сведения об образовании, истории края, фольклоре и т.д. Являясь на протяжении целого ряда десятилетий единственным на всю губернию печатным органом, «Ведомости» привлекали к себе местных деятелей, проявлявших склонность к литературным занятиям. В них не издавались материалы по словесности и публицистика, но поощрялись статистические материалы, равно как этнографические и исторические статьи. Именно в этой газете появлялись исторические, статистические и этнографические материалы об Усть-Сысольске, пуб-

ликации о деятельности Усть-Сысольской общественной библиотеки в XIX в., авторами которых были и читатели библиотеки [2, 10, 11, 12, 17]. Следует, однако, отметить, что при имеющемся интересе подписчиков библиотеки к новостям губернии, серьезном исследовательском интересе к вопросам истории и этнографии Усть-Сысольска и его уезда, имеются сведения о наличии в библиотечном фонде всего лишь двух годовых комплектов газеты за 1866 и 1876 гг. [25. Л. 91 об.; 30. Л. 71]. Обусловлено это, скорее всего, тем, что основную массу подписчиков библиотеки составляли чиновники, которые имели возможность ознакомиться с газетой в уездных учреждениях, получавших ее регулярно.

Таким был газетный фонд Усть-Сысольской общественной библиотеки с 1837 по 1876 гг. В ранний период деятельности библиотеки (конец 1830-х – 1850-е гг.) ее члены-учредители не проявляли интереса к газетной прессе. Из газет первой половины XIX в., поступивших в фонд библиотеки, на сегодняшний день известно лишь о трех наименованиях. Они представляют собой годовые комплекты газет, вышедших несколько лет или несколько десятилетий назад, пожертвованные библиотеке. В этот период библиотечный фонд пополняли лишь официальные издания конца XVIII – первой четверти XIX вв. Кардинально ситуация изменилась лишь в пореформенные годы, когда газета стала приоритетной формой отечественной прессы. Из материалов выявленных на сегодняшний день архивных документов следует, что наиболее активным было пополнение газетного фонда библиотеки во второй половине 1860-х гг. В этот период члены-учредители библиотеки ежегодно оформляли подписку на одну из столичных газет. Еще ряд изданий поступали в фонд в качестве пожертвований. В 1870-е гг. повторилась ситуация первых лет существования библиотеки, когда газеты в фонд не выписывались и не поступали. К этому времени интерес руководителей библиотеки был преимущественно сосредоточен на журналах, публиковавших переводную беллетристику. Состав газетного фонда единственной публичной библиотеки Усть-Сысольска в XIX в. не только позволяет нам говорить о круге чтения ее подписчиков, но и является важным источником сведений о периодических изданиях, бытовавших на территории Усть-Сысольского уезда в конце XVIII – XIX вв.

1. Арсеньев Ф.А. Вести из зырянского края // Русский дневник. 1859. № 45.
2. Арсеньев Ф.А. Осенняя ночь на берегах Вычегды // Вологодские губернские ведомости (далее – ВГВ). 1861. № 45, 46.
3. Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 14. Оп. 1. Д. 2802.
4. ГАВО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 66.
5. Там же. Д. 76.
6. Там же. Д. 86.
7. Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 889.
8. Дергачева Л.Д. Периодическая печать // Очерки русской культуры XIX в. М., 2001. Т. 3.

9. История русской журналистики XVIII-XIX веков / под ред. Л.П. Громовой. СПб., 2003.
10. Кичин В.Е. Краткие статистические и этнографические сведения об Усть-Сысольском уезде // ВГВ. 1865. № 7.
11. Кичин Е.В. Об основании города Усть-Сысольска // ВГВ. 1853. № 47-49.
12. Красных Я. Перечень периодических изданий и газет, получаемых в Усть-Сысольске // ВГВ. 1853. № 33 (15 авг.).
13. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Ф. 6. Оп. 1. Д. 26.
14. НАРК. Ф. 223. Оп. 1. Д. 2.
15. Нестеров Е.А. Когда же впервые? (О начале распространения периодической печати в Коми крае) // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. 8. 1999. Вып. 3.
16. Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон, описующий азбучным порядком, географически... ; из достопамятных и достоверных древних и новых источников собранный. М., 1789. Ч. VI.
17. О городской публичной библиотеке в городе Усть-Сысольске // ВГВ. 1838. № 6.
18. Отдел архивных документов РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1889 г. Д. 68.
19. Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1965. Т. 2.
20. Памятная книжка Вологодской губернии на 1865 и 1866 гг. Вологда, 1866.
21. Публичная библиотека в городе Устьсысольске // Живописная русская библиотека. 1856. Вып. 12. № 23.
22. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 9. Д. 563.
23. РГИА. Ф. 733. Оп. 10. Д. 10.
24. Там же. Ф. 735. Оп. 6. Д. 120.
25. Там же. Ф. 776. Оп. 3. Д. 859.
26. Там же. Оп. 11. 1871 г. Д. 43.
27. Там же. 1872 г. Д. 2.
28. Там же. Д. 19.
29. Там же. 1874 г. Д. 9.
30. Там же. 1876 г. Д. 2.
31. Русская периодическая печать (1702-1894) / под ред. А.Г. Дементьева, А.В. Западова, М.С. Черпахова. М., 1959.
32. Сведения о числе журналов и газет, выписывавшихся в Вологодской губернии в 1859-м году // ВГВ. 1860. № 34 (20 авг.).
33. Станько А.И. Русские газеты первой половины XIX века. Ростов, 1969.
34. Статистический очерк Вологодской губернии // Памятная книжка Вологодской губернии на 1864 г. Вологда, 1864.

ИСТОРИЯ

УДК 058.244 (323.325)

Г.Ф. Доброноженко

СЕЛЬСКИЕ ЭКСПЛУАТАТОРЫ КАК ОБЪЕКТ НАЛОГОВОЙ И КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ В 1921-1927 гг.: ПРОТИВОРЕЧИЕ ТЕОРИИ, ПОЛИТИКИ И ПРАВА*

В программно-политических документах власти нэповского периода провозглашался принцип классовой социальной политики государства. Однако между классовыми партийными лозунгами, реализацией их в правовую норму путем принятия соответствующего этой политике законодательства, и политической практикой в деревне была дистанция огромного размера. В статье пересматривается общепринятое в отечественной историографии утверждение о дискриминации в нэповский период сельских эксплуататоров (кулаков) за «классовую» принадлежность. Особенностью социальной политики была ее направленность на регулирование социально-экономических процессов, ограничение, недопущение усиления капиталистического уклада. Налоговое законодательство, нормативно-правовая база в области кредитования до 1928 г., регулируя отношения, не предусматривали каких-либо существенных ограничений прав, запретов, мер принуждения в отношении крестьян за социальный статус. Объектом социальной политики были отношения, а не конкретные лица.

Ключевые слова: *новая экономическая политика, классовая политика, социальный статус, сельские эксплуататоры, кулаки*

The political program of the regime during the New Economic Policy declared the principle of state class social policy. However the party slogans, their legal norm realization via adopting a legislation corresponding with this policy, and the political practice in the countryside had little in common. The article reviews the statement generally accepted by the domestic historiographers on the discrimination of rural exploiters (kulaks) in the times of NEP for their "class" affiliation. The peculiarity of the social policy was its focus on regulation of the social and economic processes, limitation and prevention of the capitalistic state from reinforcement.

* Работа выполнена при поддержке РФНФ (проект № 9-01-41103 а/с) «Аграрная модернизация Европейского Севера в XX в. (на материалах коми деревни)».

When regulating relations, the credit tax legislation and statutory framework before 1928, didn't cover any rights limitations or restrictions and means of constraint regarding peasants for their social status. The object of the social policy was relations, and not particular persons.

Keywords: new economic policy, class policy, social status, rural exploiters, kulaks

Поворот к новой экономической политике был вызван поисками выхода из тупиков, в которые военный коммунизм загнал страну и большевистскую власть. Признав, что «прежняя наша программа была теоретически правильна, но практически несостоятельна», власть перешла к реформистским приемам [1, с. 69; 2, с. 44, 222].

Новая экономическая политика формировалась как временное отступление от реализации партийной программы. Власть пошла на уступки крестьянину и установила «с этим последним капиталистическим классом» вынужденный (и главное – временный) союз. Социальный компромисс, заключенный властью с крестьянством, не означал отказа от главной цели, запрограммированной коммунистической идеологией, – «построение социализма». Основная задача, конечная цель борьбы оставалась для большевиков «незыблемой»: «Мы боремся за уничтожение капитализма и за установление коммунизма» [3, с. 319].

В представлении большевиков новая политика в деревне неизбежно приведет к усилению мелкобуржуазной стихии и возрождению капиталистических элементов, создавая в стране потенциальную опасность своего рода «крестьянского термидора», главным социальным носителем которого может стать возродившийся в условиях частного хозяйства кулак. В программно-политических документах провозглашался принцип «классовой» политики в деревне, направленной на ограничение, недопущение усиления капиталистического уклада.

Особенности реализации «классового» принципа в налоговой политике. Общепринятым в советской историографии было мнение, что сельхозналог был построен по «классовому» принципу.

Анализируя систему построения сельхозналога, исследователи подчеркивали, что она обеспечивала «соответствие обложения каждого хозяйства размерам его дохода», что достигалось «путем строгой дифференциации ставок налога, усиления обложения кулацко-зажиточной части деревни» [4, с. 211, 217; 5, с. 191; 6, с. 492; 7, с. 60-73; 8, с. 55, 184]. В литературе встречается утверждение, что для кулаков и зажиточных хозяйств были определены более высокие нормы обложения [9, с. 279].

В подтверждение вывода о соответствии размера выплаченного крестьянином налога их «классовой» принадлежности (бедняки, середняки, кулаки) приводились данные двух типов источников. Первый источник – сведения налоговых списков НКФ СССР, которые все облагаемые налогом крестьянские дворы по степени их хозяйственной мощности (обеспеченность посевами и пашней) делили на 9 разрядов. К «капиталистически-предпринимательской» (кулацкой) группе относили высшие 8 и 9 разряды.

Приведем типичный пример характеристики размера налога по «классовым группам»: «В 1924/25 г. бедняки платили 0,76 руб. с каждого члена семьи, серед-

няки – 3,09 руб., кулаки – 11,03 руб. В 1926/27 г. ставка налога на едока в бедняцком хозяйстве понизилась до 0,22 руб., в середняцком хозяйстве почти не изменилась (3,13 руб.), а в кулацком хозяйстве достигла 15,42 руб.» [10, с. 186].

Второй источник – расчеты Комиссии СНК СССР по изучению тяжести обложения населения в середине 1920-х гг., которые приводятся почти во всех исследованиях как советского, так и постсоветского периода. «Классовые группы» в расчетах Комиссии учитывались на основе сочетания двух признаков: стоимости средств производства и продолжительности применения наемного труда. К «предпринимательской группе» были отнесены хозяйства: «со средствами производства 1600 руб. при условии сдачи их в аренду и при условии использования наемного труда свыше 50 дней в году»; «со средствами производства стоимостью от 1001 до 1600 руб., если они пользовались наемным трудом свыше 75 дней в году»; «со средствами производства стоимостью от 401 до 1000 руб., нанимающие рабочую силу свыше 150 дней в году». По данным Комиссии, «предпринимательская» (кулацкая) группа составляла в 1924/25 г. 3,1% всех крестьянских хозяйств (728 тыс.), в 1925/26 г. – 3,7% (816 тыс.), в 1926/27 г. – 3,9% (896 тыс. хозяйств) [11, с. 12–13, 43, 74–76].

Следовательно, *сконструированный* учеными-аграрниками и статистиками 1920-х годов «класс кулаки» на основе лишь критерия хозяйственной мощности или в сочетании с одним эксплуататорским признаком, рассматривается историками как *реальная социальная группа сельских эксплуататоров*.

В современной литературе, как правило, по-прежнему говорится о прямой «классовой» направленности налоговой политики против кулацких хозяйств. Однако в отдельных публикациях пересматривается этот общепринятый тезис. Исследователи отмечают, что в первой половине 1920-х гг. в налоговой политике «правительство отдавало предпочтение фискальной функции» и только с середины 1920-х гг. (или 1926/27 г.) налоги превращаются в орудие «классовой политики». «Классовый» подход проявлялся главным образом в установлении необлагаемого минимума для бедняцких хозяйств и усилении тяжести обложения крепких крестьянских хозяйств. Подчеркивается противоречие между декларативными лозунгами о «классовом» подходе в налоговой политике и законодательством [12, с. 159–174; 13, с. 39–49].

Основные принципы налогообложения были определены в решениях X съезд РКП(б) «О замене разверстки продовольственным налогом». Первый принцип – «налог взимается в виде процентного или долевого отчисления от произведенных в хозяйстве продуктов, исходя из учета урожая, числа едоков в хозяйстве и фактического наличия скота в нем». Второй – «налог должен иметь прогрессивный характер; процент отчисления для хозяйств середняков и мало-мощных хозяев <...> должен быть пониженным». Третий – налогообложение должно предусматривать систему налоговых льгот [14, с. 370].

В решениях XI съезда РКП(б) указывалось, что налоговая политика (кроме чисто фискальной задачи) должна иметь задачей «регулировать процессы накопления путем прямого обложения имущества, доходов» и т.п. В этом отно-

шении налоговая политика является главным орудием политики пролетариата в переходную эпоху» [15, с. 496].

Впервые после перехода к нэпу вопрос о налоговой политике в деревне обсуждался на XII съезде партии. На съезде выступили Л.Б.Каменев, М.И.Калинин и Г.Я.Сокольников. В докладах Каменева и Калинина речь шла главным образом вокруг развернувшейся накануне съезда дискуссии о возможности повысить налог с крестьянства. Особый интерес представляет выступление Г.Я. Сокольникова, в котором дается оценка «классовой» направленности системы налогообложения. Докладчик пришел к принципиально важному заключению об уравнительном характере налогов и отсутствии «классового» подхода: «фактически сохраняется простая раскладка налогов между плательщиками крестьянами», применяется «разверсточный способ уплаты налога». Пока применяется существующая система, «нет возможности произвести обложение, которое щадило бы бедняка и в большой степени переносилось бы на зажиточного крестьянина». Поэтому основной задачей налоговой политики является разработка системы, при которой налог будет взиматься «соответственно платежеспособности, соответственно реальному доходу плательщиков, которые его уплачивают». «В противном случае, – утверждал докладчик, – наши налоги не будут носить того классового характера, который они должны носить, в особенности теперь, когда <...> появляется тенденция к развитию капиталистических отношений» [16, с. 426]. В решениях съезда подчеркивалось, что законодательство о сельхозналоге должно «учитывать классовое деление» [17, с. 79].

В апреле 1925 г. вопрос «О сельскохозяйственном налоге» был вынесен на обсуждение на XIV партконференции. В основном докладе, с которым выступил член ЦК А.Д. Цюрупа, дается общая характеристика особенностей определения доходности крестьянских хозяйств при обложении сельхозналогом и ни слова не говорится о его социальном («классовом») содержании. Интересные и, главное, показательные заключения о существующих принципах налогообложения крестьянства содержатся в выступлении в прениях по докладу зам. наркома РКИ, члена ЦКК РКП(б) С.Е. Чуцкаева. Проанализировав выводы обследования ЦКК налогообложения крестьянских хозяйств в 1924/25 г., докладчик пришел к заключению: результаты говорят «о необоснованности нашего общего представления, что наша налоговая политика в деревне строится по классовой линии». «В общем и целом, нужно признать, – говорил он, – что вопрос о правильности обложения крестьянства с классовой точки зрения может быть ликвидирован только тогда, когда будет установлен необлагаемый минимум и будут отброшены все суррогаты вроде льгот» [18, с. 70–71].

В резолюции конференции констатируется: опыт осуществления закона о едином сельхозналоге показал необходимость «немедленно же внести в закон такие улучшения, которые устранили бы возможность неправильного распределения налоговой тяжести между плательщиками и поставили бы размер налога в полное соответствие с мощностью хозяйств» (заметим, «мощностью», а не «классовой» принадлежностью) [19, с. 382–383].

На апрельском (1926 г.) пленуме было принято решение об изменении порядка исчисления сельхозналога и повышении прогрессии налогообложения. Предлагалось внести следующие изменения: «а) производить исчисление налога на основе определения доходов не в натуральной (пересчете на пашню), а в денежной форме»; «б) включить в число объектов обложения ранее не учитываемые (или недостаточно учитываемые) источники доходов крестьянского населения» (в том числе и неземледельческие заработки)» и, главное, «в) изменить шкалу обложения в направлении большей прогрессивности, с полным освобождением от налога наиболее малоимущих групп и усилением обложения зажиточных и кулацких слоев крестьянства» [20, с. 14–15].

Для оценки особенностей налоговой системы, а также тезиса о ее «классовой» направленности против кулаков рассмотрим определенный в законодательстве порядок взимания налога с крестьянских хозяйств.

Система сельхозналога строилась на сочетании принципов подоходности и прогрессивности налогообложения. Существовал так называемый «нормативный метод исчисления доходов». Облагаемый доход крестьянских хозяйств до 1926/1927 г. рассчитывался на основании норм доходности, определяемых в налоговом законодательстве для каждого вида сельхозугодий и скота. В ежегодно издававшемся Положении о сельхозналоге давались средние нормы доходности для союзных республик, ориентируясь на которые исполкомы губернских Советов устанавливали точные размеры для каждой местности. Определение облагаемого дохода сводилось к выяснению того, сколько в хозяйстве земли и скота. Размер сельскохозяйственного налога, следовательно, зависел от реальных имущественных различий.

Законодательство первых лет нэпа устанавливало два типа налоговых льгот: льготы, стимулирующие интенсивное ведение хозяйства, которыми устанавливались скидки с налога хозяйствам, применявшим улучшенные приемы ведения сельского хозяйства и так называемые «социальные льготы», направленные на облегчение налогового бремени для маломощных хозяйств. В законодательстве не были определены признаки хозяйств, имеющих право на получение социальных льгот «по маломощности»; отнесение хозяйств к этой группе налогоплательщиков предоставлялось местным налоговым работникам. В 1923/1924 г. бедняцкие хозяйства составляли 49,3% в общей численности освобожденных и получивших льготы хозяйств; их доля в общей сумме снятого налога составляла лишь 30,3%. Только в 1925/1926 г. был установлен необлагаемый минимум, который рассчитывался в зависимости от количества едоков в семье.

В 1926/1927 г. в результате изменения системы сельхозналога был осуществлен переход к обложению «по совокупности доходов» (от кустарно-ремесленных промыслов, работы по найму и других неземледельческих занятий). В облагаемый доход включался определенный процент годового дохода хозяйства от этих занятий, который устанавливался в законодательном порядке. Новый принцип налогообложения по «совокупности доходов» позволял улавливать те доходы, которые не облагались сельхозналогом в предыдущие годы. В налого-

вом законе 1926/1927 г., а потом и 1927/1928 г. были усилены элементы прогрессивности налогообложения. Прогрессия определялась исходя из общего размера дохода. Для РСФСР в 1926/1927 г. была установлена следующая шкала обложения: с первых 20 руб. дохода – 2%, с излишка сверх 20 до 30 руб. – 3%, 30–40 руб. – 5%, 40–50 руб. – 10%, 50–60 – 17%, 60–80 – 21%, 80–100 – 23%, с излишков свыше 100 руб. – 25%. В 1927–1928 гг. максимальная ставка была повышена с 25 до 30% [21, с. 82; 22, с. 129].

Завершая характеристику системы налогообложения крестьянских хозяйств, отметим ее основные особенности. В первой половине 1920-х гг. налоговая политика решала главным образом фискальные, а не социальные задачи; размер налога, выплачиваемого крестьянами, зависел не от социальной принадлежности, а от величины дохода. Элементы «классовости» в налоговом законодательстве появляются лишь с введением в 1925/1926 г. необлагаемого минимума для маломощных хозяйств и усилением прогрессивности налогообложения для экономически крепких крестьянских хозяйств.

В финансовых органах страны в 1920-е гг. неоднократно рассматривался вопрос об изменении принципов начисления сельхозналога и введении «классового» принципа налогообложения крестьянства. Начальник Управления Госналога НКФ СССР М.И. Лившиц на совещании в Наркомфине в ноябре 1927 г. сказал: «По этому поводу исписаны горы бумаг, и, если бы нас потрошили, то в наших печенках нашли бы и ренту и дифференциацию и по качеству, и по социальным группам и т.д.» [23].

«Классовый» принцип в организации сельскохозяйственного кредита. «Важным средством регулирования социально-экономических отношений в деревне» была, по мнению советских историков, организация сельхозкредита, направленного «на высвобождение трудящихся масс деревни и в первую очередь бедняка от зависимости кулака-ростовщика». Общепризнанным было мнение, подтверждаемое ссылками на решения партийных съездов и конференций, что кредитование единоличного сектора на протяжении всего нэповского периода проводилось по «классовому» принципу: беднота получала кредиты в первую очередь и на льготных условиях (большой размер ссуд, низкий кредитный процент, беспроцентные возвратные ссуды и т.п.). Утверждалось, что уже в середине 1920-х гг. применялся дифференцированный принцип предоставления кредитов крестьянским хозяйствам: «процент по ссудам дифференцировался по социально-экономическим группам крестьян (беднякам краткосрочный кредит выдавался под 8% и долгосрочный – под 5, кулакам – под 12 и 7%)» [24, с. 72–73; 25, с. 192, 194; 26, с. 92].

В отдельных исследованиях, изданных в советский период (В.М. Данилов, Н.Я. Гущин), приводился эмпирический материал (нормативные акты и примеры из практики кредитования), который опровергал это утвердившееся мнение [27; 28].

В новейшей литературе проблема кредитной политики в деревне не является предметом специального исследования. Затрагивая вопросы кредитования, исто-

рики лишь повторяют ортодоксальные положения советской историографии, оставляя без внимания добротную и логически выстроенную фактологию, приведенную в работах В.П. Данилова.

Необходимость государственного руководства всеми видами кредита в целях поднятия крестьянского хозяйства и «решения классовых задач в деревне» подчеркивалась в решениях XII и XIII съездов, XIII конференции РКП(б). Отмечалась «гигантская важность» организации «доступного мелким и мельчайшим крестьянам государственного и кооперативного кредита, который мог бы вклиниваться в экономические отношения крестьянства против кулака», роль кредитования во «всемерной помощи» маломощным хозяйствам «в целях их освобождения от кулацкого засилья» [29, с. 118–119, 163, 244].

В партийных решениях, принятых весной 1925 г., говорится исключительно о необходимости оказания помощи кредитами «основной массе крестьянства», роли кредитной кооперации в подъеме хозяйства «широких слоев крестьянства» и ни слова – о льготных условиях кредитования бедноты [30, с. 243, 347, 369–370, 372].

Традиционная «бедняцкая» тема в кредитной политике вновь была поднята в решениях октябрьского 1925 г. пленума ЦК РКП(б); впервые за годы нэпа был поставлен вопрос о необходимости особых условий предоставления кредитов бедноте – удлинение сроков кредитования [31, с. 415].

В нормативно-правовых документах первой половины 1920-х гг. не содержалось каких-либо указаний на различие условий кредитования в зависимости от социального статуса. Так, в постановлении ЦИК и СНК СССР от 11 января 1924 г., определившем основные принципы кредитования покупателей сельхозмашин и орудий, говорилось о крестьянском населении в целом. Преимущественное право на получение кредита предоставлялось только «членам обществ сельскохозяйственного кредита, коллективным хозяйствам, а также другим крестьянским объединениям» [32].

Положение о необходимости регулирования социального распределения сельхозмашин и орудий – предоставлять кредит в первую очередь маломощному и середняцкому крестьянству – содержалось в постановлении СНК СССР от 6 мая 1925 г. Однако государство не финансировало и не контролировало выполнение этого решения. В законодательстве не были определены условия или принципы кредитования по социальным категориям покупателей, оно должно было «производиться непосредственно кредитными и машиноторгующими предприятиями» [33].

Наглядный пример выполнения партийных решений государственными органами – шкала кредитования, установленная Наркомтруда на 1926/1927 г. Определяя размеры ссуды, сроки и доли погашения задолженности, она не дифференцировала непосредственно условия кредитования в зависимости от социальной принадлежности покупателей машин. Областным торгующим и земельным органам лишь предписывалось «в срочном порядке <...> установить более

льготные условия для индивидуальных бедняцких хозяйств <...>, менее льготные – для более мощных слоев крестьянского населения» [34, с. 153].

На практике при установлении размеров ссуды «кредитные товарищества, часто игнорируя социальную принадлежность кредитуемых хозяйств, руководствовались платежеспособностью пайщиков» [35, с. 167]. Кредитные учреждения «более охотно предоставляли ссуду хозяйству, состояние которого гарантировало ее своевременную выплату» [36, с. 37].

Объединенный пленум ЦК и ЦКК (июль–август 1927 г.), подводя итоги использования сельхозкредита, отметил «извращение директив партии», выразившееся в «ненормально высоком получении кредита зажиточно-кулацкими слоями деревни, в использовании ими лжетовариществ для приобретения сельскохозяйственных машин и т.п.» [37, с. 374].

Оценивая практику кредитования, автор статьи, опубликованной в 1928 г. в журнале ЦК ВКП(б) «Большевик», писал, что вся кредитная система «твердо держит курс на «солидного» заемщика». Работники местных организаций, через которые идет финансирование сельского хозяйства, стремятся к «материальной гарантии», «обойти бедняка кредитами» и «дать их прежде всего более зажиточному» (считали, что «беднота не может рационально использовать кредит»); ориентировались на «хозяйственную целесообразность» в ущерб «политической линии». Автор статьи подчеркивал, что речь идет не о «случайных явлениях», «отдельных фактах извращения», а о «принципиально ложной и в корне неправильной и вредной тенденции местных органов по финансированию сельского хозяйства» [38, с. 45–55].

Первые решения об ограничениях в кредитовании «кулацко-зажиточной группы» были приняты лишь в конце 1927 г., а весной 1928 г. в законодательстве впервые определены особые условия предоставления кредитов в зависимости от социальной принадлежности.

Подведем основные итоги.

1. В программно-политических документах власти нэповского периода провозглашался принцип «классовой» социальной политики государства в деревне. Однако между классовыми партийными лозунгами, реализацией их в правовую норму путем принятия соответствующего этой политике законодательства и политической практикой в деревне была дистанция огромного размера.

2. Налоговое законодательство не выделяло эксплуататорские хозяйства в самостоятельную налоговую группу и не предусматривало особого порядка выплаты налога в зависимости от индивидуального социального статуса. Законодательство, регламентирующее условия предоставления государственного кредита, не содержало каких-либо указаний на различие условий кредитования крестьянских хозяйств за социальный статус «сельский эксплуататор» («кулак»).

3. Социальная политика 1921–1927 гг. была направлена на регулирование социально-экономических процессов, ограничение, недопущение усиления капиталистического уклада. Следовательно, *объектом ограничительной политики были отношения, а не конкретные лица; являясь «классовой», она не была дис-*

криминационной (а тем более репрессивной) по признаку социальной принадлежности. Этим во многом объясняется отсутствие в законодательстве нэповского периода критериев идентификации сельских эксплуататоров (кулаков) и законодательного закрепления их социально-правового статуса. *Сельские эксплуататоры как отдельная социальная группа не были юридически оформлены, и потому группа не имела четких социальных границ.*

4. В нэповский период ярко проявилось несоответствие между «классовой» направленностью социальной политики против кулацких (эксплуаторских) хозяйств, определенной в программно-политических документах, и реализацией ее в правовую норму и политическую практику. Причину нереализованности партийных лозунгов следует искать во внутренней противоречивости всей нэповской политики в деревне.

Социальная политика государства была обречена на своего рода поиск «золотой середины» между политической доктриной (требовавшей ограничить возрождение эксплуататорских крестьянских хозяйств) и экономической целесообразностью (требовавшей подъема сельского хозяйства, максимально возможного увеличения продукции крестьянского хозяйства).

В условиях нэповской экономики увеличение производства сельскохозяйственной продукции было возможно только на основе дальнейшего развития частного индивидуального крестьянского хозяйства, а следовательно, и перехода значительной их части в разряд «зажиточных», т.е. неизбежного движения, с точки зрения партии, в «кулацком направлении».

На протяжении нэповского периода большевикам приходилось считаться с экономической целесообразностью, которая, наряду с отсутствием необходимых средств, стала одним из важнейших ограничителей для реализации «классовой политики» в деревне.

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1973. Т. 43.
2. Там же. Т. 44.
3. Там же. Т. 4.
4. Яковцевский В.Н. Аграрные отношения в СССР в период строительства социализма. М., 1964.
5. История СССР с древнейших времен до наших дней. Серия вторая. Т. VIII. Борьба советского народа за построение фундамента социализма в СССР. 1921–1932 гг. М., 1967.
6. История советского государства и права: в 3 кн. Кн. 2 / под ред. Чистякова О.И., Кукушкина Ю.С. М., 1971.
7. Рогалина Н.Л. Налоговая политика советского государства в отношении деревенской буржуазии до сплошной коллективизации (1926–1929 гг.) // Вестник МГУ. Серия история. 1971. № 5.
8. Трифонов И.Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа (1921–1937 гг.). М., 1960.
9. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. IV. Коммунистическая партия в борьбе за построение социализма в СССР. 1921–1937. Книга первая (1921–1929 гг.). М., 1970.

10. Данилов В.П. Советская налоговая политика в доколхозной деревне // Октябрь и советское крестьянство. 1917–1927 гг. / ред. коллегия: И.М. Волков (отв. редактор), В.П. Данилов, Н.А. Ивницкий и др. М., 1977.
11. Тяжесть обложения в СССР. Социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26 и 1926/27 гг.: доклад Комиссии Совета Народных Комиссаров Союза ССР по изучению тяжести обложения населения Союза. М., 1929.
12. Буртина Е. Коллективизация без «перегибов». Налоговая политика в деревне 1930–1935 годах // Октябрь. 1990. № 2.
13. Серпинский В.В. НЭП: практика налогообложения крестьянства // Вестник МГУ. Серия экономика. 1993. № 5.
14. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд. М., 1984. Т. 2.
15. Там же.
16. Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков): стенографический отчет. 17–25 апреля 1923. М., 1923.
17. КПСС в резолюциях ... Т. 3.
18. Четырнадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков): стенографический отчет. М.;Л., 1925.
19. КПСС в резолюциях ... Т. 3.
20. Там же. Т. 4.
21. Залесский М.Я. Налоговая политика советского государства. М., 1940.
22. Марьяхин Г.А. Очерки истории налогов с населения в СССР. М., 1964.
23. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 5. Д. 762. Л. 26.
24. Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос: в 2 т. Т. 2. М., 1967.
25. История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VIII ...
26. Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е – середина 1930-х годов. Новосибирск, 1987.
27. Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957.
28. Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973.
29. КПСС в резолюциях ... Т. 3.
30. Там же.
31. Там же.
32. СУ РСФСР. 1924. № 22. Ст. 217.
33. СЗ СССР. 1925. № 32. Ст. 222.
34. Цит. по: Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок ...
35. Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму ...
36. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М., 1979.
37. КПСС в резолюциях ... Т. 4.
38. Попов Ф. Система финансирования сельского хозяйства и ее уклоны (в порядке обсуждения) // Большевик. 1928. № 16.

**КОЛХОЗНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: «ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ»
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ КОНЦА 1930-х гг.)**

В статье на основе писем в действующую армию периода советско-финской войны 1939-1940 гг. рассматриваются некоторые черты повседневности российской колхозной деревни. Повседневность понимается как специфическая, многогранная область жизненной реальности, находящая воплощение в социальном действии и коммуникации. В пространстве повседневности социальные практики возобновляются через воплощение и переосмысление прошлого опыта, его преодоление или забвение. Хранителем и транслятором разнообразного опыта является память. Предпринята попытка показать, как документы частной переписки, которые можно отнести к жанру «наивного письма», несли в себе элементы «культурного ядра» традиционной культуры. Выделено несколько доминантных тем и мотивов, позволяющих также вести речь об инновациях в повседневной жизни. Обращается внимание, как письма фиксировали изменения в сознании и поведении людей, как шло становление нового жизненного мира сельского человека.

Ключевые слова: повседневность, память, традиция, инновация, крестьянство, колхозы.

The political program of the regime during the New Economic Policy declared the principle of state class social policy. However the party slogans, their legal norm realization via adopting a legislation corresponding with this policy, and the political practice in the countryside had little in common. The article reviews the statement generally accepted by the domestic historiographers on the discrimination of rural exploiters (kulaks) in the times of NEP for their "class" affiliation. The peculiarity of the social policy was its focus on regulation of the social and economic processes, limitation and prevention of the capitalistic state from reinforcement.

When regulating relations, the credit tax legislation and statutory framework before 1928, didn't cover any rights limitations or restrictions and means of constraint regarding peasants for their social status. The object of the social policy was relations, and not particular persons.

Keywords: new economic policy, class policy, social status, rural exploiters, kulaks

Изучение прошлого и настоящего под углом анализа повседневной жизни различных групп и слоёв общества является в настоящее время одним из динамично развивающихся направлений гуманитарных исследований. Интерес к повседневным аспектам бытия обусловлен переносом внимания с изучения образующих общество «больших структур», с институциональной и макрособытий-

ной стороны на «микроуровень», а по сути – на «человеческую» составляющую истории.

Не претендуя на историографический анализ проблематики повседневности и отсылая заинтересованного читателя к соответствующим работам методологического и историографического плана [1], отметим только ряд моментов, связанных с видением феномена повседневности, в трактовке которого по-прежнему задает тон фактор дискуссионности.

В современной гуманитаристике повседневность понимается как целостный социокультурный мир, специфическая, многогранная, сложная и изменчивая область жизненной реальности, находящая воплощение в социальном действии и коммуникации. Обращается внимание на двойственность природы повседневности: реальность субъективна, но одновременно в повседневной жизни человек живет и взаимодействует с себе подобными [2].

Повседневность вмещает в себя нечто привычное, повторяющееся, «нормальное», подчас неприметные стороны жизни, то, что можно обозначить как рутинное, обыденное, будничное, ежедневное, как ритуально и телесно нагруженное поведение «обычных людей в обычных условиях». В определенном смысле повседневность – это «хорошо забытое настоящее» [3], то, что не требует раздумья и рефлексии, а как бы само собой разумеется.

Повседневность представляет собой своего рода «плавильный тигль рациональности» [4], позволяющий реализовать субъективность. Анализ повседневности нацелен на реконструкцию «поступков и образа действий, объяснений и чувствований людей» [5], с учетом их поколенческих и гендерных особенностей. Он способствует прояснению механизма существования общества, его взаимодействия с властью.

Повседневность исторична: каждая эпоха создает особый тип повседневности, свой символический «культурный код», которому присущи специфические стереотипы сознания и поведения и определенные материально-вещественные структуры [6]. Хотя повседневность определяется уникальной индивидуальностью каждого человека и относительной автономией, и в силу этого плюралистична и многообразна, она тем не менее регламентирована и поставлена в определенные «рамки». Цивилизационные, социальные, материальные параметры жизни объективно задают определенную «матрицу» повседневности. Более того, «макро-» и «микроуровни» тесно связаны между собой, и изменения социально-экономических, политических, духовных условий жизни общества и др. влияют на повседневность, подчас радикально, поэтому в каждую историческую эпоху, в каждой стране, для каждого человека существуют пределы индивидуализации повседневной жизни, а для каждой из социальных групп – жесткие рамки «свободы выбора» [7].

Для «истории повседневности» на определенном этапе был характерен акцент на «истории снизу», интерес к повседневным практикам рядовых людей в конкретных жизненных ситуациях, к реконструкции обыденной жизни «простых» людей, «многих» и «безымянных» (А.Людтке), «маленьких»

(Н.Н.Козлова), «незамечательных людей» (Н.Л.Пушкарева), их чувствам и переживаниям, радостям и страданиям. И все же повседневность не ограничена деятельностью простых людей и несводима к частной жизни.

Повседневность является такой сферой совместной жизни и деятельности людей, в которой собираются и хранятся, скапливаются смысловые «осадки» многообразного прошлого опыта и разнообразных социальных практик. Исходя из того, что повседневность представляет собой продукт социального конструирования, в ее пространстве социальные практики возобновляются через воплощение, интерпретацию, переоценку и переосмысление прошлого опыта, его преодоление или забвение (включая влияние общественных структур и процессов, официального дискурса). В частности, при анализе повседневности делается акцент не столько на повторяемости, сколько на изменчивости практик [8].

Границы «повседневного» и «неповседневного» условны: выходящее за рамки повседневности необычное или уникальное, «праздники», «экстремальные» моменты чаще всего включаются в разряд «повседневного». В связи с этим важным моментом в развитии проблематики повседневности является интерес к анализу переходных и переломных эпох, «повседневности в чрезвычайное время», таких экзистенциальных ситуаций, когда происходят разрывы в повседневном существовании.

Скажем, с точки зрения проблематики модернизации центральным вопросом в «истории повседневности» становится исследование того, как «большинство» на собственном опыте переживало расширение товарного производства, усиление власти и бюрократии [9]. В этом смысле процесс формирования советского общества (как варианта общества модерна) обнажает вполне определённые «болевые точки» «истории повседневности», направленной на изучение субъективного аспекта исторического процесса.

Эпоха сталинизма, включая ее повседневный облик, по-прежнему остается «точкой пересечения» политико-мировоззренческих дискуссий и теоретико-познавательных интерпретаций [10]. В частности, продолжается полемика по поводу способов и механизмов интериоризации индивидами официального идеологического дискурса, участия социальных акторов в формировании советской системы («изобретение советского общества»), способности живших в советский период людей к производству самих себя как личностей, к артикуляции своей частной идентичности за пределами ценностей данной политической системы [11].

То, что значительная доля исследований советской повседневности до сих пор посвящена периоду становления и расцвета сталинизма (1920–1940-е гг.), не случайно. Это было время конструирования новой социокультурной действительности (атрибут которой массовая культура) и одновременно – «слома повседневности» (Н.Н.Козлова). Внимание исследователей сфокусировано на таких направлениях, как взаимодействие большевистской идеологии с массовым обыденным сознанием, формы взаимодействия власти и общества, соотнесение исторического опыта советской модернизации с опытом частных, индивидуальных

человеческих судеб, восприятие людьми происходивших событий и поведенческие реакции на них [12]. Акцент делается на относительной автономности существования советского общества; при этом обращается внимание на наличие системы двойных стандартов и оценок в сознании и поведении людей той поры («советское двоемыслие»; «жизнь внутри режима по собственным правилам»). Исследования строятся на привлечении самого широкого круга источников, прежде всего – документов личного происхождения и материалов «устной истории».

Конкретизация данной проблематики в отношении деревни 1930-х гг. позволила исследователям выявлять разнообразные формы адаптации крестьянства к колхозной системе. Крестьяне приспособили колхозы к своим нуждам, опираясь на общинные порядки и традиции, и не отказывались от манипулирования властью [13]. Тем не менее процесс ломки старых поведенческих стереотипов, а также их трансформации в новые, процесс становления жизненного мира советского человека, характер «социальных игр» (Н.Н.Козлова) на материалах колхозной деревни нуждается в дальнейших исследованиях.

В этом плане представляет интерес изучение того, как накопленный опыт проявляется в сознании и поведении людей, каковы способы актуализации настоящим прошлого социально-культурного смысла. Повседневность и память как конструируемый образ прошлого, переживание ушедшей реальности, связаны между собой самым непосредственным образом. Память структурирует повседневность (с множественностью ее социальных практик), а та, в свою очередь, является «местом» хранения и передачи разных типов и видов социальных памятей.

В настоящей статье предпринята попытка показать некоторые моменты трансформации крестьянской памяти в довоенной российской деревне. В качестве источника использованы письма, собранные у погибших советских солдат в 1939–1940 гг., в период войны СССР с Финляндией. Часть этих писем (277 из 540), как наиболее характерные и интересные, была опубликована В.М. Зензиновым в 1944 г. в Нью-Йорке и прокомментирована им [14].

В огромном большинстве это были письма от родственников – жён и родителей, сестер и братьев, меньше – от друзей и товарищей. Две трети корреспонденций – от женщин. Их авторами 85–90% случаев были колхозники. «География» писем – преимущественно Европейская Россия; много корреспонденций из Вологодской, Ярославской, Орловской, Тамбовской и Воронежской областей.

Значительную часть подобных документов (документов простых, «маленьких» людей) исследователи относят к жанру «наивного письма». Они по сути представляют собой образец письменной речи человека, для которого сама практика письма не является обязательной ни в профессиональной, ни в обыденной жизни. Это документы внеписьменной культуры, созданные тем не менее представителями этой культуры, а не сторонними наблюдателями. Они написаны «на нелитературном языке», без знаков пунктуации, с орфографическими и стилистическими «ошибками»; наполнены всевозможными клише (чаще всего по-

черпнутыми из средств массовой информации); являют собой пример смешения «неграмотной речи» и «казенной» речи. Как правило, рукописи жанра «наивного письма» публикуются в отредактированном виде (В.М. Зензинов опубликовал письма неотредактированными).

Методологические принципы работы с текстами, созданными простыми («маленькими») людьми, были разработаны Н.Н.Козловой. Она рассматривала подобные тексты («человеческие документы») как разные типы письма, которые коррелируют с социальным статусом пишущих. При этом в центре ее внимания находился не столько референт исследуемых текстов (содержание), сколько тип текста как продукт практики письма, взятый в качестве социокультурной симптоматики. В ходе такой работы социально нормированный язык – язык официальной культуры (идеологии или искусства) – сопоставлялся с ненормированной повседневной речью [15].

Таким образом, для исследователя, анализирующего документы личного происхождения с точки зрения их способности нести информацию о крестьянской памяти, встает задача семиотического и лингвистического анализа текстов. Мировосприятие и язык пишущих заданы культурой, но исторические факторы и социальный контекст вносят в них свои изменения, транслятором которых выступает память.

На особенность орфографии и стиля крестьянских корреспонденций обращал внимание при публикации писем и В.М.Зензинов. Квалифицируя письма, Зензинов, во-первых, отмечал их «устный» характер: орфографии писем была присуща «фонетичность», они были написаны так, как люди говорят и слышат. Во-вторых, он подчеркивал нормативность стиля писем, вышедших «из-под пера» человека традиционной культуры. В-третьих, в содержательном плане письма были полны переживаний по поводу личных или семейных проблем – при практически полном отсутствии размышлений. В то же время красноармейские письма отличались от всех других своей «содержательностью, развязностью и грамотностью» – в них чувствовалась школа политического воспитания нового молодого поколения.

В.М. Зензинов обращал внимание, что во всех письмах, адресованных в действующую армию и на фронт, сравнительно мало говорилось о войне. По его мнению, причина заключалась в том, что подавляющее большинство писавших относилось к войне как к стихийной катастрофе – землетрясению или лесному пожару. Это катастрофа, которую нельзя избежать, и все те, кто затронут ею, – лишь жертвы, участвующие в ней пассивно, как безгласные пешки. Что касается причин войны и ее идеологии, то все, – отмечал Зензинов, – принимали официальные объяснения и разъяснения; при этом большинство писавших отдавало себе отчет в том, что есть вещи, о которых писать можно и, может быть, даже нужно, но есть и такие, о которых писать нельзя или не следует [16]. Касаясь «низового» восприятия военной службы, Зензинов отмечал характерное с его точки зрения общее отношение к военной службе, присущее как будто издавна русскому человеку, который на военную службу, а тем более на войну, всегда

смотрел как на дело ему постороннее, чуждое и чужое (если только в результате не ожидалось прибавления земли). «Гоняют», «перегоняют», «угнали» – такими выражениями пестрели письма из деревни. Но одновременно – не только самим красноармейцам, но и их семьям – и последним в особенности – было присуще сознание, что находящиеся в рядах Красной Армии лица – почти что привилегированные, перед которыми государство находится в долгу [17].

В.М. Зензинов сетовал по поводу скудости сюжетов, описывающих действительность, окружающую обстановку, полагая, что мало кого на фронте и в тылу может интересовать повседневная жизнь: «событий дома как будто не происходит». Однако именно в том, что в центре большинства писем – колхозная повседневность, те или иные события обыденной жизни, в которую на короткое время врывается какой-либо праздник, заключена их главная ценность. Можно сказать, что повседневности в них «слишком много». Тематика писем в основном далека от событий страны, «большой истории», а круг затронутых в них интересов чрезвычайно узок – он ограничен личными или семейными заботами, тревогами, надеждами. Впрочем, позже и сам Зензинов обращал внимание на эту особенность. Но он прав, что «общая картина происходящего в стране закрыта личными переживаниями, загорожена узким, ближайшим горизонтом».

Однако, собственно, что можно ожидать от писем на фронт? Всего, что переживала страна в связи с войной, было достаточно в политинформациях, которые слушали мобилизованные и бойцы. Они надеялись на свидетельства из дома, что мирная жизнь идет по установленному кругу, ждали хороших новостей, уверений в любви и преданности. Главное содержание корреспонденций на фронт – это жалобы, упреки или просьбы родных красноармейцев о письмах, а также подробные указания на то, когда и какие письма были ими получены. Кроме этого, большое место отводилось в них заботам и беспокойству о здоровье и опасения за жизнь. В отдельных письмах (главным образом от жен) сквозила тоска и уверенность в гибели супруга. В целом, письма писали разные, подтверждающие многообразие жизни.

Но при этом можно выделить несколько доминантных тем и мотивов. Всё это непосредственным образом связано с памятью.

В письмах можно обнаружить много трафаретов и одинаковых выражений, распространявшихся на начало и завершение письма, форм подчеркнуто уважительного обращения к адресату. Многие письма, особенно от родителей, написаны так, как их всегда писала русская деревня – с определенным «зачином», с перечислением поклонов от всех родных: «Во первых строках...», «Любезный сын», «От известной (ного)» – жены, сестры, брата, зятя, шурина. Обращение на «Вы», а также по отчеству довольно распространено; так обращается и жена к мужу, и родители к сыну, и брат к брату. Коллективная память бесписьменного общества призвана сохранять сведения о порядке, об обычном, принятом. Памятью традиционного общества сохраняется некоторое число составляющих ее текстов (здесь имеется в виду семиотическое понимание слова «текст»). Таким

текстом, ритуальным по своей сути, является обращение в письме к членам своей семьи.

В письме из Орловской обл., написанном в ноябре 1939 г., читаем: «Посылаем мы тебя Дорогой наш сын Григорий Леонович свое родительское благословение Которое тебе будет там навеки нерушимо дорогой наш сынок и желаем мы тебя от Бога Доброго здоровья и всего хорошего». Слово «Бог» упоминается в письме еще дважды (№ 91). Все ритуальные обращения и поклоны занимают половину текста.

Письма от матерей в ритуальной части перекликались с молитвами. Напомним, что основная часть населения деревни к началу 1940-х гг. оставались верующими, несмотря на активную борьбу власти с «пережитками в сознании и поведении» [18]. Так, из Новгородской обл. мать пишет сыну: «Вздравствуй мой роднинкий сыночек Павлуша, пишу я тебе письмо и сообщаю то что я твое письмо получила закаторое очень сердечно благодарю зато что ты меня не забываешь и не оскорбляешь своим письмом сынок мой дорогой когда я получила твое письмо то я не смогла выслушать когда его прочитают обливалась не только слезам... сынок мой дорогой стою перед господом богом и прошу скорбящей божей матери чтоба огленулась она на нас дождатся мне тебя тихо и благополучно и тебе сынок мой родной отслужить свой срок выполнить долг тихо и благополучно и вернуться домой здоровому и счастливому» (№ 166). Служба в армии и защита Отечества понимались как священный долг. Живущая у одного сына в Ленинграде мать пишет другому сыну в действующую армию: «... кланяется тебе мама посылаю тебе свои сирдечный горячий привет и жалаю быть здоровому новсегда быть т блогославлен боогославлен отныня и до века спаси тибя госпади отовражоской пули милая дите...» (№ 170). И если в первом письме еще общаются (хотя и кратко) некоторые новости, то во втором письме, автор которого гораздо более безграмотен, только описывается собственное психологическое состояние, подкрепленное в завершающей части новым обращением к небесам: «милаи сын бут ты блогаславлен споси тибя госпади милова сына». «Одбелой груди до сырой земли» кланялась «своему милому и любимому зятю», посылала горячий привет и прижимала «заочно к серсу» свояченица красноармейца (№ 64).

Отец из Пошехонья выговаривал сыну за то, что тот в двух письмах не передавал поклоны матери. Отсутствие поклонов огорчало пренебрежением традиции в двух смыслах, поскольку чтение писем (особенно с фронта) в деревне носило, как правило, публичный характер: «письмо читали при всей масе на гумне на молочени но ней пришлось только сплакать и больше нечего говорить масе ты знаеш народ нынче скажи слово своробышка и развезут целую корову потому я тебе так и описал что очень прискорбно слушат от народу» (№ 97). Читались письма в колхозе при всем народе и в Орловской обл. (№ 103).

Жены, хотя и следовали старой традиции, все же были менее скованы ею. Их письмам свойственно определенное ритуальное вступление «отизвесной вашей супруги Любови Павловны сваему мужу Павилу Алексею». Затем могло быть

простое обращение – «милый Леня», «Паша», «миленький восичка». Вообще характерно изобилие всевозможных ласковых обращений жен к мужьям, письма полны любви и тоски. Отметим суггестию – многократное повторение в письме имени адресата.

Встречались и модернизированные обращения – типа «Добрый день, веселый час» (с разными вариациями) – как в женских (чаще), так и в мужских письмах, независимо от места проживания автора. Наконец, мужчины посылали «красноармейские» и «колхозные» приветия.

При этом вполне допустимо сосуществование «низкого» и «высокого»: «Я думала скоро домой приедеш, – писала жена мужу, – а теперь незнаю... может правительство договорице свинами бяляди ети Фины что делают... незнаю с что-то будет заето време стобои может бох сохранит набога надо надеесе...» (№ 7).

В конце писем следовали поклоны, крепкие, многочисленные объятия и поцелуи, различные добрые пожелания. Более молодые ждали ответа «как соловей лета».

Были распространены жалобы – «очень скучаю», а также опасения в гибели; содержались подробные указания на то, когда и какие письма получены, а также просьбы писать чаще. Постоянными были просьбы прислать «фотокарточку» – «нам навечную память» (как пишет один отец) и обещания «хранить погроб жизни», а также сообщения о сделанных для пересылки красноармейцу фотографиях («смотри и не забывай»).

По письмам чувствуется, что у людей присутствовала большая потребность в новостях. «Пишите письма и пишите больше новостей», – просили братья-красноармейца (№ 13). При этом радио, слушание по радио упоминалось довольно часто (в некоторых письмах пишется «Радио» – с заглавной буквы).

«Наша жизнь идет по-старому» – фраза, чаще всего встречающаяся в письмах из деревни. Новости, разумеется, разные, но в целом они ограничены определённым кругом. Это сообщения о рождениях и смертях, свадьбах и похоронах, о детях, о наборе в армию и демобилизации, о том, кто жив и кто убит. Поскольку в повседневной жизни деревенского сообщества новостей немного, некоторые передавались из письма в письмо. Новости: «Зарубили быка»; «к масленой у нас корова отелится только горе тебя нету»; (сразу после поклона): «мы скотину которую продали которую закололи осталось только телушка да ярка». Родители красноармейца из Орловской обл. (люди верующие) после традиционного вступления писали: «новости унас пока нету некаких». Затем и шли, собственно, новости: кого из односельчан взяли в армию, кто вернулся, какая погода. Далее: «новостей в колхозе внас нету некаких мужики все дома пока живут». Перечислялись цены на картофель и зерновые, размеры налога. Но все это – привычно и рутинно, не достойно того, чтобы быть «новостью» (№ 91).

Письма полны подробностями о жизни в колхозах, жалоб на тяжёлую жизнь, на высокие налоги, отсутствие товаров, дороговизну, отсутствие одежды и обуви и невозможность достать новую, на затруднения в деле получения пособия, на тяжесть заработков и нехватку денег.

Деньги («денги») – одна из ведущих тем. Их получали от красноармейцев (при этом из конвертов они нередко пропадали), посылали в действующую армию в посылках (обычно положив в «палец» перчатки 3 рубля). Их стремились заработать, выручить на продаже продукции двора. В одном из писем читаем: «корову я свою продал за 825 рублей, а себе купил за 610 рублей... продал овцу за 143 руб., а себе купил за 95 руб.». Но если судить по письмам, три или пять рублей – вполне приличная, даже значительная сумма. Главное – в деньгах постоянно нуждались.

Часты сообщения: «продуктов нет никаких» (№ 2, Горьковская обл.), «жить нечем, все опять обобрали» (№ 6, Ленинградская обл.), «зерен нельзя взять... за зерны очень строго. Сейчас уже их покосили, а вот недели 2 назад тут баб переловили и передали в суд» (№ 13 Воронежская обл.), «Замучили нас налоги... мы абнасилася и все твое поносила асталася только твой пинжак дорогой братец ты сам знаешь как живут в колхозе из твоих штонов пошыла ваньке штоны а рубашку я износила...» (№ 22, Сталинградская обл.), «вколхози унас ничаво нидали» (№ 83, Воронежская обл.), «в колхозах живут неважно хлеба были плохие гот бил сырой» (№ 227, Вологодская обл.).

Из Тамбовской обл. в родительском письме подробное описано (в ответ на просьбу сына сообщить) сколько пришлось на трудодни: «ничего нам пока недоли можбыть додут, покилу либеды и по 200 грамм поцолнушков коренючиек разредили нам досталось 2 воза пока мы болше неслышим а возит нельзя то дождь то снег... ты пишишь за изго папану хотели судить за полторы везанки соломы он караулил трактора и вот Гаврюша дервеной подловил и грозит папани што посожу на три года...». Письмо завершалось просьбой «набирать мыла» (№ 250). Для данного письма особенно характерен «поток сознания», в целом присущий народным нарративам, который можно раздробить на сюжеты с помощью специального знака (/): «взяли... (перечисление, кого призвали в армию)/ а нязяли... (вновь перечисление)/если не дадут корма то у нас нехватит у нас корова с под телком/ ты сынок письмо шли почаше/ померли дед петруха.../ а у Андрея моторина 400 трудодней и получи он на них по полтора кила». Впрочем, этот «поток» по-своему строен и логичен, поскольку вращается вокруг темы жизни и смерти. Так в потоке коммуникативной памяти «проступала» культурная память.

Нередки и «миграционные настроения» с целью «заработать кусок хлеба», то есть стремление уехать из деревни. Встречались упоминания о благополучной жизни, но благополучие относительно.

Во-первых, опять-таки невелик уровень притязаний: «Усе здоровы хлеб есть одежа есть я выпиваю каждой день, работа в mine на сто» (№ 29, Орловская обл., письмо от брата); «пока живем ничево хлеб ест картошка ест так что пока ничево» (№41, Смоленская обл., от родителей); «мы живьем как жили ни лучше ни хуже в одном положении что хлеб пока ест и еще купили немного все думаем зиму провести» (№ 132, Воронежская обл., от родителей) и т.п. Особняком можно поставить письмо из Орловской обл., написанное женой красноармейца: «Я ездила умаску калимпиаду играть песни я недна ездила а 15 человек изколхоза

адинадцать баб и четыре мужика милай восичка дали нам заета 14 руб денег и бесплатный абед чего толька душа жилаить есть так что одним словом хорошо» (№ 81). Из него видно, как, конструируя новую колхозную идентичность, власть поддерживала и развивала фольклорные традиции, в буквальном смысле «прикармливая» народные таланты. Возможно, и из подобных событий тоже складывалось чувство гордости и отождествления себя с коллективом и властью [19].

Во-вторых, хорошие заработки – только у управленцев и механизаторов. Из Вологодской обл. сообщали: «мы живем хорошо но я работав летом... бригадиром тракторной бригады но заработал хорошо хлеба хватит... у меня тепер имеюца два поросенка своих одново скоро стану колот приежай скорее домой дак станем жарит свинину да вино пит... у нас тепер плохо что кое что иставаров нестало сахару нет табаку» (№ 211).

В-третьих, благополучие держалось главным образом благодаря приусадебному хозяйству. Брату из Кировской обл. писали: «... живем пока ещо не чево свиния и корова ест поросенок было кормили да зарезали на пут чистова мяса ему было 4 месеца ждем тебя домой» (№ 213). Лучше жили в семье красноармейца С.М. Тезиковка Пензенской обл. Брат сообщал брату: «живем хорошо насолили мяса пудо 20 зарезали 5 овец быка обминяли на телку в МТФ пуда 4 споловины зарезали и 2 поросенка та что мяса кушаем как хлеб... хлеб мы твой получили 24 пуда пшеницы хороший так что унас хлеба на 2 года хватит. Только нет пшена так что нам сичас живется ничево Вася обнас небиспокойся у нас скота пошло взиму корова и овца с двойнями так что мы этих думаем прокормить... проводили мы праздник михайлов день навсе сто... сичас пока снегу нет скот весь посется наволи лед замерз катаемся на коньках да косим камышь. В ызьбе унас тепло. Так что живется хорошо» (№ 169).

В связи с этим письмом заслуживает внимания вопрос о праздниках, которые отмечала деревня. Старые религиозные праздники по-прежнему отмечались в деревне. Более того, исследователями отмечается, что и ритм сельскохозяйственных работ в колхозах во многом зависел от религиозных праздников (а также базарных дней и ярмарок). Хотя под влиянием ряда обстоятельств, прежде всего ухудшения материального положения крестьян, а также официальной антирелигиозной пропаганды, происходило свёртывание и упрощение праздничного действия, праздники в их народном варианте соблюдались. Правда, религиозная составляющая деревенских праздников всё больше замещалась «гуляньем» с коллективными трапезами и возлияниями спиртного. При этом разные исследователи усматривают в данном поведении колхозников разные социальные смыслы: форму сопротивления власти [20], форму поддержания сельской солидарности [21], форму социального иммунитета [22]. Последние две формы, на наш взгляд, близки между собой, так как выражают способы социальной адаптации крестьянства к колхозной системе.

Поскольку письма, с которыми мы имеем дело, датированы периодом ноября-декабря 1939 г., на это время приходится (из тех, что упоминались как женщинами, так и мужчинами): очередная годовщина Октября, Михайлов день (19

ноября), «Никола-зимний» (19 декабря). «Октябрьский» праздник упоминался чаще. С ним поздравляли красноармейцев. В частности, поздравлял своего товарища с «прошедшим великим праздником» некто В. Дубинин из Воронежской обл., добавляя: «ты спрашиваешь чем я занимаюсь моя занятия вам товарищ известная колхозная, работал заправщиком... а сейчас в бригаде» (№ 50). Из Орловской обл. брат брату посылал «братский колодный Привет. Мы браток провожали Октябрьский Праздник очень хорошо благодарим за ваши границы как вы их держали» (№ 28). Из родительского («канонического») письма явствовало, что мать, получив письмо из действующей армии, «очень была рада и даже перекрестилась», но «октябриская» заслуживала того, ожидать к этому дню посылку от красноармейца (№ 250, Тамбовской обл.). Данный процесс постепенного приведения сфер взаимоотношений и взаимосвязей в общее русло канонов советских символов и ритуалов квалифицируется одними исследователями как «внутренняя советизация». В ходе его стандарты с пометкой «советские» входили в повседневность людей [23]. Другие склонны полагать, что до войны никакого реального процесса «советизации» крестьян не наблюдалось, в военные годы он был наиболее заметен среди крестьянских парней, воевавших в Красной Армии [24].

Пожалуй, у деревни были свои собственные «ритуалы витализации». Поэтому и на «Октябрьскую» – «гуляют», как на любой другой деревенский праздник, который сводится преимущественно к сытному и обильному (включая спиртное) застолью (как в упоминавшемся письме из Пензенской обл. в связи с Михайловым днем). Обращает на себя внимание, как расставлены приоритеты в еще одном письме (вновь от брата – брату): «До праздника у нас зерны были но сейчас мы их погрызли... праздник провели хорошо. Мяса мы купили 10 кг голову наварили студню. Пекли блинцы. И была так же водка. На октябрьскую революцию мы ходили с флагами. У клуба был митинг. Ну в общем провели хорошо» (№ 13, Воронежская обл.). А в письме из Пензенской обл. обращает на себя внимание новация советского времени, связанная со стахановским движением, – оценка того, как проведен традиционный праздник: «на все сто...» (имеются в виду 100 процентов).

Но не всегда из писем ясно, о каком празднике идет речь. Так, в Воронежской обл. в связи с тем, что «в колхозе хлеба заработали деньжонки пока есть для домашних расходов», «праздники празновили очинь хорошо и пили и ели» (№ 210).

В общем, «хорошая жизнь» для рядовых колхозников, женщин и стариков – «пока здоровы и не голодны», «в тепле и сыты». Это опыт выживания, который передается памятью и закладывается в память. Чего стоит, например, утверждение, что «унас хлеба на 2 года хватит». Просто память «размыта», «молчалива» и не артикулируется.

Однако в одном письме мы встречаемся с прямой актуализацией прошлого. Из Вологодской обл. родственник писал красноармейцу: «живем нехорошо особенно из-за работ большое отставанье в работах... очень мы довольны что вы пишете хорошо одеты и обуты и сыты это самое главное теперь видно никак бы-

ло в 19 году тогда пришлось хватить всего а теперь ровно бы и послужил только лишь в мирной обстановке» (№ 134).

Для мужчин, занимающих разного рода колхозные должности, понятие «хорошей жизни» не укладывалось уже в подобные узкие рамки. Брат писал красноармейцу: «я работаю табельщиком в колхозе и кассиром работаю уже дорогой месяц и рабтаю неплохо с первого дня овлодел свои дела работаю хорошо и провожу свою молодую жизнь весело хожу чисто как професар гуляю с учительницами» (№ 169, Пензенская обл.). Заметно стремление преодолеть социальную неполноценность, связанную с обрётённым званием «колхозника», повысить свой статус не только в глазах односельчан, но и за пределами деревни и – одновременно – желание подтвердить, что колхозная «жизнь стала веселее». Это было тем, что исследователи называют «зарядкой энергией повседневности», когда динамика воодушевления себя и других обеспечивала сильный эмоциональный подъем, сказывающийся и на повседневной деятельности людей [25]. В письме проявляется канон, который формировал «нового человека» – советского: идеального, здорового, дисциплинированного, идеологически выдержанного, соревнующегося в труде, проводящего свой досуг «культурно», работающего над собой – своим телом, мыслями и чувствами большей частью в рамках тех образцов, которые ему предлагались «сверху». «Культурность» подразумевала не только социально одобряемые речевые практики, но и «культурный», то есть нормативный литературный язык. Она предусматривала гигиену, еду и одежду, манеру общения. В целом речь шла о формировании особого стиля жизни и новой идентичности [26]. В то время как на 1000 работающих колхозников приходилось в 1939 г. лиц с высшим и средним образованием 17 человек [27], а общий образовательный уровень колхозников, включая колхозную верхушку, был невысоким, ценность образования, причём в качестве альтернативы крестьянскому труду и сельской жизни, в деревенской среде повышалась [28].

Материалы частной переписки периода советско-финской войны представляют память как явление многозначное и многослойное. В письмах отсутствует образ прошлого, который каким-то образом репрезентируется; в контексте переписки простых людей он скорее неуместен. Собственно, и ценность прошлого вряд ли осознается. Тем не менее, оно присутствует в письмах как традиция.

В ходе «социалистического наступления» 1930-х гг. основной удар государства был направлен на индивидуальное крестьянское хозяйство и традиционный уклад жизни сельского населения с целью «цивилизовать» его и сформировать новое, принципиально отличное от прежних, поколение крестьян-колхозников. Однако две составляющие модернизации – социально-экономическая, связанная с трансформацией производственных сил деревни, отношений собственности и социальной структуры, и социально-культурная, определяемая изменениями сознания и образа жизни, – расходились во времени в своём влиянии на деревенскую массу. Документы этого периода позволяют отметить позитивные изменения в деревне, связанные с механизацией трудового процесса; появлением нового типа работника аграрной сферы, способного достигнуть высокой производи-

тельности труда; развитием социальной инфраструктуры; повышением грамотности, ростом влияния радио, газет и кино, увеличением числа культурно-просветительных учреждений. В деревне складывалась подконтрольная власти культура. Однако традиционная сельская культура, вопреки свёртыванию и упрощению её обрядово-религиозной стороны, сохраняла своё ценностно-смысловое ядро, направленное на поддержание коллективной идентичности, социальных приёмов «жизни вместе». Довоенная деревня жила в мире взаимодействия и переплетения индивидуальных и коллективных практик, деревенской и городской, православной и светской, народной и массовой идеологизированной культуры.

1. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М., 2004; Кром М.М. Историческая антропология. СПб., 2010; Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти / пер. с англ. и нем; под общ. ред. и с предисл. С.В. Журавлева. М., 2010; Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010; Пушкарева Н.Л. К определению понятия «женская повседневность» // Повседневный мир советского человека 1920-1940-х гг.: сб. науч. ст. / ред.-сост.: Кричко Е.Ф., Хлынина Т.П. Ростов н/Д., 2009. С. 212-222; Сенявский А.С. Повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // Там же. С. 9-15.

2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995; Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005; Кром М.М. Указ. соч.; Пушкарева Н. «История повседневности» как направление исторических исследований. URL: http://www.perspektivy.info/history/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenie_istoricheskikh_issledovanij_2010-03-16.htm; Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 3-13.

3. Бойм С. Общие места. Мифология повседневной жизни. М., 2002. С. 11.

4. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социологос. Вып.1. Общество и сферы смысла. М., 1991. С. 17-23.

5. Людтке А. Что такое история повседневности? Её достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999. С. 95.

6. Бергер П., Лукман Т. Указ. соч.; Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1996; Лелеко В.Д. Социология повседневности // Культура на пороге III тысячелетия. СПб, 1999. С. 47-58.

7. Сенявский А.С. Указ. соч; Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека эпохи раннего тоталитаризма: от концептуального осмысления к жанру исторического комментария // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. С. 16-35.

8. Козлова Н.Н. Советские люди ...; Пушкарева Н. «История повседневности» как направление исторических исследований...

9. См.: Людтке А. Что такое история повседневности?... С. 94-95; Он же. История повседневности в Германии ... С. 74; Меньковский В.И. Повседневная жизнь СССР 1930-х гг. в постсоветской историографии // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. С. 36-42.

10. См. подробнее: История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. М., 2011; Кабытов

П.С., Леонтьева О.Б. Зенит «прекрасной эпохи»: сталинизм глазами американских историков // Американская русистика: Советский период. С.3-19; Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография: пер. с англ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.

11. Кип Дж., Литвин А. Указ. соч. С. 17-23, 101-112; Козлова Н.Н. Советские люди ... С. 59-63; Файджес Орландо. Частная жизнь в сталинской России: семейные нарративы, память и устная история // Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX – начало XX в.): межд. коллоквиум. Научные доклады. Санкт-Петербург, 25-28 июня 2007 г. СПб., 2007. С. 263-274.

12. Журавлёв С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1930-е годы // Социальная история. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 287-332; Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи (голоса из хора). М., 1996; Она же. Советские люди...; Коткин С. Говорить по-большевистски (из кн. «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация») // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001. С.250-328; Куромия Х. Сталинская «революция сверху» и народ // Свободная мысль. 1992. № 2. С. 93-96; Лебина Н.Б. Повседневность 1920–1930-х годов: «борьба с пережитками прошлого» // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1. М., 1997. С. 244-290; Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е годы. СПб., 2000; Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / отв. ред. А.К.Соколов. М., 1998; Резинко Д.Б. Советская идеология как фактор российской модернизации в XX веке. М., 2004; Российская повседневность 1921–1941 гг.: Новые подходы. СПб., 1995; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001; Хлынина Т.П. Указ. соч.

13. Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни. Ростов н/Д., 2005; Глумная М.Н. К характеристике колхозного социума 1930-х гг. (на материалах колхозов Европейского Севера России) // XX век и крестьянская Россия. Токио, 2005. С.265-285; Маннинг Р. Женщины советской деревни накануне Второй мировой войны // Отечественная история. 2001. № 5. С. 88-106; Мацузато К. Индивидуалистские коллективисты или коллективистские индивидуалисты? Новейшая историография по российским крестьянским общинам // Новый мир истории России. М., 2001. С. 189-201; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001.

14. Зензинов В.М. Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию 1939–1940 г. Нью-Йорк, 1944. Введение и комментарии С. 3-281; Тексты писем – С. 283-557. Далее в скобках указываются номера писем.

15. Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо». М., 1996. С. 3-21; Козлова Н.Н. Методология анализа человеческих документов // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 14-26.

16. Зензинов В.М. Встреча с Россией... С. 133.

17. Там же. С. 175.

18. Большевик. 1937. № 4. С.32.

19. См. об этом: За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма / под ред. М. Гейера и Ш. Фицпатрик; пер. с англ. М., 2011. С. 355-356.

20. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне ... С.231-233.

21. Глумная М.Н. Колхозы и власть на Европейском Севере России в 1920–1930-е гг. // Актуальные проблемы экономики и управления: теория и практика. Вологда, 2005. С.163-175.

22. Осокина Е.А. О социальном иммунитете, или Критический взгляд на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 387-406.

23. Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. М.,1999; Рольф М. Изучение сталинского государства пропаганды: культурные представления, обычаи и заимствования при сталинизме // История сталинизма: итоги и проблемы изучения... С. 414.

24. За рамками тоталитаризма ... С. 397 (авторы главы – Ш. Фицпатрик и А. Людтке).

25. Там же.

26. Волков В.В. Концепция культурности. 1935–1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1-2. С. 194-213; За рамками тоталитаризма. С. 424-427 (авторы главы – П.Фрицше и Й. Хелльбек); Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи. С. 155-196; Она же. Советские люди... С. 209-219; Кур-Королев К. Новый человек, или социальная инженерия при сталинизме: некролог по мечтам о новом человеке // История сталинизма: итоги и проблемы изучения... С. 373-377; Кухер К. Овладение досугом: отдых как составная часть сталинизма // Там же. С. 379-382; Фирсов Б.М. Советская и постсоветская культура в исторической динамике: модернизация и культурная дифференциация // Культуральные исследования: сб. научных работ. СПб., 2006. С. 34-40.

27. См.: Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967. С. 227. Для сравнения: в середине 1960-х гг. – 230 человек на 1000 работающих.

28. Шуваев К.М. Старая и новая деревня. М.,1937. С. 18-20; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне... С. 258-260.

ГДАНЬСК В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ МАРИАНА КОЛОДЗЕЯ

Мариан Колодзей – известный польский художник и сценограф XX в., творческий путь которого связан с Гданьском. Его работы недостаточно исследованы в Польше и практически неизвестны в России. М.Колодзей внес заметный вклад в развитие сценографии, его работы в этой области не просто иллюстрируют спектакли, но и представляют самостоятельную художественную ценность. Помимо сценографий к спектаклям как на польской, так и на зарубежной сцене, М.Колодзей известен как создатель серии рисунков по концлагерной проблематике, которые также были представлены за рубежом, в частности в Италии.

Ключевые слова: сценография, театр «Побережье», пространство сцены, паравербальный язык, мизансценирование, «Корабль костела», виртуальный образ, полисемантическая, картины-тексты.

Marian Kolodziej is a well-known Polish artist and scenographer of the XX c. His creative activity is closely connected with Gdan 'sk. The works of the artist have been insufficiently studied in Poland, and are practically unknown in Russia. M. Kolodziej contributed greatly to the development of scenography; his works not only illustrated various performances, but also were of a creative artistic value. Apart from his scenographic works for the Polish and the foreign stage, Kolodziej is famous for the series of pictures devoted to the concentration camps problems. The pictures were exhibited abroad as well, Italy included.

The keywords: scenography, theater «On the Seaboard», the space of the scene, non verbal language, mise-en-scene, «The Boat of the Church», virtual image, multisemantic, picture-text.

Мариан Колодзей (1921-2009) был художником с очень сложной судьбой. Он стал узником Аушвица в самом начале существования этого лагеря, прибыв туда с первым транспортом заключенных в 1940 г. Прибывшие получали номера с 31 по 758 [1, с.12], он был 432. Впоследствии его перемещали в другие лагеря на территории Германии. Освобожден он был 6 мая 1945 г. из австрийского лагеря Эбензее, филиала Маутхаузена. После освобождения он поступил на факультет сценографии Краковской академии изящных искусств, вначале обучался живописи, а потом, после третьего курса, специализировался в области сценографии. Подготовку он получил солидную, его учителем в области сценографии был профессор Кароль Фрыч, один из ведущих специалистов Польши в этой области. Обучение он закончил с отличием в 1950 г. [2, с.8].

В том же году М.Колодзей приехал в Гданьск и дебютировал там как сценограф в театре «Побережье». Свой приезд он считал возвращением, потому что перед Второй мировой войной ежегодно летом приезжал в Гданьск на отдых. С будущим директором театра Т. Рыбовским он познакомился, по его собственному утверждению, во время пребывания в Дахау, хотя эта информация не подтверждается в его концлагерных воспоминаниях [3]. И в 1950 г. Рыбовский пригласил его в Гданьск. М.Колодзей считал это приглашение одним из проявлений солидарности бывших заключенных и 6 ноября 1950 подписал договор с театром. Вероятно, это была реальная помощь, поскольку М.Колодзей сообщает, что сам он не смог бы написать ни в один театр письмо с просьбой о работе. Колодзей называл Гданьск «Портом жизни» [2, с.9].

Театр «Побережье», в котором начал и в течение всей жизни продолжал профессиональную деятельность М.Колодзей, был создан в 1946 г. и первоначально действовал под названием «Городской театр Побережье». Находился он в Гдыне, где располагал несколькими сценами, имел сцены в Гданьске и Сопоте, иными словами, это изначально был театр всего Трехградья. Хотя в первые послевоенные годы театр считался экспериментальным, с началом 50-х гг., после ухода его первого директора И.Галла, там, как и везде в Польше, начинал преобладать социалистический реализм. Типичным его примером считается постановка пьесы Л.Рыбарского на производственную тему «На верфи». Пластическое оформление к этому спектаклю, названное позднейшими критиками «веристским», готовил М.Колодзей.

Именно в Гданьске он, по его словам, нашел по окончании учебы все необходимое для молодого художника. Верность одному городу М.Колодзей местными условиями, в которых ему могла представиться возможность индивидуального поиска круга собственных партнеров и зрителей. Это была для него, как он отмечал, «захватывающая возможность поиска, включающего активное противодействие обязательному принципу в польском искусстве 50-х гг. – соцреализму» [4, с.1].

Современный сценограф зачастую заполняет не только сценическое, но и в целом театральное пространство, поскольку, организуя значение сцены, одновременно формирует взаимосвязь, взаимопроникновение сцены и зрительного зала. Помимо этого, сцену и зрительный зал объединяет и одновременно разделяет еще одно измерение – временное соотнесение сценического действия с реальным временем. В сценографии Колодзая эту функцию, в частности, выполнял один из часто повторяющихся элементов – часы, атрибут Времени в космическом значении этого слова. Часы фигурируют как в его сценографиях, так и на некоторых поздних рисунках.

Колодзей полагает, что собственное видение представил в своем третьем спектакле «Пансион пани Латтер», впервые на Побережье применив черный занавес для показа фрагментов, вместо прежних подробных декораций. Воздействовала на его работу и первоначальная подготовка художника, повлиявшая на восприятие пространства.

Свой первый художественный опыт М.Колодзей связывает с «Трагедией о богаче и Лазаре» Анонима Гданьского (постановка 1968 г.), представляющей интерпретацию библейского сюжета. В реальности к этому времени он обладал уже значительным опытом сценографии. Вероятно, при работе именно над этим спектаклем впервые проявился его индивидуальный, неповторимый почерк. С этого времени, в соответствии с особенностями сценографии спектакля, творчество М.Колодзая было принято считать «барочным». Сам же он наиболее близкий для себя способ художественного выражения видит в готике, условно понимая ее как квинтэссенцию средневековой религиозности с ее акцентом на страдании Христа и восприятии этого страдания. Ренессанс и барокко отличались, на его взгляд, большей театральностью, манерностью в интерпретации и в силу этого не совсем подходили для его целей.

М.Колодзей начал учиться языку, уже давно существовавшему в человеческой практике для выражения страдания, практически сразу после освобождения из концлагеря. Это был паравербальный язык искусства, и постичь его можно было в музеях и галереях. Он искал в них выражение боли и отчаяния, которое затем перемещал в опыт XX в. Можно было бы к источникам информации Колодзая добавить явное влияние распятий М. Грюневальда и поэмы Данте Алигьери «Божественная комедия», особенно ее первой части «Ад». Роль Вергилия, в поэме Данте проводника по подземному миру, в ряде рисунков отведена монаху-францисканцу Максимилиану Кольбе, пожертвовавшему свою жизнь ради спасения другого заключенного. Для Колодзая он становится внешним выражением совести, проводником уже на пути к Богу. Как в работах Колодзая, так и в статье-послесловии к одному из альбомов есть косвенные намеки также на альбом Б.Линке «Камни кричат», посвященный памяти уничтоженной нацистами Варшавы.

Что же касается понятия свободы художника, М.Колодзей находит его относительным, поскольку во времена господства соцреализма, как это ни покажется странным, он чувствовал себя более свободным, чем в посткоммунистической Польше начала 90-х гг. Политика власти этого периода ограничивала шансы на развитие культуры, недооценивая ее значение и не понимая значения культуры в широком смысле [4, с.1].

Сценография – это не только наука, но и искусство организации сцены и в целом театрального пространства. В XX в. она претерпела довольно существенные изменения, перестала быть простой иллюстрацией драматического текста. Она стала определять самую ситуацию высказывания, реализовать взаимодействие между текстом и пространством. Сценографию спектаклей, в том числе оперных, М.Колодзей рассматривал как смысловой универсум, который не повторяет текст и не иллюстрирует его, а позволяет как бы увидеть его изнутри. Это становится приближением зрителя к действию, иными словами «открытием» пространства и умножением точек зрения с целью преодолеть застывшее восприятие, распределить публику вокруг, а иногда и внутри театрального представления.

Сценография Колодзая – это динамичный и многофункциональный элемент театрального представления. Основой сценографии становится именно пространство и его ритмическое значение. В таком случае искусство мизансценирования – это искусство проецирования в пространстве того, что по разным причинам не может найти отражения во времени. Сценография оказывается живым организмом, подвластным времени, музыкальному темпу, вариациям света. В этих условиях сценограф становится автономным в своем стремлении выразить указанное соотношение, он может теперь внести собственный вклад в сценическое решение спектакля, дополнить режиссерскую интерпретацию экспрессивностью пластического воображения. По мнению критиков, Колодзая было близким художественное понимание сценографии, он создавал на сцене барочные картины с доработанными деталями, часто пользовался художественным цитированием, являлся сторонником самовыражения [5, с. 9-10]. Он считал, что форма, находящаяся в пределах взгляда, должна иметь человеческое измерение [2, с. 8]

Его пластическое воображение было настолько экспрессивным, что могло изменить интерпретацию спектакля, создать свое видение, независимое от режиссерского. Критиками эта особенность воспринималась по-разному.

Занимался он в Гданьске и другими видами работ, в частности в 80-е гг. сотрудничал с костелом. Большую известность принесла ему сценография папского алтаря в Гданьске-Заспе в июне 1987 г., во время визита Иоанна Павла II в Польшу. Там он проектировал «Корабль костела». Его алтарь-парусник с рулевым Папой считается наиболее оригинальным алтарем из всех ста остановок Святого Отца во время этого визита. Именно там Папа отслужил знаменитую гданьскую мессу. В 1999 г., во время второго визита Папы, Колодзей создал алтарь на сопотском ипподроме, на этот раз в кашубской художественной традиции.

В 1990-1991 гг. в Гданьске состоялась его выставка «Колодзей в масштабе 1:20», посвященная 40-летней годовщине его работы в театре и включавшая сценографические проекты, технические зарисовки костюмов и декораций. М.Колодзей в подобных выставках обычно не видел смысла, поскольку считал, что эффект сценографии может проявляться исключительно во время спектакля, а сами по себе зарисовки не передают сценической пластики. Главную и практически единственную постоянную задачу сценографа Колодзей видел в пластическом раскрытии сценического пространства, с учетом зрителя и того эффекта, который производит спектакль [4, с.3]. Исключением, как он полагал, и являлась выставка «Колодзей в масштабе 1:20», где представлены мысли об искусстве и о человеке, оформленные в виде рисунка. Наиболее полное выражение эти идеи нашли в рисунках М.Колодзая на темы концлагеря, выполненных после тяжелой болезни 1992 г.

Колодзей попрощался со сценой Театра «Побережье» в Гданьске в ноябре 2000 г. выставкой «Случилось со мной в Гданьске. Альбом зарисовок старого сценографа. Второй акт с эпилогом», открытой в фойе театра в перерывах между спектаклями и представленной фотографиями и сценографическими проектами.

В 2001 году на гданьской сцене режиссер К.Бабицкий поставил «Трагедию о богаче и Лазаре» со сценографией Колодзая. Этот спектакль, открывающий публике подлинного Колодзая-сценографа, оказывается и завершающим его театральную деятельность.

Однако в реальности жизнь и творчество М.Колодзая оказываются не полностью ориентированными только на Гданьск. В результате тяжелой болезни в 1992 г. произошло изменение направленности его творчества. Процесс выздоровления сопровождался созданием серии рисунков, отражающих его пребывание в концлагере Аушвиц. Колодзей, как он утверждает, «вернулся к Освенциму», начал рисовать, первоначально исключительно в борьбе за собственную жизнь. Концлагерная мотивация, таким образом, повторилась в новых условиях, он снова работал ради своего спасения, ради восстановления хотя бы относительной подвижности. Рисование оказалось для этой цели наиболее подходящим занятием. Имеется несколько изданий работ М. Колодзая [6; 7; 8].

С течением времени, по мере облегчения процесса рисования, мотивация творчества М.Колодзая изменилась и в конечном итоге трансформировались в его расчет с собственной совестью. Еще в концлагерные времена Колодзей мысленно обещал узникам Аушвица (в частности, актеру С.Ярачу) рассказать людям об этом лагере. Одновременно это было и его собственным освобождением от лагеря через проекцию последнего на художественное творчество. Всю эту работу, создание серии рисунков, он воспринимал, как письмо к самому себе спустя годы. Он старался восстановить и привести в порядок свои прежние впечатления от прошлого, в процессе рисования возвращаясь к восприятию подростка, воспитанного на католических и харцерских идеалах.

Он не столько отображал личные переживания, сколько создавал виртуальный образ всего лагеря через его составные элементы, формируя некий вариант голограммы. В соответствии с законами сценографии, авторские впечатления от концлагеря, его последующий опыт и история искусства перемежались, создавая цикл – поток сознания. М.Колодзая было важно, чтобы то, что он рисует о прошлом, было понятным сегодня. В результате создавался универсальный герменевтический круг, в котором личность художника отнюдь не означала его отстраненности. Колодзей одновременно находился и вне, и внутри исследуемого пространства, представлял не просто в качестве автора, он был постоянным участником изображаемых событий, и везде в этом случае на изображениях фигурировал его лагерный номер – 432.

В своем творчестве Колодзей стремился к тому, чтобы его рисунки, утратив дословность, все же оставались близкими к фотографиям по точности передачи происходившего и одновременно были бы настолько экспрессивными, чтобы зритель смог разглядеть за нейтральной по видимости формой выражение внутреннего переживания художника. Этой цели прежде всего послужил двойной автопортрет, показывающий два лица одного человека, лагерного заключенного и пожилого человека, современника художника. Этот двойной автопортрет неоднократно повторялся в меняющемся контексте и создавал впечатление одновре-

менного функционирования разных пластов подсознания. Символ в его работах, как в сценографии, так и в рисунке, соединяет разрозненные, в том числе и за счет их одновременности, пласты социально-культурного опыта автора. Подобный двойной смысл он в бытность свою сценографом искал в общем постановочном пространстве и в работах «людей сцены», а затем перенес в рисунок.

Лагерный автопортрет Колодзей считал маскировкой себя истинного, интерпретируя подчеркнуто пустой взгляд как элемент самозащиты, атрибут отстраненности. Это был, по его словам, испытанный прием утаивания, сокрытия одного в другом, к которому Колодзей часто прибегал в концлагере. Ситуация концлагеря ставила под сомнение идентичность заключенного, создавала угрозу ее потери, самая жизнь становилась притворством, что, по мнению Колодзея, было наиболее трагичным. Существенно более открытым представлен портрет пожилого человека, на котором притворство отсутствует, лицо отображает мудрость бесконечно усталого человека. Общая черта этих работ – показ отчуждения человека от привычной связи поколений, деформация времени. Поэтому, хотя на первый взгляд корректировке подлежало только представление о смерти, на практике это означало и уточнение понятия жизни через соотнесение с ее отрицанием, даже с последствиями этого отрицания – бессмертием или забвением.

Деформированная реальность концлагеря требовала для своего выражения и иного измерения. В числе своих источников для изобразительного решения проблемы Колодзей называл А. Дюрера, Г. Мемлинга. На их полотнах, как он признавал, позы и жесты людей были театральными, но для Колодзея именно условность изображения оказалась универсальным экстралингвистическим выражением страдания, попыткой передать непередаваемое.

Память его – это преодоление прошлого, причем не за счет вытеснения, а при помощи трансформации, переложения на язык образов. В памяти Колодзея Аушвиц остается как лагерь уничтожения, где опасность постоянна, меняется только ее облик. Колокол на лагерном апель-плацу, ритуальный атрибут ежедневной переклички, также постоянно повторяется в рисунках Колодзея. Апель из ежедневного рутинного события зачастую мог превратиться в очередную селекцию, присутствовать при которой обязаны были все. Появлявшиеся там люди оказывались заранее приговоренными к исчезновению. Колодзей оценивал этот колокольный звон как призыв на Страшный суд.

М.Колодзей, по словам маршала сейма Я.Козловского, принадлежал к тому поколению художников, которое создало культуру Побережья. Деятельность Колодзея была неоднократно отмечена артистическими, региональными и государственными наградами. В частности, за совокупность художественного творчества Городской Совет Гданьска 18 сентября 1997 г. наградил его титулом Почетного Гражданина. В знак этого в дом, где жил художник, была передана копия гданьского стула как атрибута города. Всего он получил более 20 наград разного уровня, в том числе орден Кавалерский Крест Возрождения Польши (1967). Трижды он был награжден Польским министерством культуры.

Последняя прижизненная выставка работ М.Колодзей была открыта в Зеленой Брамме – отделении Национального музея Гданьска – в 2009 г.

Попытка осмысления пережитого предпринята Колодзеем спустя годы, когда стало возможным говорить о хотя бы частичной, за счет прошедших лет, дистанцированности его от пережитого. Речь здесь идет о тексте в универсальном, экстралингвистическом смысле, о тексте как внутреннем переживании. Проблема пространства и времени в работах Колодзей тесно связана с его биографией, когда груз и опыт прожитых лет не смогли даже немного пригасить трагизм пережитого. Это находит в его творчестве разнообразное выражение. За внешне однозначными изображениями у Колодзей всегда существует второй план, та самая многозначность лагерного, а позднее сценического пространства, к которой он стремился и в своей сценографии.

В первую очередь это достигается за счет отказа от дословности, которая препятствует полисемантической образности, уничтожает ее. Он все время настаивает на знаках-символах, которыми оперирует, стремясь при помощи условного языка ранних эпох стать максимально понятным современному зрителю. Колодзей употребляет термин «знак-символ», вероятно, потому, что в его рисунках осуществляется постоянный переход от одного значения к другому, от конкретности знака к универсальности символа, от адресата к адресанту. Что же касается смыслов, в основном они двойственны, а это в каждом конкретном случае позволяет множественность толкований.

Свои работы поэтому он называет не картинами, а текстами, выполненными языком символов, знаковая интерпретация восприятия реальности постепенно приобретает у него универсальный характер за счет изменения контекста при использовании одного и того же обозначения.

Эпизодически он сотрудничал с другими театрами Польши, в частности с Национальным театром Варшавы. Колодзей работал с разными режиссерами – в музыкальном театре в Гдыне, готовил сценографию к спектаклям на зарубежной сцене – в Брно, Тампере, Хельсинки, Гамбурге, Лионе, на Мартинике. Но постоянным местом работы в течение всей творческой жизни Колодзей все же оставался Гданьск. Там он создал около 200 сценографий, выработал собственное художественное видение мира.

Тысячелетие Гданьска М.Колодзей отметил в 1997 г. выставкой «Кто есть кто в театре Мариана Колодзей» – показанными в ратуше Старого города карикатурами известных жителей Гданьска [2, с.9].

В жизни М.Колодзей гданьский период является самым протяженным, но эта протяженность заполнена параллельно сохранявшимися впечатлениями более раннего периода. Многие его сценографические работы отсылают к лагерному периоду, а рисунки концлагерной тематики аксиологически обращены к харцерским идеалам ранней юности, практике сценографии. В конечном итоге можно говорить о своеобразном инобытии автора, при котором конкретное место его пребывания не носит определяющего характера. Жизнь и творчество М.Колодзей пространственно расходятся. В течение практически всей жизни подсознательно

он не расставался с концлагерем. Его прах покоится во францисканском монастыре Харменже в нескольких километрах от Аушвица.

1. Strzelecka J. Pierwsi Polacy w KL Auschwitz //Zeszyty Oświęcimskie. № 18. S.12.
2. Интервью с М.Колодзем. M.Brand, R.Radwański. W tym mieście odnalazłem siebie //City magazine. Listopad 2000. S.8.
3. Oświadczenie – 160. S.1-64. Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau w Oświęcimiu. Dział Archiwum. Oświęcim /Kołodziej/ 3561 №180775.
4. Jęsiak Anna. W światłach rampy //Dziennik Bałtycki. 22.03.1991. N 69.S. 1.
5. Wendrychowska M. Forma owarta. Szkic o plastyce teatralnej Mariana Kołodzieja //Kołodziej w skali 1:20, katalog wystawy w Muzeum Opatów, Gdańsk 1990. S. 9-10
6. Labirynty Mariana Kołodzieja. Stała wystawa Mariana Kołodzieja – Oświęcim-Harmęże. Wydawnictwo Diecezji Pelplinskiej Bernardinum Zakon oo. Franciszkanów (OF-MConv.). Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. Pelplin- Oświęcim, 2003.
7. Labirynty Mariana Kołodzieja. Przejście 2. Gdańsk, 2009.
8. Pod kreską: Mariana Kołodzieja portret własny. Gdańsk, 2005.

**ОБРАЗ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ
В ПОСЛЕВОЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ
(НА ПРИМЕРЕ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В статье анализируется образ немецко-фашистского врага, который был значим для освобожденных от оккупации советских регионов, они испытывали экономические трудности и попали под влияние нацистской пропаганды. Упор в советской пропаганде делался на демонстрацию конкретных злодеяний оккупантов. За счет этого канализировалось недовольство населения условиями быта.

Приведены данные о сочувствии новгородцев к военнопленным. Причины этого партийные работники видели в недостаточной идеологической работе. Поэтому областной системе пропаганды предписывалось создавать и поддерживать образ врага. С военнопленными также велась антифашистская пропагандистская работа. Анализируются лекции на тему злодеяний немецко-фашистских захватчиков, наглядная агитация, публикации воспоминаний фронтовиков и угнанных в рабство новгородцев. Подробно разбираются типичные тексты областных и районных газет, а также освещение прессы открытого процесса над нацистскими преступниками в Новгороде в 1947 г.

Ключевые слова: *оккупация, Германия, фашизм, пропаганда, СССР, Вторая мировая война.*

The article deals with the image of the German-fascist enemy which was important for the Soviet regions liberated from the occupation as they experienced economic difficulties and the influence of Nazi propaganda. The Soviet propaganda campaign placed emphasis on the demonstration of occupiers' definite crimes. Due to this citizens' discontent with living conditions was canalized.

The article also gives facts of Novgorodians' sympathy for prisoners of war. The reasons for it, to party officials' mind, was an apparent lack of ideological work. That is why the regional party officials were instructed to create and maintain the image of the enemy. Moreover, prisoners also experienced the influence of anti-fascist propaganda.

Lectures on the atrocities the Nazis, visual propaganda, published memoirs of soldiers and Novgorodians dragooned into Germany are analyzed in the article.

Typical articles of regional and local newspapers as well as the press coverage of the open trial of Nazi war criminals in Novgorod in 1947 are examined in detail.

The keywords: *occupation, Germany, fascism, propaganda, the Soviet Union, World War II*

Середина XX в. с ее сложной внешнеполитической обстановкой оказалась для советской пропаганды периодом смены идеологем. Чтобы и после победного окончания Великой Отечественной войны адекватно выполнять диктуемые государством пропагандистские задачи, СМИ должны были вовремя менять свою систему приоритетов в изображении «врагов» и «друзей» соответственно курсу внешней политики СССР.

На завершающем этапе Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы основной враг был представлен немецко-фашистскими оккупантами. Это позволяло пропагандистам интерпретировать экономические трудности как последствия оккупации и как временные меры по укреплению обороны страны.

«Образ врага» – идеологическое выражение общественного антагонизма, динамический символ враждебных государству и гражданину сил, инструмент политики правящей группы общества. Образ врага являлся важнейшим элементом «психологической войны», представляющей собой целенаправленное и планомерное использование политическими противниками пропаганды в числе прочих средств давления для прямого или косвенного воздействия на мнения, настроения, чувства и поведение противника, союзников и своего населения с целью заставить их действовать в удобных правительству направлениях [1].

После освобождения территории Новгородской области от гитлеровцев в ней шло активное создание пропагандистских материалов о немецко-фашистских захватчиках. Так, в 1944 году в списке основных задач районного радиовещания значилось: «усилить политическую заостренность передаваемого материала, сильнее разжигать ненависть к врагу» [2]. Это был основной мотив военной пропаганды, шла информационная война с противником. Эти тексты вдохновляли на победу, обращались к патриотическим чувствам.

И в послевоенной пропаганде также активно использовался образ немецко-фашистского врага. Особенно это проявлялось в главной теме послевоенной печати – восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства. У аудитории, которая могла быть недовольной послевоенной разрухой, активно формировалось представление, что в бытовых трудностях виноваты оккупанты. Особенно актуальным такое идеологическое подчеркивание было для регионов СССР, находившихся под немецко-фашистской оккупацией долгое время и попавших под влияние антисоветской нацистской пропаганды.

После победы в Великой Отечественной войне акцент ставился не на формирование ненависти к Германии, а на демонстрацию конкретных злодеяний.

Кроме того, послевоенное создание образа немецко-фашистского врага могло быть своеобразной превентивной мерой на антисоветскую деятельность немецких агентов. Их разыскивали и арестовывали даже в 1950-х гг.: «В 1951 году за активную работу в пользу немецкой разведки арестовано 7 агентов-пропагандистов, пять из них из одного немецкого контрразведывательного органа так называемого «НОРД» [3].

В контексте формирования негативного образа оккупантов следует проследить взаимоотношения новгородцев и военнопленных. Последних в какой-то

степени можно отнести к населению Новгородской области, так как они проживали в лагерях значительную часть послевоенного периода (немцы до конца 1940-х гг., а испанцы до 1954 г.), вступали в контакты с местными гражданами, участвовали в работах по восстановлению хозяйства.

Хоть официальная советская идеология рисовала немецко-фашистских захватчиков как однозначных врагов, новгородцы порой относились к заключенным солдатам и офицерам вермахта с долей сочувствия, что можно отнести к особенностям русского менталитета.

Это сочувствие отмечал зав. сектором пропаганды обкома ВКП(б) И. Н. Кузьмин в своей докладной записке секретарю обкома И.Т. Иванкину от 30.01.1945 года (подчеркнем, что речь идет о военном времени): «Ослабление бдительности и отсутствие массовой работы привели к тому, что рабочие [Окуловского комбината – Д.А.] смотрят на немцев, как на равноправных работников. Имеются случаи обмена вещей между пленными и рабочими. Наблюдались случаи, когда отдельные работницы вступали в беседу с немцами по частным вопросам. Старый производственник Соснин в день своего рождения не отказался принять от группы военнопленных в качестве подарка трость и письменное поздравление. Большинство рабочих называет немцев товарищами (по-немецки), не понимая значения этого слова, а военнопленные называют наших людей товарищами по-русски. Такие разговоры не встречают должного отпора со стороны руководства комбината и командования лагеря» [4].

Помимо этого, в записке приводились факты лояльности к немецким военнопленным и со стороны руководства комбината и командования лагеря – то есть тех людей, которые, в принципе, и должны были бы всецело поддерживать советскую пропаганду и ее линию по созданию образа врага. Согласно их решению, немецкие военнопленные принимали участие в культурно-массовых мероприятиях (то есть сферы, сопряженной с идеологией): «Богданова 2 декабря 1944 года провела платный вечер танцев с участием в оркестре немецких военнопленных. Ее инициатива была одобрена директором комбината тов. Трушкиным и секретарем партбюро тов. Егоровым. <...> После первого вечера Богданова хотела провести молодежный вечер 10-го декабря, также с участием военнопленных» [5].

В докладной записке указан и вовсе парадоксальный факт, показывающий, что начальство лагеря и комбината порой благоволило военнопленным до такой степени, что это критиковалось населением. Например, проведение импровизированного парада с оркестром: «25-го декабря [1944 года – Д.А.] начальник отделения лагеря военнопленных майор государственной безопасности тов. Башмаков по разрешению тов. Трушкина получил клубный оркестр, для того, чтобы военнопленные могли «культурно» отметить немецкое рождество. В этот же день колонна военнопленных (около 400 солдат и офицеров), возглавляемая Башмаковым прошла с духовым оркестром по улице поселка Парахино от лагеря до госпиталя (2 квартала), что вызвало справедливое нареkanie со стороны населения» [6].

В Боровичском лагере военнопленных значительная часть работников лазарета – женщины: «Время от времени между военнопленными и работниками лагерной администрации складывались неформальные отношения. Понятно, что любые романы между ними рассматривались администрацией лагеря как серьезное нарушение дисциплины» [7].

Причины лояльного отношения к военнопленным Обком ВКП (б) видел в непоследовательной пропагандистской работе: «Райком ВКП(б) перед прибытием группы военнопленных на комбинат провел совещание с представителями командования лагеря и руководства бумажного комбината «О постановке партийной работы в связи с прибытием военнопленных». Позднее проводились рабочие собрания, ставились доклады о повышении бдительности, рабочие инструктировались о том, как им следует вести себя по отношению к пленным. Но вся эта работа носила кампанейский эпизодический характер, с момента прибытия военнопленных почти прекратилось» [8]. Таким образом, партийные органы пресекали общение военнопленных и советских граждан, сочувствие мешало идеологической кампании по созданию образа немецко-фашистского врага.

С самими военнопленными также велась широкая пропагандистская работа. Об антифашистской и социалистической агитации среди военнопленных, в том числе испанцев (солдаты «Голубой дивизии»), свидетельствуют планы, которые регулярно получал начальник управления МВД по Новгородской области.

Так в плане работы Боровичского лагеря военнопленных на март-апрель 1950 г. значились следующие мероприятия:

«А) Оборудовать клуб, оформив его наглядной агитацией на испанском языке. Б) Оформить наглядной агитацией жилые помещения и создать в каждом из них уголки культурного отдыха. В) Оборудовать помещение для библиотеки и комнаты-читальни. Г) Оборудовать доску показателей социалистического соревнования» [9].

Военнопленным регулярно читались лекции на темы: «Советская избирательная система – самая демократическая в мире», «СССР в авангарде борьбы за мир», «Провал плана Маршалла» в странах Западной Европы», «Испанские патриоты в борьбе с франкистским режимом», «Как советский народ построил социализм», «Страны народной демократии на пути к построению социализма» [10].

Стоит отметить, что в результате плана Маршалла экономика европейских стран оправилась от последствий войны быстрее, чем этого можно было ожидать. Вероятно, что военнопленные (т.е. граждане Западной Европы, где этот план и действовал) могли не доверять критике плана советскими пропагандистами, поэтому их работа должна была быть максимально эффективной.

Согласно плану работы лагеря, среди военнопленных также предполагалось сформировать актив и через него организовать работу политкружков, разработав тематику занятий. Политкружки должны были собираться раз в неделю на два часа. В газетах и журналах было необходимо подбирать наиболее актуальные политические статьи и организовывать групповые читки [11].

Идеологическая обработка военнопленных и интернированных была важной составной частью работы советской администрации с ними. Также определенное внимание уделялось и культурно-просветительной работе. Так, в одном из пунктов плана предлагалось: «избрать редколлегии и организовать выпуск стенгазет, создать кружок художественной самодеятельности и подготовить несколько концертов, организовать демонстрацию кинофильмов по графику политотдела» [12]. Отметим, что методы и формы пропаганды для военнопленных схожи с теми, которые использовались для советских граждан.

Одновременно с антифашистской агитацией среди военнопленных велась полномасштабная работа по созданию у новгородцев образа врага в виде немецко-фашистского оккупанта.

В районах читались доклады на темы: «Злодеяния немцев на оккупированной ими территории» [13], «Зверства немецко-фашистских извергов в лагере на Майданеке» [15], «Звериное лицо врага вскрытое в ходе войны» [14], «Немецкие захватчики – исконные враги советского народа» [15], «Варварские злодеяния немцев в Новгородской области» [17], «Последствия немецкой оккупации в нашем районе (для освобожденных районов)» [18] и подобные. В докладах часто использовалась негативная лексика: «варвары», «звери», «изверги». Таким образом, аудитории, помимо фактов, предлагалась и готовая эмоциональная оценка оккупации со стороны советской власти. Доклады о немецко-фашистских оккупантах часто перемежались докладами, прославляющими советский строй, что позволяло достичь эффекта контраста.

Внимание уделялось и наглядной агитации, в том числе – обустройству выставок о злодеяниях оккупантов. Так, в «Докладной записке о состоянии массово-политической работы в Чудовском районе» (1945 год) значилось: «В работе парткабинета РК правильно используется местный материал, характеризующий оккупацию Чудовского района немецко-фашистскими захватчиками. Альбом «Не забудем, не простим» составлен на местном материале, а потому он доходчив и убедителен, необходимо его продолжить материалом, характеризующим борьбу трудящихся Чудовского района с немецкими захватчиками» [19].

Важным считалось использование на выставках фотографий о злодеяниях оккупантов: «В организованной выставке «Грузино в прошлом и настоящем» хорошо отражена ее первая часть, через фото-снимки, и отсутствие фотоснимков во второй части делает ее бледной и не интересной. Необходимо организовать фотографирование Грузино в настоящее время и дать эту часть выставки также ярко, как и первую и выставка будет больше достигать своей цели, так как показ разрушений, нанесенных Грузино будет вызывать законное чувство ненависти к разрушителям этого исторического и культурного памятника» [20].

В Новгородской области издавались книги и брошюры, рассказывающие о Великой Отечественной войне и немецко-фашистской оккупации. В плане книги «Битва за Новгород» значилось: «Литературная форма – сборник статей, материалов, документов исторического значения, рисующих прошлое Новгорода, чудовищные злодеяния немецко-фашистских захватчиков городе и области. <...> Акт

о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Новгороде, акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городах и селах Новгородской области, рассказы новгородцев, подвергавшихся истязаниям и пыткам со стороны фашистских захватчиков, письма, документы новгородцев из немецкого рабства» [21].

Налицо методичный подход к формированию образа врага: факты и цифры официальных документов размещались вместе с эмоциональными рассказами непосредственных участников событий. Таким образом, оказывалось воздействие и на рассудок аудитории, и на ее чувства.

Победа 1945 г. изменила систему идеологических приоритетов областных СМИ, и в последующие годы образ немецко-фашистского врага в районных газетах и на районном радиовещании упоминался лишь в контексте материалов о восстановлении народного хозяйства и праздниках (23 февраля, 9 мая, годовщина освобождения района и т.д.). отошли от фронтовой тематики и газеты предприятий («многотиражки»). В деловой переписке партийных органов с редакциями газет районного уровня также почти прекратилось упоминание материалов о немецко-фашистской оккупации.

Но, хотя количество публикаций об оккупантах в послевоенной районной прессе и сократилось, их качество возросло. Рассмотрим эту тенденцию на примере статьи «В неволе» [22] газеты Поддорского района «Большевицкое знамя» от 21 октября 1945 г. Текст основан на интервью (литературно обработанном) с репатриированными советскими гражданами, рассказывающими во всех деталях об угоне их в Германию и работе там.

Негативный образ немецко-фашистских захватчиков предстал в статье уже с первых строк: «в избу ввалились немецкие солдаты и на ломаном русском языке забормотали: «Рус, собирайсь. Скоро собирайсь... Два часа собирайсь». Их жадные глаза по-волчьи обшаривали стены, углы... В который раз? Куда собираться, зачем – мы не знали. Но сердце билось тревожно, страх вызывал мелкую частую дрожь. Охраняемые хорошо вооруженными немецкими палачами мы пошли в неведомый путь. Прощай Родина!...». Отметим оборот «по-волчьи» – сравнение немцев со зверями – это частый прием в прессе послевоенного времени [23].

Немцы изображались в тексте крайне жестокими – даже по отношению к детям: «К плачущим детям применялись такие меры воздействия, до каких не может додуматься здравомыслящий человек, сердцу которого доступно родительское чувство: детей «переводили» в другие вагоны, отдельно от родителей, а по дороге эти вагоны отцеплялись...» [24].

Сама Германия в тексте характеризовалась очень негативно: «прибыли в страну, где изобретались мучения людей, рождалось и расползалось по Европе зло – проклятую Германию»; «Изверги чувствовали себя развязно: ведь они находились на той земле, откуда ползли фашистские орды, чтобы покорить весь мир, они находились в стране, где получали специальность заплечных дел мастеров, грабителей, детоубийц» [25]. Выразалась суть и более кратко: «Родина человеческого позора – Германия» [26].

Несомненный интерес представляет собой характеристика немецкой пропаганды. Вот как оценивалась печать: «Ежедневно с астрономической точностью нам доставлялись выпускаемые газеты – отравы, которой рассчитывали убить в нас любовь к Отечеству» [27].

Более подробно и жестко интервьюируемые отзывались о немецкой кинопропаганде (это было актуально, ведь некоторые новгородские колхозники скупали по бесплатным немецким кинопоказам [28]), дезавуируя ее: «Международными разбойниками устраивались для жертв кровавого фашистского разгула не только тиранства, но и «увеселительные мероприятия». Ограбленных, оставленных в лохмотьях людей кинооператоры заснимали на кинопленку, а потом эти фильмы демонстрировались. Тупоумные немцы смотрели на эти вымышленные картины, где показывалось по выражению грабителей, «большевицкое богатство», с восхищением. Изнуренных непосильным трудом мучеников сгоняли насильно смотреть эти фильмы. Что может быть омерзительнее, когда бандиты показывают результаты своего «труда» жертве, которая ими обречена на медленную мученическую смерть?» [29].

Немцы постоянно сравнивались с животными: «Вдоль остановившегося поезда громко стучали кованые немецкие сапоги и слышалась хрипая, похожая на лай простудившейся собаки, речь. Останавливаясь около вагонов конвоиры подавали на кончиках штыков жалкое подобие хлеба – скудный невольничий паек. Двулапые звери при этих процедурах неимоверно гиккали».

В тексте также упоминалось, что и сами немцы относились к советским гражданам, как к животным: «Для всех нас было одно имя: рус швайн» [31] [т.е. «русская свинья» – Д.А], «с нами обращались как с животными» [32].

Возникла сложная пропагандистская схема: немцы назывались животными за то, что они относятся к людям, как к животным.

В тексте подробно охарактеризован неприглядный быт немецкого рабства. Это было актуально, так как некоторые советские граждане хвалили германские бытовые условия.

Описывалась отвратительная еда: «Кормили очень плохо. Двести граммов какого-то хлеба, – если можно назвать это хлебом, – да пять сот граммов «супа», приготовленного из разных гнилых отходов. Не гнушались варить лягушачью икру» [33]. Впрочем, после этой фразы шло честное пояснение о военных трудностях в самой Германии: «Да чего они могли давать нам, если их солдаты получали по три картофелины в день» [34].

Представлены были и сами подневольные работы: «Принуждали работать по 14-16 часов в сутки. На подземных работах был установлен двенадцатичасовой день. Падающих от бессилия били без всякой пощады» [35].

Подробно перечислялись нарушения норм международного гуманитарного права в обращении с советскими гражданами: «Между нами и военнопленными не было никакой разницы в обращении. За малейшую провинность нас отправляли в «полосатые» [36]. По тексту, с «полосатыми» обращались очень жестоко, травили собаками, смертность была крайне высокой.

Немцы также упоминались как палачи, грабители, детоубийцы, разбойники, вандалы. Согласно тексту, они очень трусливы в своей сущности: «Вчерашние заплечных дел мастера, палачи, получившие от фюрера за жестокость и кровожадность награды стали смиренными как овечки. Куда отлетела фашистская храбрость! Фрау и прочая нечисть смотрели на вчерашние жертвы заискивающе. Их пугала неминуемая расплата за все их злодеяния, страдания, муки, слезы, кровь. Они корчились под колкими, прожигающими взглядами освободителей и освобожденных» [37]. Отметим употребление нейтрального немецкого слова «фрау» [т.е. «женщина» – Д.А.] в негативном контексте, под ним явно подразумевались нацисты. Одновременно с этим были случаи, когда новгородцы называли словом «фрау» репатриированных граждан [38]. Текст как бы учил употреблять это слово по отношению к немцам.

Подводя итог, можно сказать, что статья «В неволе» [39] являлась качественным пропагандистским текстом, базировавшимся на интервью с репатриированными гражданами этого же района – то есть документальным подтверждением советских идеологов. В тексте не только рисовался негативный образ немецко-фашистских захватчиков, но и критиковались бытовые условия проживания в Германии, а также изображались мучения угнанных в немецкое рабство советских людей. Это было важно, так как репатриированных новгородцев их соседи обвиняли в пособничестве нацистам: «В Селищенском с/совете репатрируемых наз. «власовцы», на доску почета имени лучших людей не заносят, не отражают хорошую работу в стенгазетах» [40].

Публикации о немецко-фашистских захватчиках регулярно (к концу 1940-х гг. объем текстов сокращается) проходили на страницах единственной областной газеты «Новгородская правда». Ценность этого информационного канала для формирования у населения образа врага была крайне высока, так как газета не имела местной печатной альтернативы, была официальным органом Новгородского обкома, размещала материалы об областных, союзных и международных событиях, публиковала материалы центральной «Правды», ТАСС, районных газет, тезисы докладов для агитаторов.

В материалах газеты, посвященных восстановлению Новгородской области, поступки оккупантов часто и явно противопоставлялись деятельности советских строителей и реставраторов.

Так, очерк «На Нередицком холме» посвящен храму Спас-Нередица (Спас-Преображение) и построен по схеме: подробное описание идеального состояния памятника до войны – разрушение памятника немцами – его реставрация. Очень эмоционально дана картина разрушений: «Побывайте сейчас на Нередицком холме. Дико и пустынно стало здесь. Не видно плакучих ив, сада, вместо древнего неповторимого памятника – груды развалин. Спас-Нередица превращена немцами в руины» [41]. Но советская власть начала восстановительные работы: «Над остатками каменных церковных стен, расписанных новгородскими мастерами, рабочие под руководством ученых навели огромный деревянный шатер. Как ценнейшие реликвии хранит наше советское государство развалины храма

Преображения с остатками фресок, имеющих мировую известность» [42]. Налицо явный контраст: довоенная идиллия сменилась развалинами. Образ виновников разрушений в очерке давался опосредованно, через их поступки, сами оккупанты практически не имели негативных характеристик (за исключением «разбойников»). Тем не менее художественность очерка (особый темп повествования, широкое использование литературных приемов и прямой речи) имела большое эмоциональное воздействие. К тому же очерк базировался на документах и свидетельствах очевидца, автор обращался тем самым к разуму читателя. У аудитории формировался негативный образ немецко-фашистских оккупантов, расхищающих и уничтожающих национальное достояние в противовес советской власти, реставрирующей подобные памятники.

Газета «Новгородская правда» регулярно информировала аудиторию о ходе Нюрнбергского процесса, публиковала речи обвинителей, протоколы допросов, комментарии. Как правило, это были не материалы авторов газеты, а сообщения корреспондентов ТАСС. Тем не менее публиковались и новгородские материалы о процессе. Таков, например, рассказ «Ненависть» [43]. Его начало очень эмоционально: «Ненависть! Кто из нас ее не испытал за эти годы ожесточенной битвы с врагом. В каком русском сердце не вспыхивала она ярким пламенем при виде сожженных гитлеровскими бандитами дотла деревень, незасеянных полей, разрушенных до основания городов. <...> И вот сейчас, облеченные высоким доверием всего прогрессивного человечества, судьи международного трибунала в Нюрнберге вершат правый и святой суд над кровавой бандой невиданных еще в истории преступников. Вот они, пронумерованные, посаженные на скамью подсудимых, по какой-то роковой ошибке природы получившие при рождении человеческий облик. Не люди это! Звери!» [44].

В этом вступлении содержался основной посыл текста: немецко-фашистских захватчиков (как уже отмечалось выше, они прямо сравнивались с животными: «звери!», «обезумевшего зверя» и т.д.) ждет справедливая кара. Далее этот тезис иллюстрировался в тексте конкретным их злодеянием. А именно – новгородский колхозник Степан Радионов вспоминал убийство семилетней внучки: «ничего не пощадили немецкие ироды – ни ее глаз, ни ее волос, ни ее молодости» [45].

Негативный образ немецко-фашистских захватчиков складывался и посредством публикаций воспоминаний фронтовиков, в них они представляли злыми, упорными до безумия, но неудачливыми в военном отношении. Характерна мемуарная статья «Победный путь» [46] Героя Советского Союза А. Горева, в ней были такие характеристики германских войск: «злой враг предпринимал атаку за атакой, чтобы сбросить нас в воду»; «вместо одного разбитого танка озлобленный враг посылал две бронированные машины, делая последние потуги, но все попытки его оказались безуспешными»; «гитлеровцы яростно цеплялись за каждый дом, за каждый квартал, прятались в метро, но отовсюду их выкуривали»; «сзади еще сопротивлялись разрозненные группы обезумевших фашистов».

Особый вклад в формирование образа врага вносили материалы о жизни в оккупированных населенных пунктах. На документальных примерах, высказы-

ваниях очевидцев они изображали неприглядный быт населения, рисовали атмосферу террора и страха. Это было актуально, ведь часть граждан, согласно донесениям МГБ, сравнивали немецкую власть и советскую в пользу первой, а также критически относились к колхозам. Пропагандисты старались преломить эти настроения.

Типична в этом отношении статья «Путь к счастью» [47], в которой рассказывалось об оккупации одноименного колхоза: «Горе, великое горе, пришло в этот тихий, приветливый край. По распростертой дороге движется нескончаемый темно-зеленый поток. Немцы! Дико гогоча, со свистом и воем проносятся они на окованных в броню машинах мимо пылающих деревенских домов. Трещат автоматные очереди, фырчат моторы и среди этого многообразного шума тонет тихое пощелкивание фотоаппаратов – то снимаются на фоне пожара «покорители Европы» [48].

Стоит обратить внимание на специфику создания образа врага в тексте: оккупанты изображались как нечто агрессивно шумное: «дико гогоча», «со свистом и воем», «трещат автоматные очереди», «фырчат моторы», «пощелкивание фотоаппаратов».

Далее в тексте шло художественное описание встречи оккупантов и колхозников: «С ненавистью смотрели старики на самодовольные лица немецких солдат. Один конный немец, придержав лошадь, крикнул крестьянам: «Вихансдорф?», но мгновенно что-то вспомнив, выхватил из полевой сумки книжку и с трудом спросил: «Как свать деревня?» Василий Федотов ответил немцу: «Это колхоз «Путь к счастью» [49].

Статья подталкивала читателя к идеологическому противопоставлению мирных стариков сожженной деревни и «самодовольных» немцев-поджигателей. Далее в тексте этот контраст усиливался, участники событий как бы менялись местами: «Поросли бурьяном могилы незадачливых «завоевателей» и кто знает, где получил заслуженную пулю тот любопытный немец, что интересовался названием сожженных деревень... На том же месте, по берегам мелководной речки Черной, раскинулась заново отстроенная деревня. Это колхоз «Путь к счастью» [50].

Таким образом, текст объяснял – кто виноват в разрушении народного хозяйства и подводил читателя к идее справедливого возмездия за злодеяния оккупации (сожженная деревня – «заслуженная пуля»).

Статья содержала и негативную характеристику режима оккупации со стороны свидетеля событий Василия Федотова: «Вы спрашиваете, о жизни при немцах, – говорит он. – А скажите, как при них можно жить, если они всю деревню спалили, все наше добро по ветру пустили? О жизни ли здесь говорить? ...Наша деревня ждала всей душой Красную Армию, 20 наших односельчан ушли тогда в партизаны. И еще запишите, что вороги не смогли никого угнать из нашей деревни в неметчину, что все население, рискуя быть расстрелянным, ушло от угона в леса, скрывалось в партизанском лагере» [51]. Таким образом, оккупанты изображались поджигателями, разорителями, желающими угнать население на работы в Германию и жестоко карающими за отказ.

Иногда «Новгородская правда» помещала рядом на полосе (полосах) несколько материалов на одну и ту же тему конкретных злодеяний немецко-фашистских оккупантов. Как правило, это были публикации в разных стилях и жанрах, но дополнявшие и усиливающие пропагандистский эффект друг друга.

Например, об одном событии – обнаружении массовых захоронений у деревни Жестяная Горка – рассказывали два материала, сверстанные рядом [52].

Первый – «Новые факты злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории Новгородской области» – представлял собой сухие выдержки из отчета Новгородской специальной комиссии по установлению и обнаружению злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Новгородской области: «Смерть граждан в количестве 3.700 человек, трупы которых обнаружены в ямах-могилах около деревни Жестяная Горка и деревни Черное – насильственные и последовали от полученных ими тяжелых смертельных телесных повреждений, сквозных огнестрельных пулевых ранений головы, шеи, груди, повреждений головы тупыми тяжелыми предметами и остро-режущим и рубящим оружием» [53]. То есть аудитория получала документально заверенные факты с конкретными фамилиями и могла их анализировать сама. Или прочитать их трактовку во втором материале.

Второй материал полосы, «Жертвы Жестяной Горки», представлял собой развернутое и экспрессивное мнение о событии: «Кто они, безвинные жертвы фашистского террора? 16-ти летние юноши и девушки, взрослые мужчины и женщины, старики, беременные женщины и матери грудных детей! Самые лучшие представители Батецкого, Лужского, Оредежского, Чудовского, Новгородского и других районов. Мужественно пошли они на мученическую смерть, но не склонили свои головы перед врагом, не стали предателями своего народа, своей Родины» [54]. Риторический вопрос, восклицания, особая лексика («мужественно», «мученическую») усиливали эмоциональную составляющую текста.

Контрастно подчеркивались как безвинность жертв, мученический характер их смерти, так и жестокость оккупантов: «Кто совершал эти преступления? Люди, потерявшие всякий человеческий облик, убийцы, выдрессированные в профессиональных школах гестапо, взбесившиеся от животного страха перед грядущим возмездием. И всеми действиями непосредственных исполнителей преступлений руководили оккупационные власти, генералы гитлеровской армии, получавшие директивы из ставки немецкого командования – от самого фюрера» [55].

Публикации о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков у деревни Жестяная Горка были призваны морально подготовить новгородскую аудиторию к открытому процессу над оккупантами, выступить катализатором общественного интереса. Сам процесс, проходивший в декабре 1947 г. в Новгороде, также отслеживался «Новгородской правдой» во всех подробностях.

Кроме того публикация документов (например, обвинительного заключения) перемежалась эмоциональными репортажами корреспондентов, рисовавших крайне непривлекательный образ немецко-фашистских захватчиков.

Вот как они назывались в рамках только одной статьи: «озверевшие фашистские выкормыши», «убийцы и насильники», «фашистские варвары», «изверги»,

«немецко-фашистские мерзавцы», «матерые гитлеровские разбойники» [56]. Для формирования негативного образа редакция использовала даже описание внешности подсудимых: «Исподлобья, маленькими заплывшими глазами смотрит куда-то в сторону Рупперхт Фридрих, когда председательствующий, читая обвинительное заключение, раскрывает его зверства. Этот баварец с массивными челюстями гориллы полностью воплотил в своем физическом и нравственном облике известное желание Гитлера – видеть в каждом немце дикого зверя. И он таким был на самом деле» [57].

На примере обвиняемого генерала Курта Герцога (отдавшего приказ по разборке памятника «Тысячелетие России») в статье «Грабитель в генеральском мундире» «Новгородская правда» анализировала значение понятия «фашистские варвары»: «В свое время Гитлер упорно вбивал в головы немцев, что совесть, честность, культура – пустые понятия для человека «избранной арийской расы». Он твердил: «Мы – варвары и мы хотим быть варварами. Это почетное звание». И гитлеровцы были такими варварами. Для них ничего не стоило убить десятки, сотни, тысячи ни в чем неповинных людей, сжечь десятки тысяч сел и городов, предать разрушению выдающиеся памятники мировой культуры». Налицо четкая характеристика всей немецко-фашистской армии как армии варваров, убийц, грабителей, мародеров.

Всего в «Новгородской правде» с 7 по 21 декабря 1947 г. об открытом процессе в Новгороде вышло десять объемных статей с шестью карикатурами на подсудимых. Все они, как и сам процесс, были направлены на формирование негативного образа немецко-фашистской оккупации у советского населения. В целом население Новгорода поддержало обвинение: «УМГБ подробно информировало центр о настроении населения в ходе заседаний, и, в частности, отмечало, что подавляющее большинство положительно реагирует на процесс, выражая удовлетворение деятельностью органов советской власти, сумевшей разыскать преступников среди массы военнопленных» [58].

С началом «холодной войны» между СССР и англо-американским блоком в статьях «Новгородской правды» авторы публикаций исподволь стали сравнивать немецко-фашистских захватчиков и англо-американских империалистов [59].

К примеру, в большой статье «Уроки истории» [60], приуроченной к восьмилетней годовщине нападения Германии на СССР, история Великой Отечественной войны трактовалась с позиции «холодной войны»: «Казалось, не было силы, которая могла бы остановить черные армии фашистов. <...> Британский империализм, оказавшийся в самом начале войны хищником с выкрошенными зубами, отступал по всей линии – в Европе, Африке, Азии, не будучи в силах показать агрессорам какого-либо сопротивления, несмотря на поддержку Соединенных Штатов Америки» [61]. То есть текст создавал два крайне негативных образа: «черные армии фашизма», хотевшие поработить весь мир, и абсолютно бессильные (саркастичное сравнение с дряхлым хищником) на деле Великобритания и США.

Само нападение Германии на СССР статья также увязывала с англо-американским блоком: «Подлые, неизменные чувства проявили виднейшие

идеологи англосаксонского империализма в день нападения Германии на Советский Союз. <...> Они лишь рассчитывали отсидеться, а может быть и получить свою долю добычи, мечтая о том, чтобы германский агрессор хоть на время насытился таким огромным «куском», как Россия» [62]. То есть, по тексту, фашистская Германия и англо-американский блок были единодушны в желании уничтожить СССР. Только англо-американский блок делал это чужими руками.

В конце статьи автор прямо объединил бывших врагов (Германию и Японию) и бывших друзей СССР (английские и американские союзники) в одно целое: «Заправила англо-американского бизнеса мечтают о том, чтобы в союзе со своими недавними противниками – милитаристами Германии и Японии – начать новую войну за установление мирового господства. Но мировое господство США и Англии – такая же опасная и несбыточная мечта, каким было стремление к мировому господству Гитлера, Муссолини и Тодзио» [63]. Таким образом, автор четко ставил знак равенства между целями фашистской Германии, США и Англии, намекал на их поражение в грядущей войне.

Можно сделать вывод, что пропагандистские материалы о внешнеполитической ситуации неизменно эксплуатировали фактор страха, планомерно формировали образ врага, что способствовало объединению граждан перед лицом общей угрозы, ускорению восстановления хозяйства (как ресурса обороны), поддержке существующей власти (как уже доказавшей свою победоносность во всех войнах). Образ врага использовался и как некий громоотвод, способ канализировать недовольство населения.

1. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945-1954 гг. М., 1999. С. 3.
2. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (далее – ГАНИНО). Ф. 260. Оп. 1. Д. 128. Л. 8.
3. Архив управления ФСБ по Новгородской области (далее – АУФСБНО). Ф.9. Оп. 27. Д.5. Л. 318.
4. ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 2. Д. 284. Л. 131.
5. Там же.
6. Там же. Л. 130.
7. Ковалев. Б.Н. Испанские военнопленные в Боровичском лагере // Чело: альманах. 2009. № 1 (43). С. 32.
8. ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 2. Д. 284. Л. 129.
9. Цит. по: Ковалев. Б.Н. Указ. соч.
10. Там же. С. 33.
11. Там же.
12. Там же.
13. ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 119. Л. 10.
14. Там же. Л. 18.
15. Там же. Д. 32. Л. 26.
16. Там же. Л. 26.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же. Оп. 2. Д. 284. Л. 139.

20. Там же.
21. Там же. Оп. 1. Д. 112. Л. 53.
22. Там же. Оп. 3. Д. 295. Л. 16.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же. Оп. 2. Д. 284. Л. 26.
29. Там же. Оп. 3. Д. 295. Л. 16.
30. Там же.
31. Там же.
32. Там же.
33. Там же.
34. Там же.
35. Там же.
36. Там же.
37. Там же.
38. Там же. Оп. 2. Д. 284. Л. 38.
39. Там же. Оп. 3. Д. 295. Л. 16.
40. Там же. Оп. 2. Д. 284. Л. 38.
41. Новгородская правда. 1945. № 161 (202), 28 октября. С. 3.
42. Там же.
43. Там же. № 193 (234), 25 декабря. С. 2.
44. Там же.
45. Там же.
46. Новгородская правда. 1947. № 232 (745), 23 ноября. С. 2.
47. Там же. 1945. № 164 (205), 3 ноября. С. 3.
48. Там же.
49. Там же.
50. Там же.
51. Там же.
52. Там же. 1947. № 239 (752), 3 декабря. С. 2.
53. Там же.
54. Там же.
55. Там же.
56. Там же. № 242 (755), 9 декабря. С. 3.
57. Там же.
58. Там же. № 246 (759), 14 декабря. С. 2.
59. Юшкевич В.В. Участие органов госбезопасности в подготовке и проведении открытых судебных процессов над нацистскими военными преступниками // Исторические чтения на Лубянке, 2001 год : отечественные спецслужбы в послевоенные годы 1945-1953 гг. М. ; Великий Новгород, 2002. С. 81.
60. Новгородская правда. 1949. № 121 (1151), 22 июня. С. 2.
61. Там же.
62. Там же.
63. Там же.

ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

УДК 159.95

Т.В.Разина

МЕТАСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ МОТИВАЦИИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Теоретически обоснована и доказана необходимость и возможность применения метакогнитивного подхода к построению модели и исследованию мотивации научной деятельности. Представлена и подробно описана теоретическая модель мотивации научной деятельности в виде системы «мотивация-деятельность» со встроенным метасистемным уровнем.

Ключевые слова: *деятельность, метакогнитивный подход, метасистемный уровень, мотивация, рефлексия, система.*

In the article we are show abilities, necessity, and theoretical foundation metacognition approach to the creation model of motivation scientific effort and it investigations. We are afford and get detailed observed model of motivation scientific effort as the system «motivation-activity» with installation metasystem level.

The keywords: *key words and phrases: metacognition approach, metasystem level, motivation, reflection, system*

В связи с нарастающими глобальными процессами изменений в обществе, в том числе в сфере научной деятельности и научного производства, на фоне постоянной потребности в научных кадрах проблема мотивации научной деятельности остается актуальной как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях. Несмотря на огромный вклад отечественных и зарубежных ученых в исследование мотивации научной деятельности, многие вопросы остаются не до конца решенными. Это связано в первую очередь с большой сложностью самой проблемы мотивации и необходимостью выхода на новый теоретический уровень ее рассмотрения. Основная теоретическая проблема состоит в поиске методологических оснований для соотнесения феноменов внутренней, субъективной, психической реальности с внешними коррелятами. В отечественной психологии подобной методологической базой выступал принцип единства сознания и деятельности, а также системный подход. Однако необходима теоретическая модель,

которая бы позволяла связать воедино оказавшиеся разделенными мотивацию и деятельность.

На сегодняшний день в области теоретических и экспериментальных исследований мотивационно-потребностной сферы личности накопилось довольно большое количество проблемных вопросов. В первую очередь, существует большое число конкурирующих, взаимоисключающих или пересекающихся теорий мотивации, что зачастую затрудняет конструктивный диалог исследователей, занимающихся данным вопросом, мешает выработке общей позиции и единого взгляда на исследуемые вопросы. Были сделаны попытки обобщения теорий мотивации в работах Г.Хекхаузена, А.Маслоу, Е.В.Сидоренко, Д. Барбуто, Р.Сколл и др. Тем не менее при подобном обобщении получаемая модель обладает высокой степенью абстракции, а следовательно, возникают трудности с организацией эмпирических исследований. Большинство известных теорий мотивации, созданных в зарубежной психологии, хоть и отличаются комплексностью и системностью, но, тем не менее не связаны с деятельностью, существуют как бы в отрыве от внешнего, объективного пласта, что сильно ограничивает возможности их применения.

Несмотря на указанное многообразие общих теорий мотивации, на сегодняшний день существует потребность в новых подходах исследования мотивации в профессиональной деятельности и в научной деятельности в частности. Существующие модели мотивации научной деятельности либо отличаются чрезмерной конкретностью и сугубой эмпиричностью (модели Ф.Эндрюса, А.Молля, Д.Пельца, М.А.Рорбаха), умозрительностью (модели Р.Мерчисона, Ж.-Ф. Ле Ни), либо, наоборот, предельно абстрактны (модели Д.Б.Богоявленской, А.А.Налчаджяна, М.Г.Ярошевского), что затрудняет их использование в практических целях (в том числе для создания диагностических методик).

В отечественной психологии в течение многих лет формировались и развивались деятельностные школы и подходы известными корифеями отечественной психологии А.Н.Леонтьевым, Б.Ф.Ломовым, В.В.Давыдовым, П.Я.Гальпериным, В.Д.Шадриковым. Тем не менее в их рамках, как правило, речь шла не о целостном системном образовании – мотивации, а об отдельных мотивах, обслуживающих деятельность. При этом, как высказывал обоснованное мнение В.К.Вилюнас, недопустимо отождествлять мотивацию и мотивы или сводить мотивацию к сумме наличествующих мотивов. Мотивация очень сложное образование и может быть представлена как одна из подсистем на одном из уровней в структуре психики. Сама мотивация также может быть представлена как система, а ее элементами будут выступать отдельные мотивы. При этом согласно общим положениям теории систем, которые сформулировали в своих работах Р.Л.Акофф, П.К.Анохин, Л.фон Берталанффи, И.В.Блауберг, В.А.Лекторский, А.А.Малиновский, В.Н.Садовский, А.И.Уёмов, Г.П.Щедровицкий, У.Р.Эшби, Э.Г.Юдин и др., и системному подходу в психологии, который развивали Б.Г.Ананьев, А.В.Брушлинский, В.П.Кузьмин, Б.Ф.Ломов, В.С.Мерлин, система

не сводится к сумме ее элементов и не описывается через свойства ее элементов она приобретает системные качества.

Поскольку мотивацию необходимо рассматривать в неразрывном единстве с деятельностью, а это явления разной (внешней и внутренней) природы, то для реализации этой цели необходимо использовать системный подход, методологию которого активно разрабатывали и применяют сейчас отечественные психологи В.А.Ганзен, А.В.Карпов, А.А.Крылов, В.Г.Суходольский, В.Д.Шадриков и др. Если представить мотивацию и деятельность как систему, имеющую определенную структуру и уровни, то это позволит преодолеть методологический разрыв в исследовании двух явлений внутренней и внешней природы.

Для системы «мотивация – деятельность» необходимо интегрирующее, координирующее и управляющее начало более высокого уровня. Согласно объективным научным результатам, полученным в многочисленных теоретических и экспериментальных работах А.В.Карпова, выполненных в русле метасистемного подхода, таким регулятором выступает рефлексия (как процесс и как индивидуальное качество субъекта). В своих исследованиях Е.В.Карпова доказала, что мотивация учебной деятельности также является особой системой со встроенным метасистемным уровнем. Мы можем предположить, что подобный метасистемный уровень необходим и в других мотивационных системах, в частности в системе мотивации научной деятельности.

Помимо внутренней субъективной реальности, как отмечал М.Г.Ярошевский, имеются еще и внешние координаты научного творчества – «социальная» и «предметно-историческая» [1], и никакое явление психики не может быть понято вне контекста этих измерений. Особенно это справедливо для такого психического процесса, как мотивация. В работах М.Г.Ярошевского, А.А.Налчаджяна эта проблема была обозначена и сформулирована. Вопрос о том, как внешние, социальные и исторические факторы преломляются через структуру психики и как воздействуют на ее уровни и подсистемы, имеет фундаментальное значение для психологической науки.

Целью данной работы является теоретическое обоснование и описание возможностей применения метасистемного подхода в анализе мотивации научной деятельности. Результатом будет построение модели системы «мотивация-деятельность» со встроенным метасистемным уровнем.

Методологической основой и исходной теоретической базой для нас явились существующие в отечественной психологии концепции о структурно-уровневой организации психических процессов, структурно-уровневая теория деятельности, системный подход.

Огромный вклад в становление системного подхода в психологии и структурно-уровневой теории деятельности внес В.Д.Шадриков, который вводит понятие **психологической системы деятельности** (далее ПСД). Данная концепция является методологической основой психологического изучения профессиональной деятельности, отражая принципы системности, психической активности человека, ее предметности и изменчивости.

Согласно концепции В.Д.Шадрикова ПСД состоит из следующих функциональных блоков [2]:

- 1) мотивы деятельности;
- 2) цели деятельности;
- 3) программы деятельности;
- 4) информационная основа деятельности;
- 5) принятия решения;
- 6) подсистема деятельностно важных качеств.

ПСД формируется на основе индивидуальных качеств человека, которые в процессе формирования ПСД изменяются (личность формируется в деятельности). Характер этих изменений обуславливают мотивы деятельности, цели и условия.

Процесс образования профессиональной деятельности, трансформации любой деятельности в профессиональную подробно изучен В.Д.Шадриковым и получил название системогенеза профессиональной деятельности. Этот процесс протекает на протяжении многих лет и неразрывно связан со становлением личности человека как профессионала, следовательно, огромную роль в этом играют процессы становления и трансформации мотивов деятельности.

При этом мы видим, что в рассмотренной системе деятельности имеется четкий вектор: мотивы – цели. Мотивация же в рассматриваемую систему не попадает, относится не столько к деятельности, сколько к личности. В итоге получается парадоксальная ситуация: деятельность оторвана от мотивации, от личности, а следовательно, и от возможности ее метакогнитивного регулирования.

В рамках метасистемного подхода А.В.Карпова данный разрыв можно преодолеть. Подобная работа уже была проделана Е.В.Карповой в отношении мотивации учебной деятельности. Мотивация может быть представлена нами как система, элементами которой являются отдельные мотивы. Система мотивации, в свою очередь, объединяется с системой деятельности, образуя единую систему «мотивация-деятельность» Интегратором и регулятором функционирования данной системы выступает рефлексия как процесс метасистемного уровня психики.

Чтобы ответить на вопрос, может ли рефлексия управлять системой «мотивация-деятельность», необходимо рассмотреть мотивацию и рефлексию в едином пространстве.

За основу мы берем структурно-уровневую модель психики, предложенную А.В.Карповым [3]. Данная модель позволяет расположить в одном пространстве интересующую нас мотивацию научной деятельности и проследить ее структурно-уровневые отношения с другими элементами психики (таблица 1).

Структурно-уровневая модель психики, предложенная А.В.Карповым

Высший		Рефлексия как средство реализации метасистемного уровня и как результат этого уровня.
Средний	Макро	Рефлексия дифференцируется на операционные и функциональные механизмы.
	Мезо	Интегральные психические процессы (метакогнитивные и метарегулятивные).
	Микро	Основные психические процессы: когнитивные, эмоциональные, волевые, мотивационные.
Низший		Совокупность психофизиологических функций – онтологическая основа, база, для формирования психических процессов.

Согласно данной модели, мотивация находится на среднем уровне (в его рамках на первом, «микро» подуровне) и является первичным процессом, обуславливающим начало деятельности, ее энергетическое сопровождение, ее осуществление и результат. Третичные процессы высшего уровня, собственно рефлексивные процессы, обеспечивают контроль и управление низлежащими уровнями (в том числе и контроль мотивационного уровня). Без данного рефлексивного контроля невозможна саморегуляция процесса научной деятельности. Если бы такого контроля не существовало, то научная деятельность осуществлялась бы весьма спорадически, время от времени с низким коэффициентом полезного действия. Тем не менее, поскольку этого не происходит и научная деятельность в массе своей осуществляется целенаправленно, произвольно, систематически (хотя, известно, что в среде ученых имеются как более продуктивные, так и менее продуктивные), можно предположить наличие указанных процессов контроля и управления мотивационными процессами со стороны рефлексии.

Воздействие и контроль мотивации со стороны рефлексии не вызывает сомнений ни на теоретическом, ни на прикладном уровнях. Рефлексия, являясь метакогнитивным механизмом, трансформирует свои «операнды» (предмет на который направлена), а ее предметом являются первичные психические процессы, в том числе и мотивация. Управляя мотивацией, рефлексия тем самым управляет и деятельностью.

Поскольку рефлексивность выступает как индивидуальное качество субъекта, оно, безусловно, имеет большую значимость в профессиональной деятельности. Исследования А.В.Карпова показали ее большое значение в «субъект-субъектных» видах деятельности (управленческой, организационной, педагогической, административной и др.). Мы можем предположить, что не меньшую важность рефлексия играет и в профессиональной деятельности ученого. Несмотря на то что научную деятельность нельзя отнести к категории «субъект-субъектных», в работах А.В.Карпова показано, что по отношению к интеллектуальной деятельности в целом индивидуальная мера рефлексивности определяет степень развитости и процессуальной развернутости метакогнитивных механизмов и средств регуляции этой деятельности, что является одним из важных ре-

сурсов интеллекта как такового. Научная деятельность без сомнения относится к интеллектуальной, но также и включает элементы «субъект-субъектной» деятельности. Помимо этого мы предполагаем, что рефлексия будет играть решающее значение в регуляции мотивации научной деятельности, тем самым обеспечивая ее метасистемный контроль. Это в свою очередь будет обуславливать успешность и результативность научной деятельности.

Успешность – совокупность объективных профессиональных достижений человека в своей личной истории и субъективное переживание их как успеха – удовлетворенности, признание их таковыми.

Результативность – совокупность объективных профессиональных действий и их материально выраженных итогов на определенном отрезке времени в сравнении с субъектами, выполняющими аналогичную деятельность. Предполагает рассмотрение как межличностного, так и исторического аспектов.

Мы считаем, что для эффективной организации и осуществления научной деятельности недостаточно только высокого интеллекта, творческих способностей или даже изначально высокой мотивации. Необходима целостная система «мотивация-деятельность» и возможность ее метакогнитивной регуляции. Мы считаем, что чем в большей степени развита и представлена его метакогнитивная регулятивная структура в структуре личности в целом, тем успешнее в своей деятельности ученый. Если эта структура не сформирована в достаточной степени к началу самостоятельной научной деятельности, то сложно предсказать ее успех и эффективность.

Если на теоретическом уровне вопрос о том, что рефлексия контролирует и регулирует мотивационный уровень психики решен, то в эмпирической плане нас интересует то, как именно ученые контролируют свои мотивационные процессы, какими способами, приемами, как это связано с общим уровнем рефлексивности. Иными словами – может ли ученый путем рефлексивной регуляции настроить себя на научную работу и получить высокий результат либо такое возможно только в процессе неконтролируемого даже на метакогнитивном уровне вдохновения, инсайта.

Однако необходимо ответить на вопрос: если по каким-то причинам рефлексивная регуляция у субъекта оказалась недостаточно развита (в силу изначально слабой функциональных механизмов или в силу недостаточной развитости операциональных механизмов), способен ли ученый в ходе своей профессиональной деятельности компенсировать и развить способность к рефлексивной регуляции всех уровней психики, в том числе и мотивационного уровня.

Нам более близки взгляды Р. Перкинс и Б. Саломон, которые считают, что метакогнитивные навыки могут быть сформированы на базе какой-либо области знаний, в которой субъект достаточно компетентен. Таким образом, мы можем допустить, что даже если метакогнитивные навыки по каким-либо причинам не сформировались к началу или даже к концу юношеского периода (к моменту окончания вуза и поступлению в аспирантуру), то в процессе аспирантского обучения на базе формирования научной деятельности и ее стиля

возможно и формирование метакогнитивных способностей. Те же авторы считают, что для достижения наивысшего уровня профессионализации в какой-либо области необходим метакогнитивный контроль за ходом решения профессиональных задач. Если продолжить эту мысль, то метакогнитивный контроль необходим также и не только на когнитивном, интеллектуальном уровне, но и на личностном, мотивационном, – без метакогнитивного контроля как ближних, так и дальних целей, а следовательно, и мотивов, приводящих к их постановке, невозможно достигнуть наивысшего уровня профессионализации. Логично предположить, что не только тактические и стратегические мотивы-цели и их метакогнитивный контроль необходимы для формирования профессионала наивысшего уровня. Мы можем предположить, что такой контроль нужен не только при решении отдельных, жестко локализованных задач, но и в отношении построения всего профессионального жизненного пути личности, стратегий профессионализации, постановки предельных жизненных целей и выбора путей, способов и средств их достижения.

Мотивация – это система, причем система динамическая, поэтому мотивация – это в первую очередь процесс, процесс, неразрывно связанный с деятельностью. Являясь единой и неделимой системой, мотивация тем не менее способна согласованно и одновременно обслуживать деятельность как на уровне ее отдельных фрагментов (тактический уровень), так и на уровне целостных эпизодов (стратегический уровень), а также на уровне жизни отдельно взятого индивида вообще (личностно-исторический или смысложизненный уровень). Возможно, есть еще и социально-исторический уровень как некая атмосфера эпохи, которая обуславливает общее направление и характер деятельности людей (например, мотивационные эффекты в СССР под действием общей идеологии и пропаганды). Безусловно, только внутри уровня мотивации подобная координирующая функция невозможна. Ее выполняет рефлексия как внешний, по отношению к мотивации, мета-уровень. Поскольку субъекты отличаются по уровню рефлексивности, то данная задача контроля будет выполняться с разной степенью успешности. Как пишет А.В.Карпов, «Метакогнитивно одаренный субъект может правильно оценить, насколько удовлетворительно решена та или иная проблема, определить приоритетные жизненные задачи таким образом, что последовательное их решение будет способствовать его наилучшей адаптации» [4]. Оценив имеющиеся мотивы или их сочетание как неадаптивное и препятствующее поставленным целям в изменившихся условиях, субъект может изменить ее.

Можно предположить, что согласно структурно-уровневой теории деятельности, разрабатываемой А.В.Карповым, пять подуровней (ситуационный – детерминистский – репродуктивный – эвристический – вероятностный) в составе инфрадеятельностного уровня будут соотноситься не только с когнитивными и личностными структурами, но и с типами мотивации следующим образом (таблица 2):

Модель системы «мотивация-деятельность»

<i>Подуровни в системе деятельности</i>	<i>Тип мотива научной деятельности</i>
ситуационный	ситуативный
детерминистский	формально-символический
репродуктивный	славы и службистский
эвристический	ценностный
вероятностный	идентификационный

При этом, как мы уже указывали выше, данная система не могла бы согласованно и целенаправленно функционировать, если бы отсутствовала рефлексивная регуляция. Продолжая теоретические и методологические взгляды А.В.Карпова, Е.В.Карповой, мы будем рассматривать систему «мотивация-деятельность» как систему со встроенным метасистемным уровнем. С учетом вышесказанного система «мотивация-деятельность» может иметь следующий вид (таблица 3):

Таблица 3

Модель системы «мотивация-деятельность» со встроенным метасистемным уровнем

Рефлексия (мета-уровень)	
↓	↓
<i>Подуровни в системе деятельности</i>	<i>Тип мотива научной деятельности</i>
ситуационный	ситуативный
детерминистский	формально-символический
репродуктивный	славы и службистский
эвристический	ценностный
вероятностный	идентификационный

В данной системе каждому подуровню в системе деятельности соответствует свой тип мотива в системе мотивации. Такое соотношение осуществляется за счет контроля со стороны мета-уровня психики с помощью рефлексии. Подобная система, на наш взгляд, будет идеальной для осуществления научной деятельности и обеспечит результативность и успешность профессиональной деятельности ученого. Однако, если рефлексивный контроль и управление по каким-то причинам ослабевают, то это может привести к нарушению внутрисистемных связей и доминированию одних элементов системы за счет других. Это может быть представлено, например, так (таблица 4):

Таблица 4

Пример нарушения внутрисистемных связей в результате ослабления мета-системного контроля

Рефлексия (мета-уровень)	
Подуровни в системе деятельности	Тип мотива научной деятельности
ситуационный	ситуативный
детерминистский	
репродуктивный	славы и службистский
эвристический	ситуативный
вероятностный	

Подобные изменения в системе мотивации могут быть вызваны воздействием внешних объективных факторов (осей измерения) – предметно-исторической и социальной. (В периоды широкомасштабной государственной поддержки науки, свершения больших научных открытий в обществе возникает состояние познавательной эйфории. Быть ученым становится модно. В итоге в науку устремляется поток молодых людей с весьма однобокой и скудной мотивацией, которая не может в должной мере обслуживать уровни деятельности. При этом механизмы рефлексивного контроля также оказываются не налажены и дисбаланс в системе мотивации не может быть осознан и исправлен. В итоге изменения в структуре мотивации могут привести к изменению в структуре деятельности, что будет приводить к снижению результативности и успешности).

Могут быть характерны и другие варианты. Например, если ситуационный уровень деятельности будет обеспечиваться идентификационной мотивацией, то поведение и деятельность человека будет очень напоминать поведение лица, страдающего резонансом или имеющего сверхценные идеи, когда каждое минимальное действие будет рассматриваться и анализироваться в контексте судьбы всего человечества. Это будет приводить к неэффективности решений, затормаживанию процесса деятельности, неадекватности в социальных коммуникациях даже в узкой научной среде. Если же, например, вероятностный уровень будет обслуживаться ситуативной мотивацией, то во внешнем плане мы будем наблюдать поведение человека, осуществляемое по принципу «проб и ошибок» или случайного выбора с крайне низкой эффективностью.

Система «мотивация-деятельность» находится в постоянной динамике и развитии. Помимо прочего, данная система является «открытой», т.е. происходит взаимодействие между ней и средой. Воздействия среды осуществляются как на подсистему мотивации, так и на подсистему деятельности. Внешними факторами, воздействующими на мотивацию, будут предметно-историческая и социальная оси измерений. Объективная научная ситуация, совокупность открытий, тенденций в науке, научная картина мира, а также социокультурные установки в отношении науки так или иначе влияют на уровень отдельных мотивов и на структуру мотивации научной деятельности в целом. Обратное влияние на среду происходит в результате личного вклада отдельных людей в науку, который изменил не столько научную картину мира, сколько субъективное отношение к науке.

Самым частым примером такого влияния может являться создание отдельным ученым научной школы, в которую стремятся ученики, последователи, вовлекаясь в научную деятельность. Таким образом, личность одного человека воздействует как внешний фактор на мотивацию многих других.

Что же касается деятельности, то взаимобмен информацией происходит на основе процессов ориентировки, коррекции деятельности исходя из получаемых результатов, их согласования с поставленными целями в контексте изменяющихся условий среды.

Для мотивационных процессов соотношение процессуального и результативного аспектов несоразмерно: процессуальная составляющая феноменологиче-

ски представлена в наименьшей степени, а следовательно, трудно поддается изучению.

Это приводит к соответствующему дисбалансу в эмпирических исследованиях и к сложностям в объяснении на теоретическом уровне ряда эмпирических феноменов, в частности как человек способен сохранять целенаправленное, целесообразное поведение при конфликте мотивов, причем в рамках одной и той же деятельности. В нашей системе мотивации научной деятельности мы выделяем шесть типов мотивов, два из которых образуют внутреннюю подсистему, диаметрально противоположную внешней подсистеме, в которую входят оставшиеся четыре мотива. При этом, как правило, в процессе мотивационного обеспечения научной деятельности одновременно участвуют все мотивы, и это не приводит ни к ступору, ни к перевесу в сторону внешних мотивов в силу их количественного превосходства.

Так, в работах А.В.Карпова показано, что по отношению к интеллектуальной деятельности в целом индивидуальная мера рефлексивности определяет степень процессуальной развернутости метакогнитивных механизмов и средств регуляции этой деятельности, что является одним из важных ресурсов интеллекта как такового. Продолжая данную идею, можно предположить, что индивидуальная мера рефлексивности, определяя степень развернутости метакогнитивных механизмов, является одним из условий эффективной мотивации научной деятельности. При этом особое влияние метакогнитивная регуляция будет оказывать на внешнюю подсистему мотивации научной деятельности. Многие исследователи мотивации научной деятельности (А.Г.Аллахвердян, С.Р.Микулинский, А.А.Налчаджян, М.Г.Ярошевский, Д.Маклеланд, А.Молль, Ж.-Ф. Ле Ни, М.А.Рорбах, А.Роу, Д.Пельцс, Ф.Эндрюс Э.Торндайк) сходятся на том, что, несмотря на то, что внешняя мотивация является для научной деятельности неспецифичной, но она выполняет важную функцию энергетической подпитки направленной на постоянное, регулярное и непрерывное осуществление научной деятельности. При этом механизмы, благодаря которым внешняя мотивация приобретает такие свойства, остаются не раскрыты. В свете представленной модели ответ на данный вопрос может быть получен. Только при высоком уровне метакогнитивной регуляции этой внешней подсистемы мотивации научной деятельности и возможен стабильно высокий уровень внешней мотивации научной деятельности, а также отсутствие мотивационного конфликта между внешней и внутренней подсистемами мотивации научной деятельности.

Одним из фундаментальных вопросов психологии личности и деятельности является вопрос, как возможно сохранение целенаправленного поведения в ситуации конфликта мотивов. При этом необходимо отметить, что практически всегда мы имеем дело с той или иной степенью данного конфликта, поскольку человеческая деятельность является полимотивированной.

А.Н.Леонтьев отмечает, что человеческая деятельность является **полимотивированной**, т.е. регулируемой одновременно двумя или даже несколькими мотивами. Это происходит потому, что человек в своей деятельности постоянно

включен в сложную систему отношений с предметным миром, людьми, обществом, самим собой.

В.К.Вилюнас в качестве основных признаков, характеризующих внутреннюю организацию и динамику мотивации человека называет *иерархическую соподчиненность* мотивов, *полимотивированный* характер деятельности, и пишет: «У человека одновременное проявление и действие мотивационных факторов различного происхождения представляет собой практически постоянный фон жизни. Поэтому актуальной является не сама по себе констатация полимотивированности человеческой деятельности, а проблема ее форм и механизмов» [5].

И.В. Имедадзе говорит о том, что с полимотивацией мы имеем дело только тогда, когда одновременно действуют несколько мотивов, в состав каждого из которых могут входить множество потребностей. Однако в этом случае реально психологически осуществляется несколько деятельностей, каждой из которых соответствует свой мотив, даже при условии, что формально это одна и та же деятельность.

Указанная проблема не будет решена до тех пор, пока в структуре деятельности мы будем рассматривать отдельные мотивы. В таком подходе каждый мотив приобретает феноменологическую самостоятельность и перестает зависеть от чего бы то ни было кроме потребности, естественно вступая в конфликт с другими мотивами. Указанная проблема может быть решена, если рассматривать мотивы как системные элементы в целостной системе мотивации, которая в свою очередь является подсистемой системы «мотивация-деятельность».

Элементами системы мотивации будут являться отдельные мотивы. Мотивы могут быть сильными, слабыми, т.е. обладать количественной выраженностью в виде числовой характеристики. Индивидуальное числовое выражение мотива – его уровень – первая одномерная характеристика системы мотивации. Уровень выраженности всех мотивов может быть представлен в **мотивационном профиле** – это двумерная характеристика системы мотивации.

Важнейшей характеристикой мотивационного профиля будет не только абсолютные значения уровня каждого мотива, но и **яркость** профиля – максимальная разница в баллах между самым сильным и самым слабым в профиле типом мотива. Могут быть очень «гладкие» мотивационные профили, когда все типы представлены примерно одинаково, и в этом случае мы говорим о **«неярком профиле»**. Могут быть мотивационные профили с большими перепадами, когда один или два типа мотивов очень сильны, а один или несколько могут быть вообще не представлены, и в этом случае мы говорим о **«ярком профиле»**.

Доминирующие в профиле мотивы образуют тип мотивации. Целесообразно говорить о типе, состоящем не более чем из трех разных мотивов. Доминирующим мотив может считаться, если его численное выражение превышает значение среднегрупповой (или среднепопуляционной) яркости. Таким образом, доминирующий тип мотивации может совпадать с каким-то одним мотивом или быть представлен двумя-тремя мотивами.

Помимо набора системных элементов, существует также и структурная организация системы. Мы предполагаем, что структурная организация «идеальной» системы мотивации научной деятельности будет выглядеть следующим образом (рисунок 1).

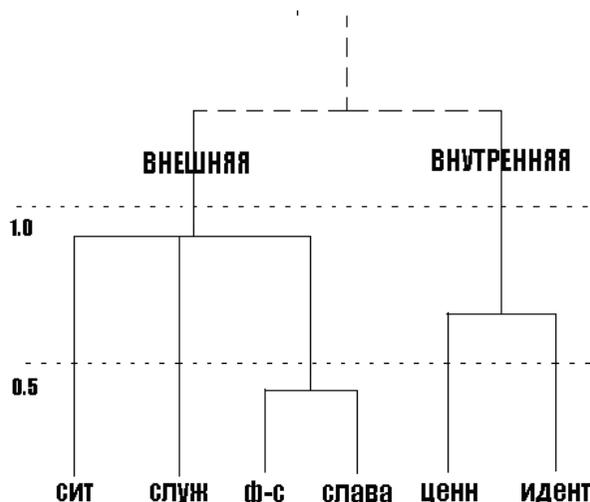

Рис. 1. Теоретическая модель структуры системы мотивации научной деятельности. Наименования мотивов: сит – ситуативный, служ – службистский, ф-с – формально-символический, слава – славы, ценн – ценностный, идент – идентификационный. Внешняя и внутренняя – две подсистемы в системе мотивации научной деятельности. Числовые значения – предполагаемые расстояния объединения по методу 1-г Пирсона.

Рассмотрим содержание конкретных элементов и подсистем системы мотивации научной деятельности.

В отечественной и зарубежной психологии довольно давно и прочно установилось разделение мотивов деятельности на **внешние** и **внутренние**. В нашей работе мы также используем данное деление, но внешняя и внутренняя группы мотивов будут рассматриваться нами как две подсистемы внутри целостной системы мотивации научной деятельности.

К настоящему времени в среде российских ученых сформировалось мнение, что у продуктивного ученого внутренняя мотивация преобладает над внешней (А.Г.Аллахвердян, Д.Б.Богоявленская, В.К.Вилюнас, А.В.Юревич, М.Г.Ярошевский). Данную позицию разделяют и зарубежные коллеги, в частности Д.Пелз отмечает, что лучшая мотивация создается, когда ученый является внутренне детерминированным (innerdetermined), поскольку опора на самого себя (self-reliance) есть сердцевина творчества [6].

Приоритет внутренней мотивации над внешней означает, что деятельность ученого выступает для него самопобуждающим фактором. Ученый включен в научную деятельность потому, что она его привлекает, доставляет интеллектуальное и эстетическое удовольствие, научная деятельность является не средством достижения цели, а самой целью. Для ученого такими внутренними мотивами являются:

вами выступают «...удовольствие, удовлетворение, получаемое от самого процесса работы, любовь к истине, стремление к интеллектуальному успеху, желание решать и находить проблемы, давать работу уму» [7]. Если подводить итог, то можно сказать, что внутренняя подсистема мотивации позволяет ученому идентифицировать себя и свою жизнь с наукой на основе чистого познавательного интереса.

В отношении внешней мотивации у исследователей нет единства мнений. Отечественные исследователи практически единогласно отводят внешней мотивации вторичную, подчиненную роль. Внешние мотивы являются внешними по отношению к процессу добывания научного знания, неспецифичны для него. При этом они выполняют очень важную функцию, являются одним из механизмов, который заставляет ученого постоянно поддерживать свою «научную форму» и добросовестно относиться к своей работе. Внешние мотивы заставляют ученого работать из чувства самодисциплины или из необходимости достигнуть неких ближних целей (например, получение степени), без которых невозможна реализация дальних, перспективных целей, связанных с самореализацией.

Мы считаем, что в процессе жизнедеятельности человека система мотивации научной деятельности постоянно трансформируется, и в первую очередь изменяется структурное соотношение элементов и подсистем в системе. В зависимости от того, как на человека влияют три указанные выше оси измерения (предметно-историческая, социальная, личностная), мы будем иметь приоритет и доминирование либо внешней, либо внутренней подсистемы. Рефлексивный контроль позволяет регулировать данный процесс, сделать структуру мотивации научной деятельности, с одной стороны, более стабильной, независимой от внешних воздействий, а с другой – более гибкой и адекватно изменяющейся под воздействием внешних условий с тем, чтобы научная деятельность продолжала осуществляться и далее без снижения целенаправленности, результативности и успешности.

В остальных же случаях, которых значительно больше, мы имеем дело с тем или иным соотношением в структуре мотивации внешних и внутренних мотивов. При этом толчком к началу научной деятельности могут быть как внешние, так и внутренние мотивы. Смыслообразующими мотивами всегда будут внутренние мотивы. Если в мотивационном профиле они выражены слабо, то это значит, что научная деятельность не несет для субъекта личностного смысла и осуществляется благодаря мотивам-стимулам, а следовательно, будет менее эффективна.

Далее дадим краткие характеристики каждого системного элемента системы мотивации научной деятельности. Как мы уже отмечали, в качестве системных элементов выступают отдельные мотивы. Каждый из указанных мотивов в большей или меньшей степени находится под воздействием одной из указанных осей измерения (таблица 5):

Влияние внешних осей измерения на мотивы научной деятельности

Системные элементы (мотивы)	Оси измерения		
	Предметно-историческая	социальная	личностная
Ситуативный			
Формально-символический			
Славы			
Службистский			
Ценностный			
Идентификационный			

Условные обозначения: серым цветом помечено наличие максимального влияния того или иного измерения на системные элементы мотивации научной деятельности.

Ситуативный тип – относится к внешней подсистеме, особенно зависим от влияния предметно-исторических факторов. Научная деятельность и ее выбор субъектом осуществляются спонтанно, под воздействием ряда факторов: ситуации, сложившейся в конкретном государстве и в мире в данный момент времени, и ее субъективного восприятия, научных открытий, быстрых темпов роста отдельных отраслей науки, их финансирования, моды на науку.

Формально-символический тип – относится к внешней подсистеме. Наиболее чувствителен к влиянию, с одной стороны, характера и темпов развития науки (предметно-историческое измерение), а с другой – особенностей развития общества, его уклада, социальных ценностей, идеологии (социальное измерение). Научная деятельность видится как способ достижения высокого социального статуса и его внешних атрибутов, привилегий.

Тип славы относится к внешней подсистеме и в наибольшей степени зависит от влияния личностных особенностей человека, тщеславности, уровня притязаний (личностное измерение). Серьезное влияние на данный мотив оказывает и социальное измерение, поскольку общественные нормы увеличивают или уменьшают субъективную значимость славы. Научная деятельность видится как способ добиться известности и почитания и в узких научных, и в широких общественных кругах.

Службистский тип – относится к внешней подсистеме и обусловлен преимущественно социальной осью. Научная деятельность рассматривается как наиболее простой и быстрый способ сделать карьеру, получить материальные бонусы, социальный статус, положение. Содержание научной деятельности и ее результаты мало интересуют или не интересуют вообще.

Ценностный тип относится к внутренней подсистеме и в максимальной степени находится под воздействием двух измерений: личностного и предметно-исторического. Научная деятельность обусловлена познавательной потребностью, характерен исследовательский азарт, желание разрешить актуальные проблемы, бросить вызов природе, научная истина становится главной ценностью для ученого.

Идентификационный тип относится к внутренней подсистеме и обусловлен личностным измерением. Личность ученого трансформируется, ученый начинает отождествлять себя с человечеством в целом, берет на себя ответственность за судьбу человечества и считает себя вправе ее решать. Ученый ориентирован на гуманистические ценности, наука становится его основной формой жизнедеятельности, но не ради абстрактной истины, а ради блага людей.

Таким образом, в данной работе обозначена проблема поиска новых методологических средств для исследования психической реальности, в частности для такого ее аспекта, как мотивация научной деятельности. Показаны возможность и перспективы применения для решения данной задачи такого перспективного научного направления, как метасистемный подход, который активно развивается отечественными психологами. В работе представлена теоретическая модель системы «мотивация-деятельность» со встроенным метасистемным уровнем. Показаны возможности ее применения к исследованию мотивации научной деятельности человека.

1. Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г. Психология науки: учебное пособие. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1998. С. 238.
2. Шадриков В.Д. Проблема системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1982. С. 12.
3. Карпов А.В. Роль и место рефлексии в системе психических процессов/ Вестник Ярославского государственного университета. 2007. № 5. С. 26.
4. Карпов А.В. Метакогнитивные способности личности / Вестник Ярославского государственного университета. 2008. № 7. С. 27.
5. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 187.
6. Pelz, D.C., Andrews, F.M. Scientists in Organizations: productive climates for research and development. New York: Wiley, 1966. 318 p., 24 p.
7. Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г. Указ. соч. С. 182.

ГОСПИТАЛИЗИРОВАННАЯ ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ ОСТРЫМ ПАНКРЕАТИТОМ И САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ НА ЕВРОПЕЙСКОМ КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ (1996-2006 гг.): ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Проведено сравнительное исследование заболеваемости острым панкреатитом и сахарным диабетом I типа у разных этносоциальных популяций городского и сельского населения европейского Крайнего Севера и территорий, приравненных к Крайнему Северу. Показано, что в период 1996-2006 гг. заболеваемость острым панкреатитом и сахарным диабетом на территориях европейского Севера значительно увеличилась и превысила средние показатели по России. Проанализирована зависимость между заболеваемостью острым панкреатитом и сахарным диабетом I типа, выявлены определенные закономерности, обусловленные этническими и территориальными особенностями жизнеобитания населения европейского Крайнего Севера.

Ключевые слова: европейский Крайний Север, госпитализированная заболеваемость, корреляция, острый панкреатит, сахарный диабет I типа.

Is carried out the comparative study of morbidity by acute pancreatitis and by I type diabetes mellitus in the different Etna- social populations of the urban and rural population of the European extreme north to the territories, equated to the extreme north. It is shown that in the period of 1996-2006[gg]. Morbidity by acute pancreatitis and by diabetes mellitus in the territories of the European north considerably increased and exceeded indices average on Russia. Dependence between the morbidity is analyzed by acute pancreatitis and I type diabetes mellitus, the specific regularities are revealed

The keywords: the European extreme north, the hospitalized morbidity, the correlation, acute pancreatitis, I type diabetes mellitus.

Для обеспечения экономического развития государства большое значение имеет активное освоение северных территорий России [1]. Изучение состояния общественного здоровья требует проведения социологического мониторинга [2] и имитационного моделирования всех видов патологии [3]. Здоровье человека формируется под влиянием комплекса социально-экономических факторов, включающих особенности образа жизни, питания, физическую активность, влияние урбанизации, техногенные воздействия и другие факторы [4, 5, 6]. За последние десятилетия в развитых странах отмечается нарастание ряда социально значимых болезней, таких как сахарный диабет (СД), острый панкреатит, причем

существующие прогнозы свидетельствуют о дальнейшем росте этих патологий [7, 8, 9].

В последнее время на фоне происходящих в стране преобразований существенно меняется образ жизни населения северных территорий Российской Федерации. Считается, что на организм человека в условиях Крайнего Севера оказывают воздействия разнообразие экстремальные факторы: климатогеографические, этносоциальные и др. [10, 11]. В литературе достаточно давно сложилось представление о том, что население Севера следует рассматривать с учетом стажа проживания и этнических особенностей популяции [4, 10]. В связи с этим выделяют мигрантов и уроженцев Севера. Среди последних отдельно выделяют «местное русское население», малочисленные народности Севера. Также в отдельную группу коренного населения Севера относят «большие северные народы», к которым на европейском Севере принадлежат коми [4].

Установлено, что сила воздействия природных раздражителей возрастает по мере продвижения к Северу, и их эффект может усиливаться влиянием техногенных и социальных факторов [1, 12, 13]. Поскольку в условиях Крайнего Севера дискомфортные факторы действуют непрерывно, истощая адаптивные резервы организма, то возрастает риск развития нарушения обмена веществ [4], что приводит к формированию патологии. У северян постулируется формирование специфического «полярного метаболического типа» [14], который характеризуется комплексной перестройкой гормонально-метаболического профиля, активным использованием липидных энергоносителей, снижением доли углеводов как энергетических субстратов и изменением потребности в витаминах. Показано, что у мигрантов как неадаптированного к Северу населения и уроженцев Севера выявляются существенные различия обменных процессов, что может реализоваться в особенностях заболеваемости этих контингентов населения [10, 15].

Заболеваемость острым панкреатитом из года в год неуклонно растет и, по мировым статистическим данным, варьирует от 200 до 800 пациентов на 1 миллион человек населения в год [25]. У 15-20% пациентов развитие острого панкреатита носит деструктивный, некротический характер [2], а смертность от него в РФ колеблется от 1,94 до 2,08 % [16].

В то же время в литературе не представлены современные сведения о состоянии заболеваемости острым панкреатитом у разных социальных групп населения Севера РФ, проживающих в Приполярье (местности, приравненные к территориям Крайнего Севера) и Заполярье (Крайний Север), в том числе различающихся и степенью урбанизации. Республика Коми (РК) – крупнейший субъект европейской части России – сочетает территории Приполярья и Заполярья с разной степенью экономического развития, где проживают различные этнические и социальные группы населения [4].

Исследованиями было установлено, что среди коми, проживающих в сельской местности заболеваемость сахарным диабетом I типа, а ожирение среди мигрантов-горожан, проживающих на Крайнем Севере, превалировали над этими видами заболеваемости среди других популяций [4].

В Республике Коми в 1996 г. было зарегистрировано 588 пациентов с острым панкреатитом на 1050000 жителей, а в 2006 г. – в 2 раза больше (1182 на 985029 жителей). Данные показатели превышают подобные, по данным ВОЗ, в 1,5 раза.

Общая заболеваемость СД I типа в РК в 1996 г. (1,7‰) была ниже, чем в РФ (1,8‰) на 5,9%. В 2006 г. в Республике Коми показатель уменьшился на 6,2%, по РФ – на 28,6%. В итоге в 2006 г. общая заболеваемость СД I типа в республике (1,6‰) превысила среднероссийский показатель (1,4‰) на 14,2%.

Цель работы – изучить уровень заболеваемости острым панкреатитом и распространенность СД I типа у населения, проживающего в регионах Крайнего Севера и территориях, приравненных к территориям Крайнего Севера.

МЕТОДИКА И МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе анализировались зарегистрированные случаи заболеваемости острым панкреатитом, общая заболеваемость инсулинзависимым СД (СД I типа) в период 1996-2006 гг. Для анализа использовались формы государственной годовой статистической отчетности: форма №12 «Сведения о числе заболеваний, зарегистрированных у больных, проживающих в районе обслуживания лечебного учреждения», форма №30 «Сведения о лечебно-профилактическом учреждении» [17,18], медико-статистические данные Министерства здравоохранения РФ [19, 20, 21], статистические данные Госкомстата РК [22, 23,24].

Полученные данные обрабатывались методами вариационной статистики [11] с применением прикладного пакета программ Microsoft Excel и «Биостат» (версия 4.03). Для оценки достоверности результатов исследования применялись методы расчета ошибки репрезентативности, доверительных границ генеральной совокупности, достоверности разницы результатов исследования (критерий Стьюдента, критерия Манна-Уитни). Корреляционная связь между изучаемыми показателями определялась путем расчета коэффициента ранговой корреляции Спирмена и критерия Крускала-Уолисса и критерия множественного сравнения с поправкой Данна.

Для сопоставления были избраны территории РК, имеющие выраженные этно-социальные различия (табл. 1).

Городское население Крайнего Севера представлено г.Воркутой и г.Усинском. В Воркуте градообразующей отраслью является угольная, большинство населения – местные уроженцы. Усинск как центр нефтяной индустрии – молодой город, основанный в середине 80-х гг., население в нем – мигранты. Сельские территории Крайнего Севера: Ижемский р-н, где проживают «северные» коми, занятые традиционными видами сельского хозяйства, в т.ч. оленеводством. В Усть-Цилемском р-не также проживает сельскохозяйственное население – но это старожильческое местное русское население, представляющее давний этносоциальный изолят. В качестве территорий сравнения избраны территории, приравненные к территориям Крайнего Севера: г.Сыктывкар, где проживает смешанное население, и сельский Корткеросский р-н, где проживают «южные» коми.

Сравнительная характеристика территорий наблюдения в Республике Коми

<i>Муниципальное образование</i>	<i>Населенные пункты</i>	<i>Население</i>
Крайний Север		
город	Воркута 67°50» с.ш.	местные русские
	Усинск 66° с.ш.	мигранты
село	Ижемский район 65-66° с.ш.	коми
	Усть-Цилемский район 65- 67° с.ш.°	местные русские
Территории, приравненные к территориям Крайнего Севера		
город	Сыктывкар 61°50'° с.ш.	местные русские, мигранты, коми
село	Корткеросский район 61°50'° с.ш.	коми

Следует отметить, что особенностью всех северных территорий является их удаленность и обособленность, что позволяет рассмотреть и сравнить эти в целом изолированные территории.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В 1996 г. (таблица 2) в г. Сыктывкаре уровень заболеваемости острым панкреатитом (0,083%) превысил средний по республике в 1,7 раза, в г. Воркуте (местные русские) и Усть-Цилемском р-не (местные русские) – в 1,4 раза (0,059%), в г. Усинске (мигранты) – в 1,7 раза (0,048%), Ижемском районе (коми) – в 3,9 раза (0,058%) и в Корткеросском районе (коми) – в 5,4 раза (0,015). По рейтингу на II месте г. Воркута и Усть-Цилемский район, на III – г. Усинск, на IV – Ижемский район и на V – Корткеросский район.

Таким образом, в 1996 г. заболеваемость острым панкреатитом, несмотря на самый высокий уровень показателя среди жителей г. Сыктывкара (территория, приравненная к европейскому Крайнему Северу; жители местные русские, мигранты, коми), превалировала среди жителей, проживающих на территориях европейского Крайнего Севера в популяциях местные русские, коми и мигранты.

В 2006 г. отмечен стремительный рост заболеваемости острым панкреатитом во всех наблюдаемых территориях европейского Крайнего Севера, кроме сельских территорий: Ижемского района (коми) и Усть-Цилемского района (местные русские), в которых зарегистрировано снижение показателя соответственно в 2,2 раза с 0,021% до 0,010 % и на 18,1% с 0,058% до 0,047%.

По Республике Коми уровень заболеваемости острым панкреатитом увеличился в 1,8 раза до 0,112%, в г. Сыктывкаре – в 1,8 раза до 0,150%, в г. Воркута – в 1,4 раза до 0,085% и в г. Усинске – в 2,8 раза до 0,136%.

Таблица 2

Показатели госпитальной заболеваемости острым панкреатитом у населения, проживающего на территориях европейского Крайнего Севера и приравненных к ним территориях в Республике Коми с 1996 г. по 2006 г. (%)

№ п/п	Территории	1996 г.	2000 г.	2003 г.	2006 г.		1996 г.	2006 г.
		‰	‰	‰	‰	% к 1996г	Стандартизированные показатели (%)	
1	Республика Коми	0,050	0,078	0,089	0,112	2,26		
Территории европейского Крайнего Севера								
2	г. Воркута	0,059	0,057	0,049	0,085	42,94	0,118	0,131
3	г. Усинск	0,048	0,080	0,072	0,136	181,48	0,033	0,089
4	Ижемский район	0,021	0,021	0,035	0,010	-54,28	0,005	0,002
5	Усть-Цилемский район	0,058	0,000	0,000	0,047	-18,04	0,011	0,009
Территории, приравненные к территории Крайнего Севера								
6	Сыктывкар	0,083	0,112	0,145	0,150	80,65	0,217	0,459
7	Корткеросский район	0,015	0,047	0,016	0,039	153,67	0,004	0,011

Как видно из данных, приведенных в табл. 2, за период с 1996 по 2006 гг. не произошло существенных изменений в рейтинге мест показателя заболеваемости острым панкреатитом в наблюдаемых территориях. На I месте г. Сыктывкар, на II – г. Воркута (в 1996 г. – III), на III – г. Усинск (в 1996 г. – II), на IV – Усть-Цилемский район (в 1996 г. – II), на V – Корткеросский район (в 1996 г. – V) и на VI – Ижемский район (в 1996 г. – IV).

Сравнительный анализ стандартизированных показателей заболеваемости острым панкреатитом (табл. 2) среди населения, проживающего в исследуемых территориях, также свидетельствует о превалировании этой патологии среди жителей г. Сыктывкара (местные русские, коми, мигранты), г. Воркуты (местные русские) и г. Усинска (мигранты).

Среди жителей сельских территорий (коми, местные русские), обитающих на территории европейского Крайнего Севера, эти показатели в 6–10 раз меньше, чем среди жителей городских территорий.

Сравнительный анализ динамики интенсивных и стандартизированных показателей заболеваемости острым панкреатитом с 1996 по 2006 гг. позволяет заключить, что этому заболеванию в большей мере подвержены жители, проживающие в городских местностях, особенно на территориях европейского Крайнего Севера.

В период 1996-2006 гг. отмечалось снижение заболеваемости СД I типа в РФ (табл. 3). Однако на территориях РК этот показатель менялся незначительно (кроме г.Усинска, где отмечен даже прирост заболеваемости на 60%) и к 2006 г. превышал среднероссийские показатели.

Необходимо отметить, что в Усть-Цилемском р-не на протяжении всего периода наблюдения уровень этой патологии был на 20-70% ниже, чем в других наблюдаемых территориях РК, а также в целом по РФ. Среди причин выявляемого своеобразия можно указать как наиболее вероятную причину – злоупотребление алкоголем, присущее жителям Севера, реализующееся в заболеваемость панкреатитом и приводящее к формированию этой формы СД.

Динамика распространенности СД I типа среди жителей городских территорий Крайнего Севера и территорий, приравненных к нему, характеризуется различными темпами роста. В г.Усинске зарегистрирован максимальный темп роста – 60%, а показатель заболеваемости достиг 2,4‰, превысив средний показатель по РК на 50,0%, а по РФ на 76,1 %. В г.Воркуте темп роста показателя заболеваемости составил 5,9%, а в г.Сыктывкаре был отрицательным – 26,1%. Соотношение уровня патологии в г.Воркуте относительно показателей РК и РФ составило 32,1% и 12,5% соответственно, а среди населения г.Сыктывкара 6,3% и 24,8%. Среди популяций сельского населения – Усть-Цилемский и Корткеросский р-ны – отмечено уменьшение исследуемого показателя, соответственно на 20,0% и 15,8%, а в Ижемском р-не – его увеличение на 30,8%.

Таблица 3

Показатели заболеваемости сахарным диабетом I типа у населения, проживающего на территориях европейского Крайнего Севера и приравненных к ним территориях в Республике Коми с 1996 по 2006 гг. (%)

№ n/n	Показатели	1996 г.	2000 г.	2003 г.	2006 г.		1996 г.	2006 г.
		‰	‰	‰	‰	% к 1996 г.	Стандартизированные показатели (%)	
1	Республика Коми	1,7	2,1	1,4	1,6	-5,9		
Территории европейского Крайнего Севера								
2	г. Воркута	1,7	2	1,2	1,8	5,9	0,56	0,47
3	г. Усинск	1,5	1,7	1,4	2,4	60	0,17	0,26
4	Ижемский район	1,3	1,7	2	1,7	30,8	0,06	0,07
5	Усть-Цилемский р-н	1	0,8	0,9	0,8	-20	0,03	0,02
Территории, приравненные к территории Крайнего Севера								
6	г. Сыктывкар	2,3	2,4	1,9	1,7	-26,1	0,83	0,82
7	Корткеросский р-н	1,9	1,7	1,5	1,6	-15,8	0,11	0,08

Стандартизированные показатели распространенности СД I свидетельствуют о максимальном уровне заболеваемости этой патологии среди городских жителей (мигранты, местные русские, коми), проживающих на местности, прирав-

ненной к европейскому Крайнему Северу, в г. Сыктывкаре (0,82%) и городских жителей г. Воркуты (0,47%, местные русские) и г. Усинска (0,26%), обитающих на территориях европейского Крайнего Севера.

Результаты исследования свидетельствуют, что городское население, проживающее на Крайнем Севере, более подвержено заболеваемости СД I типа, чем жители сельских районов.

При сравнительной оценке коэффициента корреляции между заболеваемостью острым панкреатитом и распространенностью сахарного диабета I типа установлена средней силы прямая связь: между этими показателями среди городского населения (мигранты) в г. Усинске ($r=0,62$, $t > 3$; $p < 0,05$) и среди жителей сельской местности (коми), обитающих на территории Ижемского района ($r=0,617$, $t = 3$, $p=0,05$), располагающихся на территории европейского Крайнего Севера.

Выводы

1. Заболеваемость острым панкреатитом среди жителей городских территорий европейского Крайнего Севера (местные русские, мигранты) в период с 1996 по 2006 гг. проявила более резкую тенденцию к увеличению показателя, чем среди других этносоциальных групп населения (коми, местные русские), проживающих на территориях, приравненных к европейскому Крайнему Северу.

2. Среди территорий европейского Севера наибольшие показатели заболеваемости СД I типа в 2006 г. отмечались у мигрантов-горожан, проживающих на Крайнем Севере, а наименьшие среди местных русских, проживающих в сельской местности на Крайнем Севере.

3. Максимальные темпы роста заболеваемостью острым панкреатитом и СД I выявлены у мигрантов-горожан, проживающих на Крайнем Севере, а наименьшие – среди местных русских, проживающих в сельской местности на Крайнем Севере.

4. Между показателями заболеваемостью острым панкреатитом и СД I выявлена прямая средней силы корреляционная связь среди мигрантов-горожан и коми, проживающих на европейском Крайнем Севере.

1. Авцын А.П. Введение в географическую патологию. М.: Медицина, 1972.
2. Авцын А.П., Жаворонков А.А., Марачев А.Г. и др. Патология человека на Севере. М.: Медицина, 1985.
3. Агаджанян Н.А. Критерии адаптации и экопортрет человека // Бюлл. СО АМН СССР. 1981. № 6. С. 35-40.
4. Бабенко Л.Г., Е.Р. Бойко. Этно-социальные особенности заболеваемости ожирением и диабетом населения Европейского Севера // Известия Коми Научного Центра Уральского отделения РАН. 2. 2010. С.32-39.
5. Бойко Е.Р. Физиолого-биохимические основы жизнедеятельности человека на Севере. Екатеринбург: УрО РАН, 2005.
6. Бойко Е.Р. Физиолого-биохимические подходы к оценке функционального состояния человека на Севере // Проблемы адаптации человека к экологическим и социальным

условиям Севера / под ред. Е.Р. Бойко. Сыктывкар – С.-Петербург: Политехника – сервис, 2009. С. 30–34.

7. Боринская С.А., Кальина Н.Р., Санина Е.Д. и др. Полиморфизм гена аполипопротеина Е АРОЕ в популяциях России и сопредельных странах // Генетика. 2007. Т. 43. № 10. С. 1-7.

8. Города и районы Республики Коми. Социально-экономические показатели. 2009. стат.сб. / Комистат. Сыктывкар. 2009. 287 с.

9. Об утверждении статистического инструментария для организации Минздравом России статистического наблюдения за деятельностью медицинских учреждений: постановление Государственного комитета Российской Федерации по статистике 4 сентября 2000 г. № 76.

10. Дедов И.И., Балаболкин М.И. Патогенез сахарного диабета // Мед. академ. журнал. 2006. Т. 6. № 3. С. 3-15.

11. Зайцев В.М., Лифляндский В.Г., Маринкин В.И. Прикладная медицинская статистика. СПб.: Фолиант, 2003.

12. Капустин М.Ю., Овчаренко Д.В., Платонов С.А., Дуданов И.П. Морфологические характеристики поражения нижних конечностей в отечественной популяции больных сахарным диабетом // Мед. академ. журнал. 2009. Т. 9. № 1. С. 118-120.

13. Кондуров А.И. Здоровье населения и окружающая среда // Научно-технические аспекты охраны окружающей среды. 1993. № 2. С. 19-21.

14. Лобзин Ю.В., Максимов Г.К., Уйба В.В., Максимов А.Г. Методология имитационного моделирования в экологических и эпидемиологических исследованиях заболеваемости населения // Мед. академ. журнал. 2009. Т. 9. № 2. С. 85-90.

15. Медик В.А., Осипов А.М. Социологический мониторинг в изучении медико-социальной ситуации в Новгородской области // Мед. академ. журнал. 2006. Т. 9. № 6. С. 102-110.

16. Савельев В.С., Гельфанд Б.Р., Гологорский В.А., Филимонов М.И., Бурневич С.З. Деструктивный панкреатит в свете современных представлений о сепсисе // Анналы хирургии. 1999. № 5. С. 26-9.

17. Об утверждении статистического инструментария для организации Минздравом России статистического наблюдения за деятельностью медицинских учреждений: постановление Государственного комитета Российской Федерации по статистике 4 сентября 2000 г. № 76.

18. Об утверждении статистического инструментария для организации Минздравсоцразвития России Федерального статистического наблюдения в сфере здравоохранения: приказ Федеральной службы государственной статистики. 29 июля 2009 г. № 154.

19. М24. Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации. Департамент развития медицинской помощи и курортного дела. Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения. Заболеваемость населения России в 2003г. (статистические материалы). В 2 ч. Москва. ГЭОТАР-МЕД. 2004 г.

20. Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации. Департамент развития медицинской помощи и курортного дела. ФГУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Росздрава. Здоровье населения России в 2006г. (статистические материалы). Часть I-II. Москва. 2007 г.

21. Министерство здравоохранения Российской Федерации. Департамент развития и экономики здравоохранения. Отдел прогнозирования и информационных систем. Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения. Здоровье населения и деятельность учреждений здравоохранения в 2000 г. (статистические материалы) Москва, 2001 г. исх.№141/813 от 18.07.2001 г.

22. Министерство здравоохранения Российской Федерации. Отдел медицинской статистики и информатики. Главный вычислительный Центр. Здоровье населения и деятельность учреждений здравоохранения в 1996г. (статистические материалы) Москва, 1997г. исх.№2000/11-24 от 23.07.1997г.

23. Города и районы Республики Коми. Социально-экономические показатели. 2009: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2009. 287 с.

24. Статистический ежегодник Республики Коми. 2009: стат. сб. / Комистат. 2009.

25. Pancreatic Diseases. Jonson C.H., Imrie C.W. Springer. 1999; 1-253. 2. United Kingdom guidelines for the management of acute pancreatitis // Gut 1998; 42(suppl. 2): 1-13.)

МАТЕРИАЛЫ

УДК 81'1-027.21

Т.Н. Бунчук

СЛОВАРЬ РУССКОГО ГОВОРА С. ЛОЙМА КАК ИСТОЧНИК ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЕДЕНИЙ

Статья представляет собой обзор материалов картотеки словаря русского говора с. Лойма, содержащих информацию этнодиалектного характера. В качестве таких источников рассмотрены наименования обрядов, их элементов и участников, лексика, номинирующая мифологических персонажей, топонимика, антропонимика, а также слова и выражения, лексическое значение которых отражает понятия, важные для народной концептосферы. Материалы, нашедшие отражение в статье, представлены в виде словарных статей, которые могут лечь в основу идеографического этнодиалектного словаря.

Ключевые слова: диалект, народная духовная культура, обрядовая терминология, ономастика, концептуальная лексика, словарь.

The article covers the card catalogue items of the Russian dialect dictionary for the Loyma village; these items contain information of an ethnic dialect nature. Such sources include the names of rites, their elements and participants; the vocabulary denominating mythological characters; toponymy, anthroponymy as well as the words and phrases which lexical meaning reflects the concepts that are important for the folk sphere of concepts. The items covered by the article are presented in the form of lexical entries, which can provide the basis for an ideographic ethnic dialect dictionary.

The keywords: dialect, folk spiritual culture, ritual terminology, onomastics, conceptual vocabulary, dictionary.

Несколько лет назад была возобновлена работа над словарем русского говора села Лойма Республики Коми (куста деревень, объединенных общим топонимом), начатая еще в 70-х гг. XX столетия и прерванная в 90-х гг. Была образована словарная группа, и ее сотрудники активно включились в работу по составлению словарных статей, накоплению нового, современного материала и проверке имеющегося. Новые материалы были получены в результате неоднократных поездок в Лойму, сотрудничества с местной библиотекой, а также посредством сплошной выборки лексических единиц из имеющихся в Фольклорном Архиве СыктГУ аудиозаписей разных лет. Работа над составлением словаря еще не завершена, но имеющиеся на сегодня лексические данные уже позволяют говорить

о том, Словарь говора села Лойма может быть рассмотрен и как источник этнокультурных сведений. В рамках данной статьи будут выборочно представлены материалы картотеки, в которых наиболее выразительно отражена духовная культура одной из традиций Русского Севера.

Самым ярким выражением народной духовной культуры является **обрядовая терминология**: слова и устойчивые словосочетания, представляющие собой наименования обрядовых действий, участников и предметов, то есть культурно значимых реалий. Такой лексический материал можно классифицировать по тематическим группам в зависимости от связи их с тем или иным обрядовым комплексом: календарная народно-православная обрядность (праздники, собрания молодежи), обряды жизненного цикла (родильно-крестильные, похоронно-поминальные обряды, свадьба), народная медицина, магическая практика и т.д.

Родильно-крестильная обрядность

БаБУШКА-ПОВИ **ВалЕНКА**, -и, ж. Женщина, которая помогала принимать роды. *Помогали бабки, бабушка-повиваленка* (Кузнецовская 2002).

БаННИК, -а, м. Подарок роженице, гостинцы. *Женищина родит ребенка, так хлеб, пирог с рыбой загнут, что постряпают, – и к ей.* (Лойма 1986). **С БаННИКАМИ ХОДИТЬ / ИЗДИТЬ**. Ездить или ходить с гостинцами и подарками в семью, где появился новорожденный. *Перво-то к робёнку не пехаются все-те, а как маленько оба окрепнут, дак тут и зачнут бабы ходить с банникима: чё-ко всё окусной несут, да колды отрез на тряпичу маленькому. С банникима придут, а потом вот и выглядывают – на кого робёнок-от нашибат, на отча ли на мать* (Уркинская 2010).

БаНЯ **и** **ПерВАЯ БаНЯ**. Первое после родов посещение бани роженицей и младенцем. *Как родит, дак сразу надо грыжу заговаривать, в первой бане* (Яриловская 2011).

БОГ **и** **КОГО БОГ ДАЛ?** Вопрос о родившемся ребенке. *Чо, внук-от, кто у ты родился, кого Бог дал?*

НёНЯ, -и, ж. Крестная мать. *Крестна, так у нас иишио нёня, нёнечка зовут* (Лойма 1977). *Хрёстна обычно это всё делала, нёней называли раньше, нёня – хрёстна* (Тарасовская 2011). См. **ХРёСТНАЯ МаТУШКА**.

ОПРОСТАТЬСЯ, -юсь, -ешься, неперех., сов. Родить, освободиться от бремени. *Сноха-та у тебя чо, опросталась ли, или всё тяжёлая? Опросталась мама впервой в восемнадцатъ.* (Козловская 2009). *Ну, слава Богу, опросталась.* (Лойма 2008).

ПРИМаТЬ **и** **С РодУ ПРИМаТЬ**. Крестить новорожденного. *Меня часто звали с роду примать* (Лойма 2008). *Ребёночек-то родится, надо его с роду примать, в церковь нести, но не сразу, матери-то оправиться надо* (Уркинская 2009).

ХРёСТНАЯ **и** **ХРёСТНАЯ МаТУШКА**. Крестная мать. *Белую баню-ту хрёстная топила, хрёстная матушка звали дак, она тут и была главная* (Вотинская 2011). См. **НёНЯ**.

В эту же группу можно отнести и термины родства, наименования беременной и детей по характеру рождения и степени взросления (*мати, тятя, чурочница, чурка, безотецкое дитя, найдёныш, недоросток, годовик, малой, заскрёбыш, и т.д.*).

Свадебный обряд

БаНЯ \diamond **БЕЛАЯ БаНЯ**. Часть свадебного обряда: посещение бани невестой перед приездом жениха. *Перед плаканьем невеста моется – это белая баня. Последний раз моется, хоть и в черной бане* (Лойма 1986). *Днем хрёстна топит белую баню* (Лойма 1984). *Невестина-то последняя баня, так это белая* (Лойма 2008). *Когда невесту в последней бане вымыют, как будто белой баней ее считали, придёт хрёстная, и вот эти все бабки старшие, сядут и начинают плакать* (Лойма 2011). *В белую баню невеста иной ходит с хрёстной, иной с подругой, если есть подруга-то, вдвоём так-то вообще-то ходили* (Лойма 2011). *Белая баня – это пока ещё не ревили, не собирались; невеста с хрёстной ходила – белая баня называлась* (Козловская 2011). *Из белой бани выйдут, поклоны кладут, скатёрку постелют да поклоны дают, молятся да* (Козловская 2011).

БОЛЬШОЙ \diamond **БОЛЬШОЙ СТОЛ**. Стол, за которым сидят во время свадебного обряда жених и невеста. *Колды жоних выводит невесту-ту, тогда и сажают их рядышком за большой стол и там песни начинают* (Лойма 2011). *Где жоних да невеста садятся, тот стол большой зовут, за большим столом сидят* (Вотинская 2011).

ВЫПЕВАТЬ \diamond **ВЫПЕВАТЬ ДЕНЬГИ**. Получать деньги на свадьбе за исполнение величальной песни. *А потом дальше начинают этих всех хвалить, гостей, деньги выпевали за это* (Козловская 2011). *Этой писней деньги выпевали на свадьбу* (Тарасовская 2011). *Припевали жониху и невесте – деньги выпевали, крояно* (Лойма 2011).

ГРЕШИТЬ \diamond **УЙТИ / УХОДИТЬ ГРЕШИТЬ**. Выйти / выходить замуж. *Я грешить ушла в этот дом. Грешить уходили в другу деревню* (Лойма 1984).

ДЕВичНИК, -а, м. Собрание подруг невесты накануне плаканья. *Перед плаканьем вот как будто собираются, девичник, вот последний день, соберутся все и вот пируют, тожо это было, девичник до плаканья, девичник пораньше, не ревут там, а гуляют, последний день потому что, у невесты завтра плаканье* (Лойма 2011). *Девичник начинался вот когда жоних приходил посватался, и с этого начинают девичники, приходили подружки, и кто вышивал, кто вязал, и до дня свадьбы* (Тарасовская 2011).

ДЕНЬГИ \diamond **ВыПЕТЫЕ ДЕНЬГИ**. Деньги, которые дают певцам, величающим гостей и молодых на свадебном пиру. *Кои поют, дак им деньги кладут – О, выпетые деньги, выпетые деньги, назавтре надо идти пропивать!* (Яриловская 2011). *Песню-ту припоют, дак деньги за это, это выпетые деньги зовут, потом на их в похмельной день гуляют* (Уркинская 2011).

ДЕРЕВЕНЩИНА, -ы, ж. Друзья и родные невесты. *За большим столом все сидят, а у невесты деревенищина – те сидят и поют всякие им песни. Деревен-*

щина – это своя деревня, они сидят за столом тоже, соседи это от невесты (Кузнецовская 2002).

ДРУЖКА, -и, м. Помощник жениха во время свадебного обряда. *Дружек-то на свадьбе всегда два человека* (Анкерская 2008). *Дружки-те сундук везли* (Лойма 2008). *Дружек было три человека, им полотенца невеста сразу навязывают, оне с полотенцами ходят* (Лойма 2011). *Это дружки, по два парня примерно так, полотенча наложены, это оне всё ухаживают, помогают, дружкима называли* (Ивановская 2011). *Мы как-то у однёй были тутока дак, на плаканьё была дак, один мужик был дружкой, не пустили дак, чё и не читал, ой, дак и не помню сейчас.* (Яриловская 2011). *Там дружки всё руководят, не пускают ведь сначала, кто знают, слова говорят* (Вотинская 2011).

ЕСТЁВАЯ ♦ **ЕСТЁВАЯ НЕВЕСТА**, Богатая невеста из состоятельной семьи. *Невесту все естёвую искали* (Лойма 1985). *Естёвая – это девушка, у которой много тканого приданого.* (Лойма 1986).

ЕХАТЬ К ТЁЩЕ НА БЛИНЫ. Часть свадебного обряда: посещение молодыми родственников невесты. *Обязательно через сколько же дней-то там тёща заказывает, а жених да невеста оба едут на блины к тёще* (Уркинская 2009). *На следующий день после свадьбы молодые ехали к тёще на блины, тёща блинами угощала* (Тарбиевская 2011).

ЗАВЕСТИ / **ЗАВОДИТЬ** ♦ **ЗАВЕСТИ** / **ЗАВОДИТЬ ОДЕЖДУ**. Готовить приданое. *Молодая ещё, одежду ей не завели ещё, без приданого она. Только начали родители одежду заводить* (Галактионовская 1984).

ЗАПЛЕТАТЬ ♦ **ЗАПЛЕТАТЬ КОСУ**. Довенечная часть свадебного обряда: исполнение причитаний во время приготовления невесты к свадьбе. *Начнут ей косу заплетать, раньше ведь косы заплетали, и опять плачут – это косу заплетают* (Лойма 1979).

ЗВАНЫЙ, -ая, -ое. (о гостях на свадьбе) Приглашённый. *Много народу-то было, все приходили, которы званые* (Лойма 1984). *На свадьбе только званые: родня, суседи* (Макаровская 1987). *Вся званая родня, суседи* (Галактионовская 1987).

КЛАДОВИЦА, -ы, ж. **1.** Ящик для хранения приданого, сундук. *Полотно-то в кладовицы клали. Трубы накатают, кладут в кладовицы* (Лойма 1983). **2.** Приданое невесты. *У меня кладовица была, в сундуке хранила* (Лойма 1985). *Раньше лóжили в сундук, вышивали полотенце, пряли, ткали, молодица пришла богатая, много кладовицы* (Лойма 1985).

КРАСОТА, -ы, ж. Лента из косы невесты, символ девичьей жизни. *Красоту дарили тогда. Ленточки – это красота звалась* (Тарасовская 2002). *Потом она всем красоты раздаст. Тогда после бани она красоты всем дарит* (Козловская 2002). *Красота – вот замуж пойдёт, а у нее коса, а в ней много ленточек* (Лойма 2008).

КРОЯНОЕ, -ого, сущ. Деньги или что-нибудь другое, которые давали либо в благодарность за величание, либо как выкуп за невесту, либо как подарок. *Деньги-то соберут, вот это крояно-то и звали, пить надо, пропить крояное как*

будто надо, деньги эти – крояно. Крояно на второй день свадьбы пропивают, опять штёбы повеселиться (Лойма 2011). Припевали жониху и невесте – деньги выпевали, крояно (Лойма 2011). Крояноё – это деньги назывались, писни-те припевали женицины жениху и невесте, а потом эти деньги, крояно, собирали эти женицины и пропивали: покупали вино и гуляли (Лойма 2011). Крояно-то – раньше были на дороге-то загорожено, скажем, там полё дак, тут деревня кончила-ся, а там полё, дак огород, дак робята-те маленькиё нарочно бегали открывали воротча, перва-то не открывают, пока крояного им не бросят, а потом дадут, дак оне тогда откроют дай, проезжают свадьба (Вотинская 2011).

КУЛТЫК, -а, м. Причёска замужней женщины в виде скрученных в пучок на лбу волос. *Волосы в култык свяжут, а сверху полбовик изладят (Лойма 1984). Бабы раньше носили култыки (Лойма 2010). Бабы-те полбешиник ещё носили, это нижний плат, волосы накрутят на лбу, култык-от, потом полбешиник, а потом уж другой плат (Вотинская 2011). Люся, волосянки-те не роспускай, бабы-те с култыком ходят (Уркинская 2011). См. КУЧОК.*

КУЧОК, -а, м. То же что КУЛТЫК. *Как повенчаются, так и завивают кучок (Тарасовская 2008). Косу расплетут и потом завивали по-нашему-то называли кучок, завьют, шпилькима заткнут тут дай, раньше-то на лбу завьют, ещё сначала белым платом закроют или красным ли, а другим сверху накрыто (Вотинская 2011). На плаканье заплетели косы или расплетают косы и делают кучок, в кучку волосы так, если не косой, и поют чё-ко (Тарасовская 2011). См. КУЛТЫК.*

ОБРАТАНИТЬСЯ, -юсь, -ишья, неперех., сов. Стать родственниками в результате женитьбы. *Оне уж обсватались, обратанились (Лойма 1985).*

ОБСВАТАТЬСЯ, -юсь, -ешья, неперех., сов. Посвататься. *Когда они уже обсватались, тогда и брат приехал (Лойма 1985).*

ОТКУПАТЬСЯ, -юсь, -ешья., неперех., несов. Свадебное обрядовое действие: произносить приговоры перед входом в дом невесты и дарить подарки. *Жониха-то не пускали сразу – откупаться надо, стояли у крыльча, а потом Коля окошком, поло дак, залез, он открыл (Тарасовская 2011).*

ПОЛБЕШНИК, -а, м. Платок, обычно красный или белый, надеваемый под другой платок, повязывался с напуском на лоб; элемент одежды замужней женщины. *Бабы-те полбешиник ещё носили, это нижний плат, волосы накрутят на лбу, култык-от, потом полбешиник, а потом уж другой плат (Вотинская 2011). См. ПОЛБОВИК.*

ПОЛБОВИК, -а, м. То же что ПОЛБЕШНИК. *Волосы в култык свяжут, а сверху полбовик изладят (Лойма 1984).*

ПРОВОЖАТАЛЬ, -я. м. Родственник невесты, который сопровождает её к венчанию и к дому жениха. *Жених приехал и евонные, кои поезжана считаются, оне же поезжана, оне за невестой приехали дак, им припевают всем, а потом оне припевают опять этим, кои поехали провожаталем, кои уж, мол, родня поедет, за невестой уже провожатали (Вотинская 2011). Кто ездили, вот скажём, провожатали, за невестой, все собирают хлибины, все угощают жониха,*

ну как, невесту провожают дак из дому в последний день – провожатали: родственники невесты – провожатали (Тарасовская 2011). Этих зовут провожатали, а от жониха – поезжане, оттуда приезжают опеть родственники жониха, на плаканье (Тарасовская 2011). Колды невеста пройдёт в дом, толды и провожатали заходят в дом (Тарасовская 2011).

СВАДЕБЖАНЕ, СВАДЕБЖАНЫ, СВАДЕБЖАНА, мн. Участник свадебного обряда, гости со стороны жениха. *От жениха это свадебжаны приедут* (Козловская 2002). *На плаканье невесту хулили, а свадебжана опеть напоют: будем учить да переучивати* (Тарасовская 2011). *Свадебжана-те выйдут из-за стола-то, да молодёжь, девки-те да парни и придут за те столы-те и садятся за большой-от стол* (Вотинская 2011).

СДАРЬЕ и **СДАРЬЁ**, -я, с. Подарок от невесты семье жениха. *Все шьют на свадьбу придано да сдарьё* (Козловская 2002). *Невеста сдарьё готовила в евонную семью, потому что какая семья надо сдарьё: свёкру надо рубаху, свекровке надо на сарафан ли, на платьё ли, золовкам надо тожо по платью, деверь у меня ещё был, тожо ему рубаху да полотенчо дарила, ещё хрёсна была, тожо ей дарила на кофту матерьялу* (Вотинская 2011). *Сондук надо с собой брать со сдерьём, сондук надо – сдарьё всем, евонной-то семье надо сдерьё, невеста дарила это всё* (Вотинская 2011). *Я должна была приготовить сдарьё жениховой-то родне, его мати мне говорит: вот этому надо, вот этому надо...* (Тарасовская 2011).

СОСВАТАНКА, -и, ж. Просватанная невеста. *Меня сосватанкой называть стали* (Лойма 2008).

ТЫСЯЦКИЙ и **ТЫСЯЦКОЙ** -ого, сущ. Распорядитель в свадебном обряде. *Сначала тысяцкому поют, потом жениху поют* (Кузнецовская 2002). *Тысяцкой – это как крёсный был* (Яриловская 2011). *Тысяцкой – хрёсной у жониха, он рядом с им сидит, караулит их. А тысяцкой – это постарше, он руководит, как теперешний тамада* (Тарасовская 2011).

ПЛАКАНЬЕ и **ПЛАКАНЬЁ** -я, ср. 1. Свадебное причитание. *Невеста плаканье вырѣвливаает* (Лойма 2008). *Невеста сидит в перепече, плачѣт дак, я их-ту не знаю, плаканишних-то, у меня не плакали плаканьем-ту* (Яриловская 2011). *У меня не плакали плаканьем-то, невеста с има поѣт, а плачѣт, плаканья-то не поют, плачут* (Яриловская 2011). 2. Довенечная часть свадебного обряда: в это время исполнялись свадебные причитания, а также пир в доме невесты. *Договорятся, сделают первое плаканнѣ, сегодня, скажем, плаканнѣ, а завтра свадьба* (Лойма 2008). *Мы как-то у одныѣ были тутока дак, на плаканнѣ была дак, один мужик был дружкой, не пустили дак, чѣ и не читал, ой, дак и не помню сейча. Невеста плачѣт, колды плаканья, вся под полотенчѣм сидит, вся уревѣтся, поют дак* (Яриловская 2011). *На плаканье невесту хулили, а свадебжана опеть напоют: будем учить да переучивати, будѣт и ткаха, и пряха, шѣлковича, полушѣлковича, и штей варея, и печь печея* (Тарасовская 2011). *Плаканье устроят – девку замуж отдают когда, последний день баню белую топят, в баню сводят, потом все придут девки плакать, замуж котора идѣт, к ей все приходят* (Лойма

2011). *Из бани девка придёт, и тогда это плаканье называлось, ещё до пировки, это до пировки, а пировка-та вот когда она из бани придёт, там старые бабки все придут, поплачут да всё, и потом жоних придёт, начнут её [невесту] выводить, потом он свою забирает, тогда за стол, а девки тожо за стол. Когда жоних придет – это пировка, а это уж плаканье – до жониха* (Лойма 2011). *Собирают у невесты плаканье, вся родня невестина собираются, стол накрыт и ждут жониха* (Уркинская 2011).

ХЛИБИНЫ, мн. Часть свадебного обряда: посещение молодожёнами родителей невесты через определенное время после свадьбы. *Невеста да жених через несколько дней ездили к теще, хлибины это назывались, потом с яичкима ездили* (Ивановская 2010). *После свадьбы на хлибины приходят: день какой назначат, у невесты-то матери, значит, ну там и хрёсная мать, в такой-то день собирают хлибины, там тожо вино пьют, угощаются, всё чин чинарём* (Яриловская 2011). *Кто ездили, вот скажём, провожатали, за невестой, все собирают хлибины, все угощают жониха, ну как, невесту провожают дак из дому в последний день – провожатали: родственники невесты – провожатали* (Тарасовская 2011). *А хлибины – на девятый день после свадьбы, как невеста уйдёт дак, вот хлибины делают: тёща зятя угощат* (Тарасовская 2011).

ХОДИТЬ ♦ **ХОДИТЬ С ЯИЦАМИ**. Часть свадебного обряда: посещение молодожёнами родителей невесты через определенное время после свадьбы, в этот день приносили в качестве гостинца сто / сорок штук вареных яиц. *Это не на хлибины, а колды-ко, говорили: «С иичима пойдём», после свадьбы колды-ко, это не хлибины, другой день, надо, мол, с иичима ходить* (Уркинская 2010). *Это тёща приходит к жониху с иичима, сорок иич должна сварить и принести, итёбы дочи напарила робят, это такой обычай был – с иичами* (Вотинская 2011). *Обязательно ходили с иичима к невесте, поживёт там она, а потом к ей домой с иичима, к матери* (Лойма 2011). *А потом опять к невесте с иичками должны ходить, корзину иичек невесте несут, козрзину иичек, поживут там сколько-то, с месяа или поменьше, опять в гости к невесте, евонная родня, у жониха, иичек кто сто, кто сколько* (Лойма 2011).

ЧОМУР, -а. м. Муж, пришедший после свадьбы жить в дом, семью жены, примак. *Да ну, он в чомура ушел, Ванька-чомур у нас так и зовут. Я тоже чомуром к Валентине ходил.* (Кулига 2009). *А это кто г-жене в дом придет, тот чомур.* (Лойма 1332) *Мой хозяин чобуром будет, вот мы сыграли свадьбу да обычно невеста идет жить в дом жениха, а мой хозяин пришел к нам семью, вот он и будет чомур.* (Тарасовская). *Мой мужик-от чомур был.* (Лойма 2008). *Мужик в семью приходил, дак это чомур, маме зять* (Вотинская 2011). *Мама говорит: чомур-от небаско, а он – баско шёлково платье* (Вотинская 2011). ♦ **УЙТИ В ЧОМУРА**. Прийти жить после свадьбы в дом, семью жены. *Ушёл в чомура, дак робить надо, некогда протягаться-то* (Вотинская 2011).

ВИЧУРа ШОР ♦ **УЙТи ЗА ВИЧУРа ШОР**. Умереть. *Да мне-то уж чё – за Вичура шор уж уйти надо, там ричка у нас, куды кладбищо, хороняют дак* (Вотинская 2011).

ВыКУПИТЬ ♦ **ВыКУПИТЬ ЗеМЛЮ**. Элемент похоронного обряда. *В землю бросають денюжки медныё, надо выкупить землю дак, есть мелочь, дак валят, говорят, надо медныё денъги, а у кого какйё есть, то и бросит* (Лойма 2011).

ДЕНЬ ♦ **УМеРШИЙ ДеНЬ**, День смерти. *А ведь он умирает, вот и умерший день.* (Уркинская, 2009). *Вот когда человек умер, потом день называют умершим.* (Лойма 2009). *В умерший день собирались все у него дома.* (Вотинская 2009).

ДОМОВиНА, -ы, ж. Гроб. *Валько Симков (это прозвищо – Симко был отец) тожо сам себе домовину изладил, в ём и похоронили. Веня Кузя был, дак он домовину-ту проход себе ладил, баба-та его раз потеряла, по деревне везде искала, а он там и спит, пьяной. Он домовину изладит да отдаст. Гроб называется домовина.* (Лойма 2008). *Домовину делали баскую.* (Лойма 2008).

ДУША ♦ **ДуШУ СПУСТИТЬ**, умереть. *Вот человек если душу спустил, значит умер, у нас-то в Лойме так говорят.* (Лойма 13306) Умереть. (Лойма 2008).

КоНЧИТЬСЯ, -усь, -ишься, неперех., сов. Умереть естественной смертью. *Чё, он уж кончился, старой был* (Лойма 2008).

НАКиНУТЬ ♦ **НАКиНУТЬ На СЕБя РуКИ**. Наложить на себя руки. *А потом сестра-то написала, что он руки на себя накинул, удавился* (Лойма 1978).

ОБРЯЖаТЬ, -у, -ишь, перех., несов. Мыть и одевать покойника. *Она сама себя не обряжает* (Лойма 1984).

ОТПУСТИТЬ ♦ **ОТПУСТИТЬ ЛаПТИ**. Умереть. *Хорошо, что скору помощь вызвали, а то я бы лапти отпустила* (Лойма 1977). *Чуть было сей год лапти не отпустила* (Лойма 1985).

ОТРЯДиТЬ ♦ **ОТРЯДиТЬ НА ТОТ СВЕТ**. Похоронить. *Отрядила мужика своего на тот свет* (Макаровская 1987).

ПРОВОДиТЬ, -у, -ишь, перех., сов. Попрощаться с умершим, участвовать в похоронном ритуале. *Кто-ко умёр, дак ходят провожают, всей деревней ходят* (Лойма 2008).

РОДиТЕЛИ, Общее название умерших родственников. *В Троечу полы не мыли, родителям грязь не пускали* (Лойма 2008).

СМОТРеТЬ ♦ **СМОТРеТЬ В ПечЬ**. Ритуальное действие, которое производили после похорон, чтобы не пугаться умершего. *Приходят, смотрят в печь, надо, штёб смотрели в печь, откроют и штёбы там в заду видно было, посмотрят и, говорят, не боятся* (Вотинская 2011).

ХОРОНиТЬ ♦ **ХОРОНиТЬ ПО-РеПНОМУ**. Совершать обряд над преждевременно умершим. *Первой схоронили по-репному: ямку дома выкопали и тут только караулили еще недели две по очереди, ходили, кого назначают, ночь караулить. Это хоронить по-репному называлось: как репу, схоронят в ямку, а не за-*

валивают, не заваливают. Потом его откараулят двенадцать дён, и его вымают и толды на кладбище везут (Козловская 2004). Ране утопленников да удавленников сразу не хороняли на кладбище, перва в доме по-репному хоронят, в саднике (Лойма 2008).

Метаязык фольклора

БЫВАЛЬЩИНКА, -и, ж. Устный рассказ о каком-либо случае, якобы имевшем место в действительности. *Бывальщинка – это так вот они, кто хорошо жили, кто худо жили.* (Козловская 2002). *Бывальщинка – это сказки.* (Козловская 2002). *Бывальщинки те вот раньше рассказывали.* (Козловская 2002). *Бывальщинка, скажем, кто как прожил, так про них.* (Козловская 2002).

ВИЛЕГОДСКАЯ, -ой, ж. Разновидность деревенской кадрили. *Вилегодскую все плясали да Русскую: кругом ходят чётые человека, две девки и два парня, и выколачивают, выколачивают, четвёрка пляшут* (Яриловская 2011). *Была звёздка, тожо росплясывали её: по двоё пляшут, двоё по двоё её пляшут, а Вилегодскую может и десеть человек плесать* (Лойма 2011). *Вилегодская, она крутая, поплясал быстро там, спел, сплясал, другая пара выходит; Вилегодская и Русская – это одно и то же поди* (Тарасовская 2011).

ДОЛГАЯ ♦ **ДОЛГАЯ ПЕСНЯ**. Протяжная песня. *Долгие пели на праздниках да свадьбах* (Вотинская 2009). *В Ватишоре-то долгие-те песни не пели, всё частушки да плясали* (Яриловская 2011). *Старые-те люди знали како-то долгие-те песни, старинные-те люди, а мы-то уже так, коротенько, како-ко частушки да* (Лойма 2011).

ЗАПЛАКИВАТЬ, -ю, -ешь, неперех., несов. Исполнять свадебное причитание, адресованное невесте. *Полотенцем закроют, плакала, подружки заплакивали, помогают невесте* (Лойма 1986). См. **НАПЛАКАТЬ**.

ЗАПЛЕТАТЬ ♦ **ЗАПЛЕТАТЬ ПЛЕТЕНЬ**. Название фольклорной игры и песни, под которую исполнялась эта игра: играющие становились в круг и клали правую руку на свое левое плечо, а левую руку на левое плечо впереди стоящего. *А то ещё плетень заплетали: крепко свяжутся и ходят по кругу. Плясали всяко, вот плетень заплетали: все назахватываются, пар по десяти и поют: «Заплетайся плетень, заплетайся»* (Лойма 1977).

ЗАСЕВАТЬ ♦ **ЗАСЕВАТЬ ПШОНУ**. Название игры и песни, под которую ее исполняли. *Ещё пшону засевали: встреча на встречу находят с топаньем и пшню поют* (Лойма 1977).

ЗВЁЗДКА и **ЗВЕЗДКА**, -и, ж. Наименование разновидности деревенской пляки типа кадрили, в которой участвуют четыре пары. *Четыре девушки кругом попляшем, а потом парней за руку-то и крутим, так звездку и плясали* (Лойма 1977). *На посиденках звёздкой танцовали. У нас плясали: звездку плясали, Груню плясали* (Лойма 1979). *Звёздку спляшут, потом по парочке, парни девок расплясывают, крутят* (Уркинская 2011). *Звёздку-ту только девки пляшут, как-то руками схватаются* (Тарасовская 2011).

КЕНАРИКА-аНА-ГеРГИ, межд. Имитация голосом звука гармонии. *Одна кенарикат, остальные пляшут под её по четвёру: кенарика-ана-герги, кенарика-ана-герги, а те по музыке как вроде, вместо гармошки.* (Вотинская 2011).

КЕНАРИКАТЬ и **КУНАРИКАТЬ**, -ю, -ешь, неперех., несов. Имитировать голосом игру на гармонии. *Одна кенарикат, остальные пляшут под её по четвёру: кенарика-ана-герги, кенарика-ана-герги, а те по музыке как вроде, вместо гармошки, потом песню поют, эта отдыхает, которая кенарикат, потом опять как по гармошке, так же и кенарикали дак* (Вотинская 2011). *Куна-рика-рина-кури – играли, плясали тожо под это место, это как кунарикали: кунарика-рина-кури, кунаргат-наргат-нарули, вот эдак и играли и плясали Русскую* (Козловская 2011). *На один мотив пели всё, по гармошке, так же и кенарикали дак, пели тожо, а «Груня» это она как-то почаще* (Вотинская 2011).

КЛАДОВИЦА, -и, ж. Рассказ, история. *Много я кладович знала. Кладовича длинна* (Лойма 1976).

КРУТОЙ, -ая, -ое. Энергичный, быстрый. *Вилегодская, она крутая, поплясал быстро там, спел, сплясал, другая пара выходит; Вилегодская и Русская – это одно и то же поди* (Тарасовская 2011).

КУНА-РИКА-РИНА-КУРИ-КУНАРГАТ-НАРГАТ-НАРУЛИ. межд. Имитация голосом звука гармонии. *Куна-рика-рина-кури – играли, плясали тожо под это место, это как кунарикали: кунарика-рина-кури, кунаргат-наргат-нарули, вот эдак и играли и плясали Русскую* (Козловская 2011). См. **КЕНАРИКА-аНА-ГеРГИ**.

НАПЕВОЧКА, -и, ж. Песня, частушка. *Пойте девочки напевочки* (Анкерская 2008).

НАПЛАКИВАТЬ, -ю, ешь, неперех., несов. Причитать. *Крёстна сидит, собираются из деревни бабы-те, наплакивают ей* (Козловская 2002). *Она племянницу отдавала, дак она ей плкала, ей наплакивала всё* (Тарасовская 2011). *Плакать плакали, причётыма наплакивали, там много наплакивали, конечно, покойнику-ту* (Козловская 2011).

НАЧИТЫВАТЬ, -ю, -ешь, перех., несов. **1.** Исполнять колыбельные песни. *Вот и начитывали всё, спи да расти, да большой вырасти* (Тарасовская 2008). **2.** Причитать. *А подружки-то начнут начитывать жалобно* (Лойма 1984). *Плачут, невеста закроется, ох, урвётся, ей всяко место начитывают, она плачёт, сидит, полотенце дадут, ох, утирается, всяко место напевают ей, дак она сама заплачёт* (Лойма 2011). **3.** Исполнять приговор дружки. *Его нарочно, специально дружком брали, ой, он много чего-то начитывал, как ко невесте приедут, он до того дочитает, до того дочитает, дак это ого-го!* (Яриловская 2011). *Дружка там начитает, начитает, а потом: Давайте открывайте!* (Лойма 2011).

ПЕТЬ ♦ **ПЕТЬ По ГАРМОНИ**, петь под гармонь. *Частушки поют чаще по гармонии.* (Кузнецовская 1321) ♦ **ПЕТЬ В СУХОМЯТКУ**, Без музыки петь. *И в сухомятку бывало пели, коль гармониста нету.* (Лойма 2009). **ПЕТЬ Под ЯЗЫК**, Имитировать инструментальные звуки при помощи вокала, речевого аппарата. *Я умею петь-то, но не так конечно, Шура вот, сосетка у меня, вот она-то ой, под*

язык хорошо-то петь умеют, так дак прямо это как гармошкина у ийо получа-еца и музыки не надо. (Уркинская 2009).

ПРИКОЛачИВАТЬ, -ю, -ешь, неперех., несов. Ритмично топая, притопты-вать в пляске. *Плясали всяко, вот Плетень заплетайся как-то плясали, вот плетень заплетайся да расплетайся; это пляска: оне пляшут, приколачивают, приплясывают* (Яриловская 2011).

ПРИПЕВаТЬ, -ю, -ешь, перех., несов. **1.** Исполнять величальные песни. *Припевают за столом, за это деньги кладут, жониха к невесте припевают, всех припевают этой писней-то, всех; кои поют, дак им деньги кладут* (Яриловская 2011). *У жониха уж припевали, кого припевали писней: «Кому чара пить, кому выпивать», многих припевали, всей родне припевали их* (Тарасовская 2011). **2.** Исполнять колыбельные песни. *В зыбке качали, бабушки качали дак и байкали, чо-ко припевали, я ничо не припевала* (Козловская 2011).

ПРИПЛаКИВАТЬ, -ю, -ешь, неперех., несов. Причитать. *Песни какие-то приплакивают на плаканьи-то* (Анкерская 2008). *Девочки эти как вроде всё плачут, уже не таким голосом, как приплакивают уже* (Вотинская 2011). *В перепечье сижу: от жениха спрятали дак, там косы плетут да приплакивают* (Тарасовская 2011).

РАСПЛяСЫВАТЬСЯ, -юсь, -ешься, неперех., несов. Исполнять танцевальные фигуры между плясками. *Это расплясывались уже оне, парень с девкой расплясываются: под руку кружат; сначала пляшут, пляшут, писни поют, а потом начинают расплясываться, крутятся друг за дружку за руку* (Яриловская 2011).

СТОПОТоК \diamond **ТОЛЬКО СТОПОТоК СТОиТ**. Пляшут энергично, быстро и часто топая. *Русского плясали: дробили, ох, как задробят дак, только стопоток стоит, подробливают, постукивают, пляшут, дак бойко бегали ноги у молодых дак* (Лойма 2011).

УРаКАТЬ, -ю, -ешь, неперех., несов. Кричать, горланить, громко петь. *Девки песни поют, уракам только так* (Лойма 13303) *Уракаем только так детьми-то* (Анкерская 2008). *Мария Фёдоровна тут пришла за Ваську, дак старик-от говорит: Так надоедала нам, ходила всё по-под окошку уракала да к нам замуж пришла* (Вотинская 2011).

ЧИТаТЬ, -ю, ешь, перех., несов. Произносить приговоры. *Мы как-то у одныё были тутока дак, на плаканье была дак, один мужик был дружкой, не пустили дак, чё и не читал, ой, дак и не помню сейчас* (Яриловская 2011). \diamond **ЧИ-ТаТЬ-ПРИЧИТаТЬ**. Исполнять причитания. *Это старыё старухи читают-причитают, колды невесту замуж отдают, невеста ревет голосом* (Козловская 2011).

Демонология

ЖЕЛЕЗНАЯ \diamond **ЖЕЛЕЗНАЯ БаБА**. Мифологическое существо, которым пугали детей. *Нас железной бабой мати пугала. Как шум подыдем, а она: железна*

баба счас придёт – мы и утихам, она, мол, под полом живёт быдто (Козловская 2011).

БаННИК, -а, м. Мифологический персонаж, дух бани. *Банник, сиди тихо, не зови лихо!* (Уркинская 2009). *И в бане даже воду оставить надо в тазике; помоешиша – оставить надо водичку, и он этой водой полоснется, у нас вон всё дед оставлет, это банник там считается* (Вотинская 2011).

ВОДиТЬ, – жу, -дишь, несов, перех. Плутать из-за нечистой силы. *Водит – не водит, а дорогу не может найти* (Карповская 2008). *Бывает и не чистая сила водит* (Вотинская 2008).

ДеКОВАТЬСЯ, -юсь, -ешься, неперех., несов. Колдовать. *Декуются – колдуются, да чё да* (Лойма 2008). *Была у нас баба, померла уже, вот дековалась она* (Кулига 2009).

ЕРЕТНИК, -а, м. Колдун, знахарь. *У них в деревне еретник был, боялись его все. На Великий четверг все хлевы закрывал: еретники ночью бежали, скот портили* (Лойма 1983). *В Великой четверг надо хлеб поставить на стол, ещё нож воткнуть надо в буханку, итёбы еретники не пришли да чо-ко не наделали над самими да над скотом* (Лойма 2011).

ИДТи ♦ **ИДТи С КУЛАКа**. Магическое действие: подметая, двигаться вперед, выставляя сжатую кисть с веником вперед. *И тут у нас вот сватья, такая была женищина, знахарка дак, она говорит: вот построили двор, да пол же теперь настилают, раньше солому клали, они [скотина] на навозе жили раньше, а теперь всё по-культурному, и загородки, всё сделано, она и говорит: с кулака надо идти, это когда метёшь щепки-то с полу* (Тарасовская 2011).

ИЗУРоЧИТЬ, -у, -ишь, сов., перех. Причинить вред дурным глазом, колдовством. *БолеЛ он часто, изурочили, говорят, еретной глаз посмотрел* (Лойма 1983). *А бывало, изурочат ребёнка, вот он и не спит. Тогда надо посмотреть в воду и пурснуть, вот и пройдёт.* (Лойма 1984). *Изурочить можно даже взглядом, надо толды фигу сделать, итёбы не изурочили* (Тарасовская 2011).

ИСКОЛДОВАТЬ, -ю, -ешь, перех., сов. Навести порчу колдовством. *Она всё булавку-то на груди носила, чтоб не исколдовали, говорит* (Лойма 13306). *Скотину могли исколдовать, вот скотину-ту раньше колдовали, коров-ту* (Козловская 2011). *Чтобы не исколдовали, иголки вот куды-ко совали, в порог да, итёб колдунья не зашла в дом* (Тарасовская 2011).

ИСКУДеСИТЬ, -у, -ишь, перех., сов. Сглазить. *Ой, говорят, вот поглядела и всю искудесила* (Лойма 2009).

МАНиЛО и **МАНиХА**, -и, ж. Привидение, видение, мифологическое существо., -а, с. Духи, приведения, заманивающие в лес, уводящие человека. *Манило манит, никто мне не кажет* (Лойма 1979). *Наш дом поповский, вот в нём и нет манихи* (Лойма 1984). *Маниха если привидение чьё како* (Лойма 1983). *Маниха – кого-ко увидят, манит, манит, это кто-ко покажется, кто-ко в белом ли, чёрном ли, в ложбине, говорят, показывается – это к смерти* (Козловская 2011).

МАНиТЬ, -ю, -ишь, неперех., несов. (безл.) Казаться, мерещиться, видеться. *Раньше и в домах манило* (Лойма 1979). *Манит-то, говорили, тут где-то неда-*

леко. (Лойма 2008). *Идёт, grit, по лесу, думат, к дороге выходит, а сам всё дальше, дальше-то в лес, я-то спрашиваю, заблудился ли чо-ли, а он-то говорит вот манило, вот рассказывают такое* (Лойма 2009).

НЕКОШНОЙ, -ого, сущ. Черт, представитель нечистой силы. *Некошные как черти. Некошной-то зло приносит* (Лойма 2008).

СЛОВОЦА, мн. Магические слова, заговор, приговор. *Репные зубы-те в уголк мышам валили, мимо-то не выбрасывали, да ещё и словца приговаривали.* ♦ **СЛОВОЦА ЗНАТЬ**. Знать заговоры, уметь колдовать. *Изурочить-то она можёт, у ё и мати-та словца знала. Словца знат – говорят о том, кто знат каки-либо приговоры, присушки, заговоры.*

СУСЕДКО, -и, м. Домовой. *Суседко давил сегодня меня к худу* (Лойма 2008). *А суседко и домовой одно и то же* (Кузнецовская 2002). *Пришли, живём и живём, есь суседко или нет суседка, не знаю, может, есть где-ко, я не видела* (Тарасовская 2011). *Есть, говорят, суседко какой-то, это старые люди говорили, и спрашивали у его: к добру, суседко, давишь или к худу? При нашей жизни уж не бывало* (Вотинская 2011). *Валя говорит: ой, суседко муку сиёт, муку сиёт! Она молитву каку-то прочитала, и он ушёл; она чула, штё он муку сиёт, а он ведь не покажется, она его не видела* (Козловская 2011).

УРОЧИТЬ, -у, -ишь, перех., несов. Наводить порчу. *Вот вели её из бани, невесту- ту, закрывали, чтоб никто не урочил* (Лойма 2009). *Вот ходят все, глядят на маленького ребеночка, урочат его. Как будто взгляды такие были и ребенок не спит, мучится весь* (Лойма 2010).

ШИШИХА, -и, ж. Колдунья, ведьма. *Шишиха-та это в сказке-то была, шишиха-та вроде ведьма, или как её называть. Ведьма она и шишиха-та* (Козловская 2002).

ШОХОН, – а. м. 1. Ряженный. *Шохоны смешат, и кто маленькие – испугаются* (Козловская 2002). 2. Святочные черти. *Это шохоны называли страшилища, черти.* (Козловская 2002).

В качестве источника этнокультурных (этнографических и этногеографических) сведений могут выступать топонимы, отражающие систему ориентации человека в пространстве, коллективные и индивидуальные прозвища, присловья и этикетные формулы.

Коллективные прозвища

ВЕРХОХОНСКИЙ, -ая, -ое. ♦ **ВЕРХОХОНСКИЕ ЧУПЫ**. Коллективное прозвище жителей куста деревень, находящихся выше по течению относительно центральной части Лоймы. *Их-то звали верхохонские чупы, это неудобно говорить, а не знаю, чё это такое – чупы, это, мне кажется, унижительное чё-то* (Тарасовская 2011).

ВЕРХОТА, -ы, ж. (соб.) Коллективное прозвище жителей куста деревень, находящихся выше по течению относительно центральной части Лоймы. *Ох, ко-*

ты, коты, коты, Не видали Верхоты. Верхота – лапотники, По п...е охотники (Вотинская 2011).

ЗАБОЧЕНА, -ы, ж. (соб.) Общее название жителей деревень, находящихся поодаль, в стороне от центральной дороге. *Бабушка у Пятковых родилась, там центральная деревня как бы, а там все деревни как на горках, вверху, оне наверху этих горок, дак она всё говорила – забока, забочена-те, говорит, которы там с тех деревень, оне не любили в стороне-то, не на дороге дак, тех-то, от большой дороги в стороне* (Вотинская 2011).

ЗАНЁНКИ, мн. Прозвище жителей деревни Козловской. [А вот рядом у вас тут следующая деревня какая?] – *Козловская*. [А у них какое прозвище было?] – *Занёнки*. (Тарасовская 2002). *Я-то из Занёнков, деревня была Заиньская, колды девкой-то уже росла была, толды уж Козловская* (Яриловская 2011). *У деревни два имени – Заненская, Занёнки, или Занькино, а пишется Козловская* (Козловская 2011).

НИЖНОКОНА, -ы, ж. (соб.) Коллективное прозвище жителей куста деревень, находящихся выше по течению относительно центральной части Лоймы. *Нижнокон – человек, которой живет ниже по сравнению с течением реки* (Лойма 1984). *Если люди живут внизу по течению Лузы, их называют нижноконны, так и говорят – вот нижнокон идет* (Лойма 1985).

ПЕНТЮРЯТА, мн. Жители деревни Пентюра. *В Пентюре-то пентюрята, а Анкерская-та это Рай, по-другому-ту так зовут, колхоз-от Разгар, а так – Рай* (Вотинская 2011).

РАЕВИЧИ, мн. Жители деревни Рай (Анкерской). *Раевичи – люди дичи, люди – бешеный народ, где увидят девку с парнем, тут стоят, разинув рот* (Вотинская 2011).

ШОРОШОНКИ, мн. Коллективное прозвище жителей деревни Вотинской. *Вотинскую деревню Шорошонками называю* (Козловская 2009). *Шорошонки – Шороховы раньше звали, а потом чё-то всё переделали, а теперь вроде Вотинская зовут* (Тарасовская 2011).

ЯВЛЁНКИ, мн. Коллективное прозвище жителей деревни Тарасовской. *Явлёнки называли раньше* (Тарасовская 2002).

ЯРИЛЁНКИ, мн. Название деревни Тарбиевской. *Некрасовы и фамилия была, там Некрасовчи, Ярилёнки, Васильевчи, Занёнки, Пятковчи, вот это все по деревням названья были, а у нас Шорошонки была, у нас дед Ананий писал письмо, дак всё деревня Шороховы напишет, а писалось Вотинская* (Вотинская 2011).

Этикетные формулы

БЕЛО ♦ **БЕЛО ТЕБЕ**. Пожелание чистой стирки. *Ну, положим, человек стирается, полощутся, ему надо – бело тебе!* (Вотинская 2011).

БОГ ♦ **ПОМОГАЙ БОГ!** Пожелание работающему человеку. *Говорили ране: Помогай Бог! А счас больше – Труд на пользу! Это каждый человек должен говорить, пусть даже незнакомый* (Тарасовская 2011).

ЗДОРОВО ♦ **ЗДОРОВО ЖИВЁТЕ**. Приветствие при встрече, здравствуйте (Лойма 1981).

ЗДОРОВЫЙ ♦ **Будь ЗДОРОВ, ЖИВИ СТО ГОДОВ, А ПОГЛЕНЕТСЯ И ДВЕСТИ ЖИВИ**. Пожелание чихнувшему. *Это колды человек чихнёт, дак ему говорят: будь здоров, живи сто годов, а погленется и двести живи* (Тарасовская 2011).

МяСО ♦ **МяСО-РеПА**. Пожелание тем, кто забивает скот, разделывает мясо. *Это колды мясничают, надо – мясо-репа!* (Вотинская 2011). *Например, свинью режут, дак скажут – мясо-репа! Наверно, чтоб мясо мягче было* (Тарасовская 2011).

ПОМОГАТЬ ♦ **ПОМОГАЙ БОГ**. Пожелание работающему. *Ваня, помогай Бог, много ли ещё робить-то?* (Вотинская 2011). См. ТРУД НА ПОЛЬЗУ.

ПРИВЕТ ♦ **ТВОЙ БЫ ПРИВЕТ ДА ТЕБЕ БЫ В ОТВЕТ**. Ответ на приветствии (Лойма 2011).

РЫБКА ♦ **НИ РЫБКИ, НИ ХВОСТА, НИ ЧЕШУЙКИ**. Пожелание рыбаку хорошего улова. *Я вот иду и рыбаку-ту скажу: Ни рыбки, ни хвоста, ни чешуйки. А мне – а пошёл ты на черта!* (Тарасовская 2011). ♦ **РЫБКА НА УДКУ, ОНА / МАНДА НА КРЮЧОК – ЛОВИ / ТАЩИ, РЫБАЧОК**. Пожелание хорошего лова при встрече с рыбаком. *Идёт кто навстрету на рыбалку, ему – рыбка на удку, она (девки, некрасивое слово тут надо ведь, манда) на крючок – лови, рыбачок* (Вотинская 2011). *Рыбка на удку, она на крючок – тащи, рыбачок! Тут чё-то на матюги надо перевернуть, она – слово ведь нехорошее, это колды на рыбалку кто-ко идёт, а ответить надо – Чёрт с тобой!* (Тарасовская 2011).

СаХАР ♦ **ЧАЙ ДА СаХАР**. Пожелание приятного аппетита. *Ну, девки, чай вам да сахар* (Вотинская 2011). *Как чай садятся пить, дак там просто лоемское слово – чай да сахар! Не говорят «приятного аппетита», а так, просто* (Тарасовская 2011).

СОРОКА ♦ **ЛЕТЕЛА СОРОКА, СеЛА НА ГВОЗДЬ – КАК ХОЗЕЙКА, ТАК И ГОСТЬ**. Приглашение делать так же, как хозяйева, например есть за столом (Тарасовская 2011).

СПРОСТА ♦ **СПРОСТА ДАю / БЕРУ**. Ритуальная фраза при обмене овощей. *Надо так говорить, колды лук даёшь: проста даю, и надо ответить: я проста беру, и толды ни тот, ни другой не можот ничё сделать быдто бы* (Лойма 2011).

ТРУД ♦ **ТРУД НА ПОЛЬЗУ**. Пожелание работающему человеку. *Ране-то говорили «помогай бог», потом уж при советской власти заменили – «труд на пользу!», нельзя быдто религию-ту* (Вотинская 2011). *Кто работает, дак ему: Здорово! Труд на пользу! Так чаще-то говорят* (Тарасовская 2011). *Говорили ране: Помогай Бог! А час больше – Труд на пользу! Это каждый человек должен говорить, пусть даже незнакомый* (Тарасовская 2011). См. ПОМОГАЙ БОГ.

Обрядовая терминология, ономастика и этнографизмы – это то, что наиболее выразительно и наглядно обрисовывает духовную культуру традиции. Однако не менее содержательна в том плане лексика, которая отражает, так сказать, ко-

гнитивные параметры языкового коллектива, свидетельствует об особенностях мировидения и мировосприятия: это, например, цветообозначения, экспрессивная лексика, глаголы речи.

В рамках этой статьи представлю лишь небольшую группу цветообозначений.

АЛЫЙ, -ая, -ое. Светло-красный, розовый. *Ну алый – красного и малинового это светлее. Алый, вроде как малиновый, только светлее.* (Уркинская 2009). *Алый – это у нас красный, только светлее. Как красный, только светлее, как малиновый, но не совсем, светлее.* (Кулига 2009). *Алый типа красного, но не красный, как малиновый. Как оранжевый или малиновый, но светлее, вот и алый* (Лойма 2009). *Ты его в алую рубаху выбаси, дак сразу овеселиёт* (Уркинская 2010).

БЕЛЫЙ, -я. е. Светлый. *Перед Пасхой-то мати заставит с дресвой все полы вышоркать, штёбы половичи-те бе-елыё были: большой праздник-от!*

БУСОЙ, -ая, -ее. Серый, пепельный, дымчатый. *Бусой краской одна церковь была покрашена* (Лойма 1988). *За рекой коровы ходят, Белая да бусая. Как моя-то милая Волосами русая* (Вотинская 2011). *Веня Буско вот был, он не белой, а бусой такой, он светлой такой, ну не совсем светлой; не только его, и до него Буско ведь были, его родители-те, вот она русая-та и была Офонаска-та* (Вотинская 2011).

ЗЕЛЁНЫЙ, -ая, -ое. (о состоянии воздуха) Морозный. *Ну вот мороз сорок градусов был раньше, ну вот выйдешь на улицу-ту дак, вот только зелено всё, вот какой морозной* (Вотинская 2011).

КУБОВЫЙ, -ая, -ое. Цвет (между голубым и серым). *Кубова цвета рубаха.* (Вотинская 2009). *Кубовы сарафаны каки-то носили* (Вотинская 2011).

ЛИСЫЙ, -ая, -ое. Рыжий. *Рыжего-то лисый называли.* (Лойма 2010). **ПОЛИСеТЬ КАК ВОЛЬХОВА ПАЛКА**. Появиться веснушкам на лице. *На мальчишка говорят: полисел как вольхова палка.* (Лойма 1978).

ОЗИМНОЙ, -ая, -ое. Оттенок зеленого. *Раньше были каки-то старухи, говорили, озимные сарафаны, зелена каки-то, тёмные, тёмно-зелёные* (Лойма 2011). *Озимной-то это вот рожь какая, она ведь разная зелень, ель вот и листья берёзы разная ведь зелень, озимной – это озимь какая, зелёнькая* (Вотинская 2011).

ТЁМНЫЙ, -ая, -ое. Темно-красный, малиновый. *Мама все просила: купи мне тёмной плат-от; я купила тёмного цвету, чёрной такой, на чёрном фоне, дак она: нет, не тот, тёмной-от – это как малиновой* (Вотинская 2011).

ТРАВЧАТЫЙ, – ая, ое. Насыщенный зелёный. *Травчатые шали красивые очень* (Лойма 2008).

Итак, можно сказать, что даже такое беглое представление материала позволяет говорить, что Картоoteca Лоемского словаря являет собой собрание лексических данных, вызывающая интерес не только лингвистов, и ее можно рассматривать как источник для изучения традиционной духовной культуры русского Севера. Этнокультурную информацию содержат лексемы, являющиеся наименованиями различных обрядовых действий, предметов, участников обрядов, мета-язык фольклора, ономастика, а также когнитивно значимая лексика. Все эти

группы слов создают, можно сказать, вербальный портрет традиции, одного из вариантов культуры Русского Севера.

СВЯТОЧНЫЕ ГАДАНИЯ СОСНОВСКОГО РАЙОНА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ (таблица-указатель)

Систематизируются типы святочных гаданий Сосновского района Нижегородской области. Материал представляется в виде таблицы-указателя.

Ключевые слова: *сборники фольклора, местная традиция, святочные гадания, указатели фольклора, фольклорные архивы.*

Types of Christmas fortune-telling of the Sosnovsky region of the Nizhny Novgorod Region are systematized. The material is represented in the form of the table index.

The keywords: *folklore collections, local tradition, Christmas fortune-telling, folklore indexes, folklore archives.*

В 2007 г. в Сосновском районе Нижегородской области проходила экспедиция Центра фольклора филологического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского. По её итогам было решено создать сборник фольклора Сосновского района. Одна из главных трудностей, связанных с работой над сборником такого типа, – это проблема наиболее полного и адекватного представления местной традиции: систематизации многочисленных вариантов. Особой сложностью отличается систематизация календарной обрядности и, в частности, святочных гаданий. Так, при классификации сосновских гаданий мы ориентировались на работу Т.С. Каневой «Репертуар Усть-Цилемских святочных гаданий: опыт представления архивных записей» [1, с. 34-61]. В основу её классификации положен «способ действий, т.е. то, каким образом, с помощью чего участники магического акта получали ответ на интересующий их вопрос. В результате однотипные гадания были разделены на 5 больших групп (разделов): I. акустические; II. визуальные; III. акциональные; IV. предметные; V. тактильные» [1, с. 35]. Весь массив святочных гаданий представлен Т.С. Каневой в виде таблицы, включившей в себя следующие признаки гаданий: цель, локусы, предметы / атрибуты или животные. Кроме того, в таблицу были включены заговорные тексты и шифры записей [1, с. 41-59]. Вслед за Т.С. Каневой мы также представляем типы святочных гаданий как таблицу-указатель.

Основной массив материала, используемого нами в работе, – аутентичные записи, сделанные в ходе фольклорной экспедиции в Сосновский район в 2007 г.¹ Также были использованы материалы экспедиции в Сосновский район 1987 г.² и ряд индивидуальных записей студентов-заочников филологического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского³. Все материалы хранятся в Центра фольклора филологического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Святочные гадания (таблица-указатель)

<i>Вид гадания</i>	<i>Цель гадания</i>	<i>Место гадания</i>	<i>Предметы / атрибуты, животные</i>	<i>Заговорные тексты</i>	<i>Шифры записи</i>
I. Акустические гадания					
«Спрашивать: «Как зовут?» (у человека, открывшего дверь дома / калитку)	Имя суженого	На крыльце			40-D001 ⁴ 02:15 ⁵ ; 40-D002 00:00; 40-D007 00:25 40-D011 00:12; 40-D017_1 00:06; 40-D018_2 00:24; 40-D042 00:09; 40-D052 00:07; 56-21-39 ⁶
«Стучать в дверь – слушать, что скажет» (человек, открывший дверь дома / калитку)	Местожительство суженого (спросят: «Кто тут?» («здесь») – жених будет из этой деревни; «Кто	На крыльце			40-D006 00:04; 40-D007 26:49; 40-D008 03:23; 40-D057_1 01:14; 40-D058

¹ См. шифр в формате 40-D0...

² См. коллекция 51 (51-...)

³ См. коллекции. 23 (1978 г.); 48 ((1983 г.); 56 (1992 г.); 59-11-6 (1996 г.); 61 (1997 г.); 64 (1999 г.).

⁴ Первая цифра обозначает порядковый номер района (40 – порядковый номер Сосновского района); D – аудиозапись в формате digital (цифровая аудиозапись), вторая цифра – порядковый номер аудиозаписи.

⁵ Тайм-код записи: часы – минуты.

⁶ Первая цифра обозначает коллекцию, вторая – единицу хранения в ней, третья – порядковый номер записи в единице хранения.

	<i>там?» – из чужой)</i>				01:26; 40-D070 00:34; 51-3-35; 51-6-24; 64-30-13
«Под окнами слушать» (человеческую речь)	Материальный достаток суженого <i>(про деньги, богатство говорят – за богатого выйдешь; про бедность, нужду – за бедного)</i>	Под окнами дома			51-3-36
«У бани слушать» (в какой стороне раздаётся стук)	Местожительство суженого	У бани		<i>Шана, манна, ушани меня, куда выйду я?</i>	23-32-6
«Спрашивать имя» (у первого встречного мужчины)	Имя суженого	На перекрёстке дорог			51-9-17
«С мусором (огарышем) ходить» (спрашивать имя первого встречного / встречной)	Имя суженого	На улице	Мусор <i>(нести в переднике, подоле)</i>		40-D007 00:26; 51-6-28; 61-29-81
			Мусор <i>(нести на венике)</i>		40-D078_2 00:03
			Мусор <i>(без уточнения)</i>		40-D035 00:11; 40-D067 00:59; 56-21-41; 61-17-7
			Огарыш <i>(тлеющая лучина)</i>		40-D052 00:08
	Имя будущей свекрови	На улице	Мусор <i>(без уточнения)</i>		40-D035 00:11; 40-D017_1 00:06
	Имя будущей свёкра	На улице	Огарыш <i>(тлеющая лучина)</i>		40-D052 00:08

« Ведро цепью заматывать » (спрашивать имя у первого подошедшего / подошедшей утром к колодцу)	Имя суженого, имя будущей свекрови	У колодца	Колодец, ведро, цепь		40-D016_1 00:04
« У колодца «крюком» постукивать » (слушать, в какой стороне раздается звук)	Местожительство суженого	У колодца	«Крюк» («иелга»)		40-D035 00:10; 40-D067 01:00 ; 40-D084 00:13; 40-D088 00:17; 51-10-24
« Снег полоть » (слушать лай собаки)	Местожительство суженого	На хрѣст ^ъ х (перекрестке дорог)	Снег	«Полю беленький снежок. Где собачка тявкнет, там мой женишок» (40-D036_1 00:56)	40-D036_1 00:56; 61-17-6
		В поле		«Полю беленький снежок. Где собачка залает, Там мой женишок»	51-5-22
				«Щиплю, щиплю белый снежок. Где собачка залает, Там мой женишок»	56-21-43
II. Визуальные гадания					
« В зеркало смотреть » (высматривать в зеркале)	Увидеть суженого	В подполе, на западне (крышке подпола), в бане, в доме	Зеркало, свечи, стакан, вода, обручальное кольцо, ножницы		40-D007 00:27; 40-D008 03:40; 40-D011 00:12; 40-D013

					00:03; 40-D017_1 00:08; 40-D018_2 00:30; 40-D036_1 01:01; 40-D040 00:07; 40-D052 00:07; 40- D057_1 01:15; 40-D058 01:23; 51- 7-29; 51-10-31
«В кольцо смотреть» (высматри- вать в коль- це, помещён- ном в блюдо с водой)	Увидеть суженого		Блюдо, вода, кольцо		51-6-23
Видение во сне	Увидеть суженого (во сне)	В доме		<i>Ложусь спать- почивать На японской горе. Три ангела в голове: Первый спит, другой глядит, Третий сон разгадыва- ет. Ангел мой прекрасный, Разгадай сон ясный: Купить или продать, Найти иль потерять?</i>	51-2-18
			Мужские брюки (под подушку)	<i>«Приснись, суженый, ряженный, судьба моя. Скажи, под- скажи» (40-D007 00:23)</i>	40-D007 00:23; 51- 10-28

			Мужская шапка (<i>под подушку</i>)		40-D008 03:43
			Зеркало (<i>под подушку</i>)		61-30-15
			Кусок хлеба (<i>под подушку</i>)	«Ряженный, суженый, приди ко мне ужинать»	61-30-16
«Колодец грызть – колодец (вёдра) замыкать» (видение во сне)	Увидеть суженого (<i>во сне</i>)	У колодца – в доме	Колодец; «модель» колодца из щепок, лучин, веточек черёмухи, спичек (<i>под подушку</i>); вёдра (<i>ставить у кровати</i>); вода (<i>в вёдрах</i>); замок (<i>под подушку</i>); ключ (<i>под подушку</i>)	«Приснись, суженый, ряженный, судьба моя. Скажи, под-скажи» (№80); «Милый придёт ключа просить» (51-02-17)	40-D007 00:23; 40-D011 00:14; 40-D018_2 00:32; 40-D031 01:05; 40-D035 00:11; 40-D036_1 00:55; 40-D040 00:07; 40-D049_1 00:01; 40-D050 00:05; 40-D084 00:14; 51-2-17; 51-10-30; 61-17-5; 61-17-51; 61-30-15; 61-30-51
«На мурье спать» (видение во сне)	Увидеть свою судьбу (<i>во сне</i>)	В доме	«Мурья» (<i>крышка подпола</i>)		40-D035 00:11
«Лёд у колодца грызть (откалывать) – бежать с льдинкой (во рту, в руке) (смотреть, где растает льдинка)	Местожи-тельство суженого	На улице	Колодец, лёд		51-2-21; 51-3-34; 51-6-29; 51-7-25

« Бумагу жечь » (смотреть на тень от огня на печи)	Увидеть суженого, местожи-тельство суженого	В доме (у печи)	Бумага, газета, сковорода, тарелка		40-D018_2 00:30, 40-D006 00:05; 40-D021 00:21 40-D048 00:54; 51-2-16
« Нитки жечь » (смотреть, чья нитка быстрее сгорит)	Первенство замужества	В доме (к потолку, к матице прикрепить)	Нитки		40-D036_1 00:57; 40-D048 00:53 51-3-27
« Воск (олово) лить » (смот- реть на образовав- шуюся в воде форму)	Увидеть свою «судьбу»	В доме	Растоплен- ные воск и олово, чаша, вода		40-D057_1 01:15; 48-1-184; 61-17-49
« Имена пи- сать » (смот- реть, чьё имя написано на выбранном листке)	Имя сужено- го	В доме	Бумажные листки с именами (под подуш- ку, в ноги)		40-D002 01:08
« Названия церквей пи- сать » (смот- реть название церкви / мужское имя, написанное на вытянутом листке из шапки / блюдца с водой)	Местожи- тельство суженого (в какой де- ревне нахо- дится цер- ковь – там живёт суже- ный)	На папер- ти (перед дверьми)	Листочки бумаги с названия- ми церк- вей, шапка		56-21-42
	Церковь (где пройдёт венчание); имя сужено- го	В доме	Листочки бумаги с названия- ми церквей и мужски- ми имена- ми, блюдце с водой		61-29-48
III. Акциональные гадания					
« Ступу ло- вить » (с за- вязанными глазами)	Вероятность замужества (поймаешь ступу – вый- дешь замуж);	На улице (в сугробе, на дороге, на при- горке);	Ступа		40-D014_1 00:03; 40- D016_1 00:03; 40-D017_1

	время сватовства (<i>быстро пой- маешь – ско- ро выйдешь (в этом месяце, году)</i>); первенство брака (<i>кто первый поймает ступу</i>)	в избе			00:06; 40-D035 00:00; 40- D036_1 01:00; 40-D040 00:06 40-D048 00:54; 40- D057_1 01:14; 40-D070 00:30; 40- D084 00:26; 40- D088 00:18; 23- 32-4; 51-3-28; 51-5-26; 51-9-16; 51-10-23; 61-17-5
«Иголку ло- вить» (пы- таться захва- тить губами иглолку, по- мещённую в чашу с во- дой)	Вероятность замужества (<i>захватить иглу – вый- дешь замуж</i>)	В доме	Игла, чаша, вода		40-D040 00:06
«Дрова тас- кать» (счи- тать поленья)	Материаль- ный доста- ток суженого (<i>«Сусек – бо- гато жить, а кузовок – бу- дешь нищен- кой»</i>)	На улице (<i>у полен- ницы</i>)	Дрова	<i>«Кузовок – кузовок – сусек – ме- шок»</i>	40-D017_1 00:07
	Вероятность замужества (<i>чётное коли- чество захва- ченных дров – к замуже- ству</i>);	На улице (<i>у полен- ницы</i>)	Дрова	<i>«Выйду – не выйду» (51-10-27)</i>	40-D011 00:13; 40-D036_1 01:01; 51-7-26; 51-10-27
	Социальный статус суже- ного (вдовец или холостой)	На улице (<i>у полен- ницы</i>)	Дрова	<i>«Вдовец – молодец»</i>	51-10-27

	Время сватовства (сколько поленьев захватишь – через столько месяцев выйдешь замуж)	На улице (у поленицы) – в избе (считали)	Дрова		51-5-27
«Забор обхватывать» (считать жерди)	Вероятность замужества (выпадет «он» – выйдешь замуж)	На улице	Забор	«Он – она...» (51-2-22)	40-D012 00:02; 40-D051 00:04; 51-2-22
	Социальный статус суженого (вдовец или холостой)	На улице	Забор	«Молодец – вдовец...»	40-D018_2 00:27; 51-3-32; 51-10-26
	Время сватовства (сколько жердей обхватишь – через столько месяцев выйдешь замуж)	На улице	Забор		51-5-28
	Материальный достаток суженого («сусек» – богатый; «мешок» – среднее благосостояние; «кузов» – бедный)	На улице	Забор	«Мешок – сусек – кузов...»	61-17-29
«Забор сажнями мерить» (считать, сколько осталось жердей, не заполнивших «сажень»)	Количество человек в будущей семье	На улице	Забор		40-D036_1 01:02
	Количество детей в браке	На улице	Забор		40-D084 00:26
«Колосья» выгрызать» (считать, сколько выгрызено щепочек из сруба колодца)	Количество золовок	На улице (у колодца)	Колодец, щепочки («колосья»)		61-29-46; 61-29-80

IV. Предметные гадания					
<p>«Обувь бросать» (смотреть, куда носок валенка / сапога / ботинка, лаптя; обора лаптя укажут)</p>	<p>Местожительство суженого</p>	<p>На улице (<i>бросать обувь через ворота, через дом, на перекрестке</i>)</p>	<p>Лапоть (обора («верёвочка»), валенок, сапог, ботинок</p>		<p>40-D00102:15; 40-D00201:06; 40-D004_100:03; 40-D00600:05; 40-D00700:25; 40-D01300:02; 40-D02500:05; 40-D034_100:03; 40-D03500:14; 40-D04200:1; 40-D04800:55; 40-D049_100:01; 40-D057_101:14; 51-2-14; 51-6-30; 51-9-17; 51-10-25; 61-17-05; 61--17-49; 61-29-106; 61-30-12; 61-30-49</p>
<p>«Кур ловить» (смотреть, кто попадётся: петух или курица)</p>	<p>Определить свою судьбу, социальный статус суженого (<i>вдовец или холостой</i>)</p>	<p>В курятнике (<i>в темноте или с завязанными глазами</i>)</p>	<p>Петух (<i>к плохому, к вдовству, выйти замуж за вдовца (разведённого)</i>), курица</p>		<p>40-D016_200:00; 40-D02100:18; 40-D05400:49; 40-D07000:31; 51-2-15; 51-5-23; 61-17-27; 64-30-18</p>

<p>«Что курица клюнет» (смотреть, что выберет курица / петух)</p>	<p>Вероятность замужества, внешность суженого, материальный достаток суженого, профессиональная деятельность суженого</p>	<p>В доме</p>	<p>Курицы, петухи, нарисованный мелом, углём круг (в который помещали пойманных куриц).</p> <p>Предметы на выбор: (традиционная мотивировка) вода, вино в стакане, чаше, блюде (муж пьяницей будет); зерно, пшено, жито, хлеб (хлебные крошки) (муж богатый, хозяйственный будет); деньги (муж богатый будет) зеркало (муж красивый будет); кольцо (к замужеству); табак, крупа, зола</p> <p>Предметы на выбор: («профессиональная» мотивировка): уголь (муж угольщиком («угольником», «углеводом») будет);</p>		<p>40-D002 01:06; 40-D005_1 00:34; 40-D006 00:05; 40-D007 00:26; 40-D013 00:02; 40-D016_2 00:00; 40-D017_1 00:06; 40-D021 00:18; 40-D035 00:09; 40-D036_1 00:59; 40-D052 00:07; 40-D054 00:49; 40-D058 01:24; 40-D067 00:59; 40-D070 00:31; 51-2-20; 51-3-30; 51-5-24; 51-6-24; 51-7-27; 51-9-16; 59-11-6; 61-17-28; 61-29-49; 64-30-18; 64-30-50; 64-30-106</p>
--	---	---------------	---	--	--

			стружки <i>(муж пильщиком будет);</i> блюде с водой, в которой плавает щепка <i>(муж плотником будет);</i> пшено <i>(муж хлеборобом будет);</i> вода <i>(муж водопроводчиком будет);</i> карты <i>(муж игроком будет)</i>		
«Что курица будет делать» (смотреть, как будет себя вести выбранная курица / петух)	Вероятность замужества <i>(девушка, к которой подойдёт петух, выйдет замуж в ближайший Мясоед)</i>	В доме	Петух		40-D011 00:14
	Характер суженого <i>(«курица выбежит из круга – муж разгульный будет; если будет сидеть – смирный будет»)</i>	В доме	Курицы		51-2-20
	Узнать о будущей семейной жизни <i>(курица повернется к девушке задом или убежит – муж</i>	В доме	Курица		51-9-17

	<i>будет от нее гулять)</i>				
	Узнать о будущей семейной жизни (кураца забьётся в угол, «напорет» – жених «плохой» будет)	В доме	Курица, куриный помёт		40-D021 00:19; 61-29-49
	Характер суженого (кураца закудачет – муж крикливый будет)	В доме	Курица		64-30-106
	Характер будущей свекрови (кураца не притрагивается к «угощению», а только кудачет – свекровь всё время будет ругаться)	В доме	Курица, вода, хлеб, пшено		40-D036_1 00:59
«Кур ловить» (смотреть на цвет оперения пойманной птицы)	Внешность суженого (поймаешь чёрную курицу – жених будет черно-волосый; рябую – с веснушками; рыжую – рыжий)	На дворе	Курицы		51-3-29
«Шерсть у овец драть» (смотреть на цвет вырванного клокa шерсти)	Внешность суженого (чёрная шерсть – жених будет с тёмными волосами; белая шерсть – со светлыми)	В хлеву	Овцы		51-5-20

«У коровы рога щупать» (смотреть, куда указывают рога выбранной коровы)	Местожи-тельство суженого	В хлеву, на дворе	Корова		40-D034_1 00:03; 40-D035 00:14; 40-D036_1 01:00; 51-3-33; 51-5-19; 23-32-5; 61-29-79
«За ступой следить» (смотреть, куда покажется брошенная ступа)	Местожи-тельство суженого	На улице (на пригорке)	Ступа		51-5-26
«Ложки прятать» (смотреть, какая ложка достанется)	Возраст суженого (найдешь новую ложку – муж молодой достанется); социальный статус суженого (старую – вдовец)	На улице (прятать в снегу)	Ложки, снег		51-3-31
«Комочки из снега катать – снег топить – волос в воде искать» (смотреть на цвет волоса)	Цвет волос суженого	На улице – в доме (на печи)	Снег, вода, чаша, волос	«Подруженька, дорогая, Во сне видела ой-ой, И на картах я гадала, Залеточка будет мой»	51-6-24
«Колья считать» (смотреть, каким будет загаданный кол (10-й, 12-й))	Внешность суженого (высокий кол – жених высоким будет)	На улице (у забора)	Забор, выбранный кол		61-17-50; 61-29-102
«Полено вытаскивать» (смотреть, каким	Внешность суженого (тонкое полено – худой	На улице (у поленницы)	Поленница, полено		64-30-17

будет вы- бранное по- лено)	<i>жених; тол- стое – наоборот); количество детей (сколько суч- ков на полене будет)</i>				
V. Тактильные					
«Попу высо- вывать»	Вероятность замужества <i>(если чув- ствовали прикоснове- ние)</i>	Баня <i>(в дверном проёме)</i>		<i>«Шаня меня, ушани меня»</i>	51-10-33
	Материаль- ный достаток суженого <i>(мохнатой рукой погла- дит – бога- тый; гладкой – бедный)</i>	В овине			40-D070 00:33

1. Канева Т.С. Репертуар усть-цилемских святочных гаданий: опыт представления архивных записей // Труды конференции «Покровские дни». Н. Новгород, 2009-2010. Вып. 1.

Сведения об авторах

Асташкин Дмитрий Юрьевич, канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры журналистики Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.

strider-da@ya.ru

Бабенко Леонид Георгиевич, канд. мед. наук, доцент кафедры социальной работы института социальных технологий Сыктывкарского государственного университета.

babenko2804@rambler.ru

Барт Мария Вячеславовна, канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурных коммуникаций Сыктывкарского государственного университета.

mariabart@mail.ru

Бешкарев Алексей Александрович, канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры журналистики Сыктывкарского государственного университета.

zhurnalist@syktsu.ru

Бунчук Татьяна Николаевна, канд. филол. наук, доцент кафедры русской и общей филологии Сыктывкарского государственного университета.

tnbunchuk@mail.ru

Вохрышева Евгения Валерьевна, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики и межкультурных коммуникаций Самарской академии культуры и искусств.

Вуттке Николай Анатольевич, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков естественно-научных специальностей Сыктывкарского государственного университета.

Григорьева Евгения Сергеевна, асп., зав. методическим кабинетом Института социальных технологий, старший преподаватель кафедры общей психологии Сыктывкарского государственного университета.

gragm@mail.ru

Данилова Екатерина Андреевна, ст. преподаватель каф. лингвистики и межкультурных коммуникаций Сыктывкарского государственного университета.
kati30_82@mail.ru

Доброноженко Галина Федоровна, докт. истор. наук, зав. кафедрой истории, политологии и социологии Сыктывкарского государственного университета.

Каракулов Антон Николаевич, соискатель кафедры современного русского языка и общего языкознания филологического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Кознова Ирина Евгеньевна, докт. истор. наук, ведущий научный сотрудник сектора философии культуры Института философии Российской академии наук

Колосова Светлана Леонидовна, доктор психол. наук, профессор кафедры связей с общественностью и рекламы Сыктывкарского государственного университета.

kolosova1961@mail.ru

Краева Инна Юрьевна, канд. педагог. наук, доцент кафедры педагогики и педагогической психологии Сыктывкарского государственного университета.

Кырнышева Ольга Валерьевна, главный библиотекарь Национальной библиотеки Республики Коми.

raritet@nbrkomi.ru

Лудыкова Валентина Матвеевна, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой коми и финно-угорской филологии Сыктывкарского государственного университета.

kkfuy@syktsy.ru

Макарова Любовь Михайловна, докт. ист. наук, профессор кафедры связей с общественностью и рекламы Сыктывкарского государственного университета.

Минина Ольга Георгиевна, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой лингвистики и межкультурных коммуникаций Сыктывкарского государственного университета.

sefl@mail.ru

Мусанова Светлана Семеновна, асп. кафедры русской и общей филологии Сыктывкарского государственного университета.

musanova_svetlan@mail.ru

Понарядов Вадим Васильевич, канд. филол. наук, ст. научный сотрудник Института языка и литературы Коми научного центра УрО РАН

Пыстина Ольга Владимировна, канд. филол. наук, доцент каф. русской и общей филологии Сыктывкарского государственного университета.

olga-pystina@yandex.ru

Разина Татьяна Валерьевна, канд. психол. наук, доцент, зав. кафедрой общей психологии Сыктывкарского государственного университета.

razinat@mail.ru

Рыжова Елена Александровна, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой журналистики Сыктывкарского государственного университета.

zhurnalist@syktsu.ru